

100

ВЕЛИКИХ ЗАГАДОК РУССКОЙ ИСТОРИИ

Николай Николаевич Непомнящий
100 великих загадок русской истории
Серия «100 великих»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=326352

100 великих загадок русской истории / Автор-сост. Н.Н. Непомнящий.: Вече; Москва; 2006
ISBN 5-9533-1526-0

Аннотация

Россия, спящая красавица, для всего мира веками была загадкой. Понять особенности и закономерности ее исторического пути пытались многие крупные писатели и ученые как в самой стране, так и за рубежом. Вся история России полна неразгаданных тайн – будь то эпоха Древней Руси, Московского царства, Российской империи или Советского Союза. Читателю предлагаются оригинальные версии, результаты исследований ученых, краеведов, журналистов. Авторы представленных материалов доказывают подлинность Велесовой книги, прослеживают судьбу Анны Ярославны, королевы Франции, анализируют сведения о пропавшей библиотеке Ивана Грозного и о старце Федоре Кузьмиче, возможно, прожившем первую половину жизни как император Александр I, рассказывают об экспедициях, отправлявшихся на поиски таинственных земель, уникальных изобретениях и загадках советской космической программы.

Содержание

Часть первая.	4
Славянский орнамент на кельтском сапоге	4
Велесова книга, спасенная от революции[1]	6
Великая стена... на Волге[2]	10
Анна Ярославна: русская княжна на французском троне[3]	13
Государство-призрак, или Русская Атлантида[4]	16
Сага о«Новых русских» из рода Инглингов[5]	22
Род Романовых – из XII столетия?[6]	27
Тайные маршруты русов[7]	33
Загадка Александра Невского	37
Где была Куликовская битва?[8]	39
Чем болел Иван Грозный	43
Пророчества чухонских старцев[9]	47
Соловецкий святой[10]	51
Провидец из киевской пещеры[11]	55
Откровения святителя Алексия	58
Часть вторая.	62
«Железный мужик» из XVI века	62
Индоокеанская экспедиция Петра I[12]	65
«Летательная машина» Франца Леппиха[13]	71
Секретная книга Ивана Кулибина[14]	75
Таинственные лучи инженера Филиппова[15]	78
В поисках земель, которых не было[16]	83
Магнитолет профессора Вейнберга[17]	90
Очередная разгадка тунгусского чуда[18]	93
Последнее плавание «Геркулеса»	97
Пропавшая рукопись инженера Гаккеля[19]	102
Секретная жизнь после смерти	107
Машина времени – утраченное открытие[20]	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Николай Николаевич Непомнящий

100 великих загадок русской истории

Часть первая. Во тьме веков

Славянский орнамент на кельтском сапоге

В своих записках о галльской и британской войнах Гай Юлий Цезарь восхваляет доблесть римских легионов, проявленную в сражениях с коренными племенами Европы, принадлежавшими к большой семье кельтских родов. Но если с галлами и бриттами римляне покончили довольно быстро, то на скоттах – предках современных шотландцев – Цезарь «сломал зубы». Римским легионерам пришлось соорудить величайший в Европе вал, дабы уберечься от набегов скоттов – искусных воинов, гордых рыжеволосых гигантов. В Северной и Центральной Европе кельты перемешались с германскими и славянскими племенами в те времена, когда у этих «варварских» племен еще не было письменности. Кельты будто растворились в эпоху Великого переселения народов, так и не войдя в общепризнанную историю Европы. Их словно бы и не существовало, школьные и университетские курсы истории лишь вскользь упоминают кельтов как неких второстепенных персонажей. А вот валлийцы, шотландцы и ирландцы сумели сохранить свою индивидуальность и оставили миру и опыт погребения, и памятники материальной культуры.

Но все же очередь дошла и до кельтских археологических находок. Летом 1978 года сотрудница археологического управления земли Баден-Вюртемберг обратила внимание на странное каменистое возвышение около немецкой деревушки Хохдорф. Потрясенные археологи засвидетельствовали, что их очаровательная коллега напала на первую неразграбленную могилу кельтского вождя! В погребении были обнаружены золотые вещи (кинжал, гребень, нож для бритья, ножницы) общим весом более полукилограмма! Сам вождь, имея гигантский для того времени рост (187 сантиметров), покоился на роскошном бронзовом диване на колесиках. А бронза тогда, 2500 лет назад, ценилась почти так же, как золото. Наиболее ценным экспонатом, обнаруженным в погребении кельтского вождя, оказался экипаж длиной 4,5 метра, окованный железом. Железо же было тогда во много раз дороже золота! Значит, покойный относился к числу очень богатых людей.

Обнаруженные вещи говорят о воинственном нраве кельтского владыки. Впрочем, миролюбие было весьма нетипичным свойством людей, живших в VI веке до н.э. Вообще, весь набор находок в захоронении свидетельствует о высокой культуре кельтов.

Кельтские сапоги со славянским орнаментом

Погребение кельтского вождя в Хохдорфе было признано «находкой века». Оно прояснило многие вопросы, и в частности то, что «самая немецкая из всех полноводных рек» Рейн, оказывается, имеет кельтское название. Это же относится и к другим «немецким» рекам. То есть территорию нынешней Германии населяли 2500 лет назад не германские племена, а кельты. После них эти земли заселили славяне, а уж потом сюда хлынул поток полудиких германцев. На золотой обкладке сапог кельтского вождя вытиснен крест в квадратной рамке с четырьмя точками. По свидетельству академика Б. Рыбакова, такой орнамент прослеживается, начиная с VIII века, на предметах быта древних русичей. Очевидно, вытесненные германцами славяне и кельты объединились и ушли на восток Европы. И для них началась новая история...

Велесова книга, спасенная от революции¹

Ее называют и «Дощки Изенбека», и елесова (Влесова) книга. Путь ее к широкому читателю был непрост. Он занял почти век и напоминает мрачный мистический детектив. Начало его восходит ко временам Гражданской войны.

Ехал в 1919 году офицер Белой армии, командир артиллерийской батареи Али Изенбек мимо имения князей Куракиных. Видит: усадьба разграблена и порушена... Казалось бы, чего искать белому офицеру среди печальных развалин? Однако будто был ему голос: «Останови коня. Войди в дом». Так обнаружил Изенбек эту книгу.

В одной из комнат разоренной усадьбы на полу среди опрокинутой мебели рассыпаны были плоские деревянные прямоугольнички странного вида. Дощечки, темные от времени, покрытые плотно вырезанными непонятными знаками, соединенными прямой бороздкой поверху. Многие бы решили: безделица. Но Изенбек, к счастью, был не только строевой офицер. В лучшие времена он участвовал в археологических экспедициях. Мир воспринимал глубоко и чутко. Писал картины... Почувствовалось ему: дощечки эти есть нечто, имеющее ценность непреходящую. Спасти их надо любой ценой.

Изенбек вывез «дощечки» из России при эвакуации Крыма. Так и ушла «Книга» князей Куракиных вместе с отступающей белой армией. Но что это такое, оставалось непонятным долгие годы. В Европе никто не сумел даже идентифицировать язык, на котором был написан текст на древних «дощках». Но вот однажды в Брюсселе случай свел спасителя наследия нашей древности с Юрием Миролюбовым, тоже эмигрантом, деникинским офицером, великим знатоком славянской старины. В те годы Юрий Петрович был одним из немногих уцелевших экспертов, знающих о «русских письменах» и старинных «текстах на дощках». Вот этому знатоку и показал свое сокровище Али Изенбек. «Дощек» было «два кожаных мешка». Миролюбов расшифровывал их без малого десять лет: с 1927 года по 1936-й. По мере продвижения дела отсылал переписанный оригинальный текст и его перевод в Русский музей Сан-Франциско. Туда же отправил и фотографии нескольких дощечек. Вся его деятельность протекала на квартире Изенбека. Али не позволял другу никуда выносить книгу из своего дома, проявляя непонятную тому осторожность.

Время показало, что осторожность была более чем оправданна. В 1941 году Изенбек скорпостижно скончался во время оккупации Бельгии немцами. Родственников у него не было, и по завещанию все имущество отошло Миролюбову. Но тут вдруг возникли странные бюрократические препятствия. Несколько недель наследнику не позволяли вступить в права. Попав же наконец на квартиру, Юрий Петрович с ужасом обнаружил: бережно хранимые Изенбеком дощечки исчезли – все до единой! Но мало того. Обнаружилось, что вообще весь архив Изенбека канул в небытие. Однако и это не все. Пропали даже фотографии дощечек из музея в Сан-Франциско. Кроме одной-единственной... Далее события развивались не менее странно.

Полтора десятилетия Миролюбову не удавалось организовать издание результатов работ. Публикация списков с исчезнувшего оригинала была начата лишь в 1953 году. Причем она оказалась возможной только в результате содействия одного влиятельного эмигранта. Примечательный был у него псевдоним: А. Кур (не Куракин ли?).

Особенной реакции на издание в мире не наблюдалось. Советские филологи, например, провели в 1960 году лишь подобие экспертизы. Изучили только 0,5 процента всех текстов. И этого оказалось достаточно, чтобы вся книга князей Куракиных попала в разряд

¹ По материалам Д. Логинова.

фальшивок! Дескать, Миролубов и всякие там прочие белые офицеры, враги народа, сами все сочинили.

Так бы и теперь думали. Только вот... «сочиненный» текст обладает, как теперь выяснилось, серьезной предсказательной силой. Подоспели археологические открытия. В 1980-е годы вели раскопки в бассейне Припяти. Из текста дощечек можно понять: наши далекие предки жили по берегам этой реки в период II века до н.э. – III века. Именно там и были открыты поселения. И все совпало: к такому выводу пришли как отечественные, так и западноевропейские эксперты.

А в 90-е годы группа историков занялась тщательным исследованием хронологии древней Киммерийской царской династии. Опубликовали результаты. И тогда вдруг выяснилось, что они совпадают с данными, приведенными в книге новгородских волхвов. Как это все понять? «Выдуманный» текст опередил науку на 30 лет? «Фальсификаторы» обладали даром провидения, какие открытия будут сделаны по их смерти? Эти и другие примеры приводит Виктор Грицков, занимающийся изучением «дощек» Изенбека с 1992 года. Он утверждает: «Книга князей Куракиных – безусловно подлинный, уникальнейший памятник глубочайшей древности».

Прорисовка одной из дощечек Велесовой книги

«Дощка», нумерованная II, 16.

Именно так называется дощечка, фотография которой сохранилась. Написано на ней приблизительно следующее: «Знаковая Книга сия, [открой] Исток Богу нашему, коий бо есть прибежище и сила!

В оны (известные от Начала?) времена был муж, який был благ неколебимо, [и] который наречен был Иако. [Он был] отец [Девы], Тивериадец.

И этот муж имел жену и дочь Деву, оное (знатное) стадо коров и многочисленных овнов.

С[вятая] Оная шла путем тайным, нигде не познала мужа.

[Иако же] про дочь свою так молил богов, чтобы род его не пресекался.

А та мольба услышана была Дажьдбогом, ибо уже пришел час Его. И Он дал измененное: пришел меж нас, имея еще вернуться.

На Нем была ясна туча – то новорожденный Младенец нес Божий знак.

И вот мы отправились в странствие, имея [дары] до Бога нашего, которому речена хвала: будь благословен, Царь, ныне, присно и от века до века!

Сказано, о кудесники: те [отправившиеся] найдя, порекли так и назад вернулись».

Во времена Иисуса Христа на берегу обширного Галилейского озера, между Магдалой (откуда родом св. Мария Магдалина) и Адамой, располагался город Тивериада. Но это еще не все. Само Галилейское озеро именовалось в те времена морем Тивериадским. Тивериадой (реже – Генисаретом) называли также всю область к западу от этого озера-моря, то есть

прежде всего всю Галилею по Назарет включительно. Именно галилеянами, то есть тивериадцами, тиверийцами, были родители Пресвятой Девы Марии, Матери Иисуса.

Небезынтересно также, что в ту эпоху, когда проповедовал Иисус, обширной Римской империей, и в том числе Сирийской ее провинцией, частью которой значилась Галилея, правил император Тиберий. Поэтому дощечка может указывать также и на временной период, близкий Тиберию.

Очень интересен образ «ясна туча». В точности такой же встречаем в предании о Рождестве Христовом, записанном Иустином Философом из Сихема (нынешний Неаполь), жившим в Палестине во II веке. «Ночью, на пути в Вифлеем, пришло Марии время родить. Иосиф поместил Ее в пещере, в которой держали скот, а сам отправился искать повитух. И вдруг произошло нечто странное. Иосиф шел, но не двигался. Глядел на небо и видел, что остановился небесный свод. Все остановилось и на земле. Животные перестали жевать. Пастух, поднявший кнут, замер. Вкушавшие при дороге пищу не донесли руки к устам своим. В это мгновение родился Сын Божий. Иосиф же, найдя повитуху, говорил ей, что помощи ожидает Дева, которая обручена ему, но не жена, и зачала от Духа Святого. Повитуха пошла с Иосифом, и они увидели: «некое ясное облако озарило пещеру, воссиял свет великий...»

Два слова «ясна туча», поставленные рядом, производят впечатление сродни словам «черный снег» или «сладкая соль». То есть такое выдумать – невозможно! Но если человек пытается передать непосредственное впечатление от поразившего его необыкновенного события, он как раз употребляет именно необычные сочетания слов.

Психологически это, может быть, наиболее значимый аргумент, позволяющий утверждать: в каком-то поколении учителями новгородских волхвов (хранителей Велесовой книги) были странники, видевшие Младенца собственными глазами. Невероятно! – скажет наш современник. А между тем на Руси еще несколько веков назад считали именно так. На суздальской иконе «Рождество Христово» (XVI в.) волхвы изображены в характерной русской одежде – отороченные мехом плащи и шапки. Такие одеяния не встречаются на иконах, посвященных иным событиям эпохи Христа. Подобное можно видеть лишь на образах уже русских святых, например Бориса и Глеба. Причем все остальные фигуры суздальского «Рождества» – повитухи, пастух, Иосиф – облечены в одежды, обычные в Палестине: покрывала от солнца, широкополые шляпы.

И еще интересная деталь. Религиозные живописные произведения Запада обыкновенно представляют волхвов подносящими дары. Русский же иконописный канон другой – все три волхва изображаются на конях. Так и на «Рождестве» суздальском. Фигурка коня изображена в левом верхнем углу дощечки Велесовой книги, говорящей о Рождестве. Это изображение на «дощке II, 16» специально отмечается в рукописи перевода ее Ю.П. Миролюбовым. Рисунок коня, как и высокий пафос начальной фразы, отличает данную дощечку от остальных. Вспомним эту фразу: «Знаковая Книга сия, [открой] Исток Богу нашему, коий бо есть прибежище и сила!» По-видимому, посвященный далеким векам стремился дать ясный знак: речь идет о реальном длительном путешествии и о событии, не сопоставимом по важности ни с каким другим.

«Рождество» суздальское отображает ясно не одну лишь пещеру, но также гору. А между тем о горе не говорит ни один источник, за исключением древнерусской ведической легенды. Иконописцы еще не столь далекого прошлого принимали этот канон. Они же и воспринимали «волхвов с Востока» как русов. Ибо православные иконописцы отказывались изображать одного из волхвов «очень смуглым», несмотря на то что так требовал канон византийский.

Подобное упорство не было безосновательным. О том свидетельствуют новейшие исследования о перемещениях народов за длительные исторические периоды. Известный писатель и историк Владимир Щербаков полагает: географически близкий к Тивериаде тро-

яно-фракийский регион во времена Иисуса Христа был... русским. Фракийское племя, объединившее другие племена этой области, называло само себя русами. Античные же авторы именовали их одрюсами. Владимир Щербаков приводит не только описание внешности и обычаев, но также имена великих князей русов-одрюсов: Садко, Сев, Котко... В первые века по Р.Х. началось великое переселение народов трояно-фракийского региона на север. Одрюсы пришли из Фракии на Днепр... Щербаков прямо говорит о том, что Киевской Руси предшествовала Русь Фракийская. Так что предшественникам новгородских волхвов не надо было преодолевать во времена Святого семейства слишком большое расстояние, чтобы оказаться в Палестине.

К сказанному надо добавить следующее. Древнеславянские ведические предания содержат поразительное пророчество, которое было известно на русской земле задолго до Рождества Христова. Вот оно:

«Дева породит Божича (Сына Бога).

Повитухою будет Жива.

Свершится это в пещере на горе сарачинской (земли сарачин, или сарацин – древнее название Палестины).

Запляшут над пещерою в небе Месяц и часты звездочки.

А от горы увидят в ночи сияние, как от Солнца.

Сберутся к этой пещере сорок царей, сорок князей, сорок волхвов от всех родов.

Увидят у Младенца в руках они Книгу Ясную.

И Книга будет учить волхвов, и князей, и царей земли.

И сделается та сарацинская гора – золотая...»

Причем подобное предсказание содержит не одна только Веда славян. О воплощении Христа предрекали также Пураны Индии, написанные за тысячи лет назад.

В наше время можно считать доказанным (так полагают авторитетные ученые Бал Гангадхар Тилак, Дурга Прасад Шастри и другие), что индуизм и древнеправославие (ведизм) русов происходят от одного корня. И корень тот есть Северная традиция – древнейшее на Земле духовное богомировоззренческое учение. Предание повествует, что эта Северная (или Русская) традиция была унаследована ариями от арктов. То есть от легендарного народа затонувшей Арктиды – северного полярного континента, который изображает знаменитая карта Меркатора.

Произошла передача учения «две тьмы» (20 000 лет назад), когда, как повествует Велесова книга, аркты под водительством князя Яра пришли через Белое море «в край Русский».

Працивилизация Арктида намного превосходила нынешнюю, существующую на Земле. В частности, аркты обладали даром пророчества. Авторитет унаследованного от них учения был так высок, что веру в истинность их пророчеств разделял в праантичные времена весь мир. Отсюда понятно, почему индоарийские ведические тексты предсказывали пришествие Сына Божия в этот мир много раньше, полнее и обстоятельнее, чем, к примеру, хрестоматийный Ветхий Завет.

Но все это – лишь малая часть великой картины прошлого, которую открывает нам Велесова книга.

Великая стена... на Волге²

Если внимательно рассмотреть карту Самарской области, то можно заметить нечто любопытное. Через всю губернию тянется зубчатая, как борона, линия. Мимо Самары, мимо Водина, Суходола – куда-то далеко на северо-восток. Такими линиями на топографических картах обозначают оборонительные сооружения и дамбы. Только от кого и кто оборонялся в суходольских степях – непонятно. Тем более дамба там явно ни к чему – вокруг безводная степь на десятки километров.

Это одно из самых загадочных и колоссальных сооружений края историки называли Заволжским валом. В учебниках местной истории про него ничего не сказано. По крайней мере, в тех, по которым нас когда-то учили. Зато современные историки-альтернативщики Заволжским валом сильно заинтересовались. И вот почему. Солидная земляная насыпь со рвом, как установлено, начинается где-то в устье реки Чагры, тянется через несколько областей, уходит в Татарстан и теряется в предгорьях Среднего Урала. Общая длина – не менее двух тысяч километров! Считается, что ее построили по приказу императорских сановников Василия Татищева, Петра Рычкова и Ивана Кирилова в XVII—XVIII веках. Для защиты от кочевников.

Что правда – то правда. Отцы городов поволжских радели за безопасность своих граждан. Они действительно строили укрепления, о чем сегодня сообщают архивы – впрочем, весьма скупо и без подробностей.

А теперь попробуем решить простую задачку. Подсчитайте, сколько потребуется землекопов, чтобы насыпать крепостной вал длиной хотя бы несколько километров и высотой метра два-три (чтобы можно было вооруженного конника притормозить). А времени на такую работу сколько уйдет?

Десятки лет, если не века! Между тем про строительство Заволжского вала ни в архивах, ни в легендах – ни слова! Разве не странно?

Уже только названных фактов было достаточно, чтобы спешно собраться в экспедицию. На первый раз – с целью разведки.

...От Самары едем в поселок Алексеевку, а потом пешком по Усть-Кинельской дороге, внимательно глядя по сторонам – не дай Бог, пропустим заветную достопримечательность. Не пропустили. Магистраль рассекла насыпь как раз возле перекрестка. Мы пошли вдоль нее налево, в сторону дачного массива.

Да, время изрядно потрудились над этим шедевром рук человеческих. Если не знать, что перед нами искусственное сооружение – можно запросто принять за обычную канавку или овражек. За долгие века грунт сполз в ров, и теперь в самом глубоком месте со дна до гребня едва ли будет больше трех метров. Местами вал вообще прерывается, но через несколько метров вновь поднимает землю длинным горбом. Вдобавок все кругом так густо заросло бурьяном, что истинных очертаний сооружения уже не разглядеть. Историки из самарской группы «Авеста», изучавшие вал севернее, возле села Водина, уверяют, что там он все еще вздымается на высоту около пяти метров и имеет на разрезе вид почти правильной трапеции. Еще они установили, что в «фундаменте» стены лежит каменная насыпь, что подтвердилось тут же, на развилке дачной дороги. Свежее обнажение открыло аккуратную кладку плоских камней, скрепленных, видимо, раствором глины. Тут же рядышком потомки постарались – вывалить груды цемента, смешанного со щебенкой. Наверное, чтобы грунт с насыпи на огороды не полз.

² По материалам Л. Любославовой.

Вообще местные дачники с памятником истории обращаются безо всякого почтения: одни забросали ров мусором почти доверху, другие разровняли там местечко и посадили картошку. На мой фотоаппарат они посмотрели удивленными глазами и заявлению об исторической ценности вала, судя по всему, не поверили.

...С горки открылся изумительный вид: холмы, поля, скошенные луга, расчерченные кое-где зелеными лесополосами. Вниз по увалу ведет узкая тропка – там прячется в зарослях речка Падовка, воробью по колено. Просторы распахнуты на десятки километров – и в эту синеющую даль неторопливо уходит древний вал. Отсюда, сверху, он хорошо различим по четкой тени, отброшенной на стерню.

Интересно, кому первому пришла в голову идея перегородить степь? Трудно поверить, что императорским сановникам. Во-первых, здравомыслящий человек поймет: таким способом орду кочевников не остановишь. Во-вторых... Вот мы просто вдоль насыпи идем, и то на десятом километре уже устали. А если бы мы тут с лопатами продвигались? Эскаваторов-то при Татищеве не было... Не проще ли ему укрепить людское поселение по периметру, чем ставить столь дорогостоящий заслон? Скорее всего, тогдашние переселенцы-россияне всего лишь местами реконструировали уже имеющееся сооружение. Чье?

Самарская земля хранит много тайн

Сидя на холме под палящим солнцем, мы представили себе эпическую картину: защитники вала плечом к плечу стоят на гребне, а с северо-востока на них черной тучей надвигается несметное вражеское войско... Стоп! Почему с северо-востока? Ногайцы пришли бы с юга. Так? А ров почему-то выкопан с северной стороны вала.

В памяти почему-то возникли доисторические курганы, оставленные в заволжских степях загадочными племенами огнепоклонников. Некоторые из них поразили археологов своими циклопическими размерами. Например, курган возле села Кашпир (Сызранский район) составлял пятьдесят метров в диаметре и не менее двух в высоту. Его насыпали примерно на рубеже третьего-четвертого тысячелетий до нашей эры над могилой мужчины. Он был огромного роста и, вероятно, занимал высокое положение среди соплеменников. Иначе зачем бы его хоронили с такими почестями? Можете представить, каким гигантским был когда-то могильный холм, если дожди и вешние воды не смогли размыть его за пять тысяч лет! Не забудьте, что в то время металлических лопат еще не изобрели, и орудовать приходилось каменными топорами. Хотя, может быть, тогдашние волжане знали какой-то секрет?

Еще вспомнили гипотезы о том, что племена индоариев в незапамятные времена пришли в Индию именно из наших краев, то есть они продвигались по равнинам Волги и Урала,

когда неведомая беда заставила их переселиться с севера на юг. На пути они оставили немало свидетельств своего пребывания: могильники и остатки поселений (самое крупное из них – протогород Аркаим в Челябинской области, покинутый жителями быстро и без видимых причин). Уже потом странники разделились на два потока и в конце концов обосновались в Иране и Индии. Свое историческое прошлое они запечатлели в текстах «Ригведы» и «Авесты», где подробно рассказали о сражениях людей с демонами-ракшасами, о покинутой родине и ее чудесных городах. Уж не здесь ли сражались с ракшасами легендарные дэвы? Тогда кого они называли ракшасами, можно только гадать...

Анна Ярославна: русская княжна на французском троне³

Она жила много столетий назад и была дочерью киевского князя Ярослава Мудрого. Совсем юною ее выдали замуж за французского короля Генриха I. Говорят, что Анна была красавицей, знала несколько языков и на удивление всем прекрасно гарцевала на коне. Вот, пожалуй, и все точные сведения о ней, дошедшие из глубокого прошлого. Не сохранилась даже могила Анны Ярославны. Более того, никому неизвестно, в какой стране ее похоронили.

Во Франции ее глубоко почитают до сих пор.

В Реймсе, неподалеку от знаменитого собора, можно увидеть панно, на котором начертаны имена всех французских монархов и их жен, которые короновались в этом городе. И среди них имя королевы Анны, которую 19 мая 1051 года короновал вместе с ее супругом Генрихом I архиепископ Реймский Ги де Шатильон.

Остановив свой выбор на Анне, французский король руководствовался чисто политическими соображениями. Ведь если верить историческим свидетельствам, его больше интересовало общество молодых пажей, чем красивых женщин. В ту далекую эпоху за Киевской Русью прочно утвердился авторитет мощного европейского государства, с которым считались и перед которым даже заискивали. Многие иностранные властители считали честью для себя породниться с Ярославом Мудрым. А тот, в свою очередь, позволял себе выбирать, подыскивая для дочерей наиболее подходящих женихов.

Анна Ярославна

Неслучайно Анастасия, одна из сестер Анны, стала венгерской королевой. Другая сестра – Елизавета – вышла замуж за норвежского монарха. Первоначально Анну сватали за германского короля Генриха III. Но их брак не состоялся. И тогда возникла кандидатура французского короля Генриха I, который к тому времени овдовел. Ему много говорили о том, что далеко-далеко, в славянских краях, живет молодая, красивая, образованная и умная

³ По материалам Н. Шевцова

принцесса. Последние два ее качества особенно заинтриговали Генриха, который, как и подобало многим «просвещенным» монархам той эпохи, был неграмотным.

Но не так-то легко оказалось заполучить в жены дочь киевского князя. Первое свадебное посольство Генриха вернулось ни с чем. И лишь второе сумело получить согласие Ярослава Мудрого. После этого Анна оказалась во Франции.

Средневековые хроники повествуют о ней как о мудрой и справедливой королеве, глупо почитавшей, хотя и не любившей своего мужа. Судя по всему, она оказывала влияние на управление страной. Во всяком случае, на некоторых из дошедших до нас государственных документах стоит ее подпись.

Существует предположение, что Анна, в силу физиологических особенностей своего супруга, долгое время не могла подарить ему наследника. Чтобы вымолить его у Всевышнего, она основала в городе Сен-Лисе, где поселилась королевская чета после свадьбы, аббатство Сен-Венсен. Оно существует и поныне, хотя, конечно же, многое изменилось за тысячу лет в архитектурном облике его зданий.

Сен-Лис расположен примерно в сорока километрах к северу от Парижа, совсем недалеко до столичного аэропорта «Шарль де Голль». Огромный собор с резными порталами, узкие улочки, где нет ни одного дерева, и аккуратная рыночная площадь, окруженная домами, верхние этажи которых поддерживают могучие каменные столбы с арками. Все сохраняется, как во времена Средневековья.

Если вы зайдете в собор и поинтересуетесь, как же попасть в аббатство Сен-Венсен, вы поймете, что об Анне Ярославне до сих пор помнят в Сен-Лисе. Королеву здесь называют не иначе как Анна Киевская.

В аббатстве сейчас разместились лицей. Вокруг древних построек – пустынное пространство. Подойдя поближе к древнему храму, можно увидеть женскую статую из камня. В одной руке она держит миниатюрную конструкцию собора, а в другой – лотос, символ королевской власти. На постаменте надпись: «Анна Киевская. Королева Франции. Она основала сию обитель под покровительством Святого Венсена 21 апреля 1060 года».

Господь Бог услышал молитвы Анны и подарил ей троих сыновей, старший из которых Филипп после смерти своего отца стал королем Франции. Но ему было всего девять лет, а потому вместе с ним правила и его мать. Королева никогда не забывала близкое ее сердцу аббатство. Сохранился документ: «Я употребила свои личные средства, которые мой супруг король Генрих преподнес мне в дар в день нашей свадьбы. С одобрения моего сына и с согласия всех знатных рыцарей королевства я предоставляю все деньги этому аббатству, чтобы там могли жить и служить Богу монахи в соответствии с законами Святых Апостолов и Блаженного Августина».

Примерно через год после смерти короля Анна вновь вышла замуж. Ее избранником стал граф Рауль де Крепи де Валуа – потомок Карла Великого. Но граф уже был женат, а потому папа римский Александр II, изучив жалобу жены Рауля де Крепи, отказался признать новый брак. Однако недовольство Папы не помешало супругам вместе с Филиппом практически втроем управлять страной. Так продолжалось до 1074 года, пока Анна опять не овдовела.

Никто не знает, как сложилась ее дальнейшая судьба. Последняя подпись королевы относится к 1075 году. Есть версия, что она умерла в 1089 году. Во всяком случае, именно тогда церкви Святого Квентина были преподнесены богатые дары для молитв за упокой души скончавшейся королевы. Но где же находится ее могила? В 1682 году монах отец Менетрие обнаружил в одной из расположенных неподалеку от Парижа церквей надгробный камень с изображением женщины с короной на голове. На нем можно было разобрать написанное по-латински имя «Агнес». Не исключено, что именно здесь и похоронили королеву, учитывая, что имена «Анна» и «Агнес» часто воспринимались как схожие. Но церковь,

где обнаружили надгробие, возникла в 1220 году, намного позднее смерти Анны. Так что, скорее всего, монах нашел захоронение другого человека.

Есть и другая версия. Она подробно излагается в вышедшей в 1988 году во Франции книге «Под небом Новгорода». Роман, написанный Режи́н Дефорж, вызвал колоссальный читательский интерес и превратился в настоящий бестселлер. Автор попыталась рассказать о жизни и смерти Анны Ярославны: «Жители Сен-Лиса с огромной радостью увидели одетую в меха королеву. Проходя по городским улицам, она останавливалась у прилавков, беседовала с торговцами и ремесленниками, бросала милостыню нищим, которые следовали за ней на почтительном расстоянии, ласкала детей и пробовала молоко, которое надаивали в ее присутствии. Королева смеялась над шутками своих придворных и вместе с простым народом присутствовала на мессе».

Если верить автору, королева Анна пользовалась уважением и поддержкой многих влиятельных рыцарей, в том числе знаменитого герцога Нормандского по прозвищу Вильгельм Завоеватель – покорителя Англии. Именно он среди других знатных особ присутствовал при отплытии Анны на свою родину. С согласия своего сына королева покинула Францию и отправилась в Новгород. Трудно сказать, что побудило ее к этому решению. Но Р. Дефорж строила свою версию не на пустом месте. Легенда гласит, что Анна вновь оказалась на Руси.

Однако ей не суждено было живой добраться до Новгорода. В пути она тяжело заболела и умерла у самых городских стен. Согласно завещанию королевы, ее похоронили по языческому обряду, уложив тело на подожженный плот, который пустили по воде.

Государство-призрак, или Русская Атлантида⁴

Хазары, о которых упоминает великий русский поэт в «Песне о вещем Олеге», и донныне остаются одной из загадок истории. Известно лишь, что у киевского князя были достаточно веские основания для мщения: в начале X века хазары победили и обложили данью многие славянские племена. В 965 году, отмечает «Повесть временных лет», «иде Святослав на козары... и бывши брани, одоле Святослав козарам и город их Белу Вежу взял». До того, как разрушить на Дону крепость Белую Вежу (Саркел), князь освободил вятичей, разгромил волжских болгар и, покорив хазарскую столицу Итиль, спустился из дельты Волги вдоль берега Каспия на юг, к городу Семендеру, который постигла печальная участь Белой Вежи.

Уже из этого описания Хазария представляется обширной державой, «села и нивы» которой киевский князь «обрек мечам и пожарам».

Кажется, не было такого евразийского народа, хроники которого не упоминали бы о хазарах. Летописи арабов утверждали, что кагану (царю) платили дань племена от Дуная до Северного Урала, и он был посредником в торговле между Византией и Китаем. Армяне и тюрки вспоминали о частых вторжениях хазар в Закавказье, а грузины писали, что каган, не добившись миром руки их царевны, разрушил Тбилиси.

Византийцы пишут о Хазарии как о союзном им государстве (на троне в Константинополе сидел даже ставленник кагана Лев Хазар): «Корабли приходят к нам из их стран и привозят рыбу и кожу, всякого рода товары... они с нами в дружбе и у нас почитаются... обладают они военной силой и могуществом, полчищами и войсками». Летописцы рисуют величие столицы Итиль, описывают утопающий в садах Семендер и крепость Беленджер, стена которой мощнее знаменитых стен Хорезма.

Все говорят о хазарах, и только хазары ничего не рассказывают о себе. Почему? Быть может, их летописи просто не сохранились? А может, не было у них ни письменности своей, ни языка? И все же от могучей страны должно же было хоть что-то остаться – развалины крепостей, монеты, захоронения, черепки посуды...

⁴ По материалам А. Самойлова.

Хазарский воин, ведущий пленника. Рисунок на сосуде IX в.

Археологи копали на Дону, на Волге, на Кавказе – увы, ничего. Словно хазары были не люди, а призраки, а города их, словно таинственный Китеж, бесследно провалились сквозь землю. В Лету канула целая империя!

В письме хазарского царя Иосифа сановнику Кордовского халифата Хасдаи ибн Шафруту говорится:

«Я тебе сообщаю, что я живу у реки по имени Итиль, в конце реки Г-р-ган... У этой реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных стенами городах... Все они мне служат и платят дань. Оттуда граница поворачивает по пути к Хувезуму (Хорезму), доходя до Г-р-гана. Все живущие на берегу этого моря на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань. А еще на южной стороне – Самандар в конце страны... а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам».

Далее хазарский царь в письме к арабскому сановнику Хасдаи ибн Шафруту перечисляет подвластные ему племена: «Они многочисленны, как песок... Все они служат мне и платят мне дань. Место расположения их и место жительства их простирается на протяжении четырех месяцев пути. Знай и уразумей, что живу я у устья реки с помощью всемогущего. Я охраняю устье реки и не пускаю Русов... идти на исмалътян и точно так же врагов их (исмалътян) на суше приходиться к Воротам. Я веду с ними войну. Если бы я их оставил в покое на один час, они уничтожили бы всю страну исмалътян до Багдада...»

Ты еще спрашивал меня о моем местожительстве. Знай, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и на ней находятся три города. В одном живет царица; это город, в котором я родился. Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину (и ширину). Во втором городе живут иудеи, христиане и исмалътяне... Он средней величины, имеет длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я сам, мои князья, рабы и служители и приближенные ко мне виночерпии. Он расположен в форме круга, имеет в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между этими стенами течет река. Это мое пребывание во дни зимы.

С месяца нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и к своей полевой работе. Каждый из наших родов имеет еще наследственное владение, полученное от своих предков, место, где они располагаются... И я, мои князья и рабы идем и передвигаемся на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой В-д-шан, и оттуда идем вокруг нашей страны, пока не придем к ее концу...

Таковы размеры нашей области и места наших стоянок. Страна (наша) не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть также в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из нашей реки...

Я еще сообщаю тебе размеры пределов моей страны... В сторону востока она простирается на 20 фарсахов пути до моря Г-р-ганского; в южную сторону на 30 фарсахов пути до большой реки по имени Уг-ру, в западную сторону на 30 фарсахов до реки по имени Бузан и склона реки к морю Г-р-ганскому.

Я живу внутри острова, мои поля и виноградники и все нужное мне находится на острове. С помощью бога всемогущего я живу спокойно».

Историки сомневались в подлинности письма царя хазарского. Но вот совсем недавно в Каире обнаружили письма того самого Хасдаи ибн Шафрута, которому отвечал Иосиф. Сановник действительно жил в X веке в Испании, при дворе халифа Абдрахмана III! Более того, эти письма имели прямое отношение к хазарам, и Хасдаи просил императора Византии Константина Багрянородного дать ему корабль, чтобы достичь Хазарии.

Византия в то время воевала с хазарами, и некий адресат из Константинополя отвечает сановнику, что действительно существует страна, «называющаяся ал-Хазар, что между ал-Кунстантинией (Константинополем) и их страной 15 дней пути, но что сухим путем меж ими и нами находится много народов, что имя их царя Иосиф».

Тогда Хасдаи ибн Шафрут посылает свое письмо посуху через всю Европу и, вероятно, таким же образом получает из Хазарии ответ. Посланию Иосифа можно доверять, многие факты из него подтверждаются русскими, арабскими, армянскими и византийскими источниками.

Так где же находилась Хазария и велика ли была она? Чтобы получить правильный ответ, следует прежде всего уяснить, что такое фарсах. Если это мера длины, подобно арабскому фирсаху (около 13 километров), тогда хазарские города окажутся слишком большими, а сама страна маленькой. Если же это мера усилий, которые тратят на дорогу, вроде таджикского чакрыма (он меньше в горах, больше на равнинах), то все запутывается чрезвычайно.

Сверив сведения царя Иосифа с современной географической картой, поймем: он имел в виду какую-то совсем иную страну. Что такое Уг-ру? Рукав Волги или Кубань? Каким образом Бузан может вытекать из Уг-ру? Допустим, оба они – два рукава Волги, но тогда почему Иосиф так долго путешествовал внутри такого пятачка?

Судьбы прикаспийской Хазарии были тесно связаны со своенравным Каспийским морем. Оно то отступает, обнажая огромные площади берегов, то заливая низины степей. Сейчас уровень его вод примерно на 26 метров ниже поверхности Мирового океана. А каким он был во времена расцвета Хазарии, то есть в VI—X веках нашей эры?

Мифы повествуют, что Язон, который отправился за золотым руном в Колхиду, доплыл оттуда и до Каспия. Значит, вполне возможно, что Черное море и Каспий сообщались тогда между собой. Более того, на некоторых древних картах Каспийское море простирается на север, сливаясь с Балтийским.

Соратники Александра Македонского – историк Аристокбул и мореплавателю Патрокл – отмечали, что в Каспий через пересохшее ныне русло Узбоя впадала Амударья, но при ее впадении образовывались водопады. Значит, уровень моря был ниже, чем сейчас.

Однако все это относится к временам двух-трехтысячелетней давности. А каким был Каспий в эпоху Хазарии? Нет ли способа реконструировать климат, а значит, и природные условия той эпохи?

В хазарских хрониках нет ответа на такие вопросы, однако можно обратиться к летописям других народов. Самая удобная географическая точка для суждения о высоте Каспия – упоминаемые в письме Иосифа «Ворота» – Дербент с его знаменитой стеной, запиравшей путь в Закавказье. Московский купец Федор Котов так писал об этих местах: «А Дербень город каменный, белый, бывал крепок, только не люден. А стоит концом в горы, а другим концом в море. А длиной в горы больше трех верст. И сказывают, что того города море взяло башен с тридцать. А теперь башня в воде велика и крепка».

Судя по описаниям арабов, Дербентскую стену соорудили в середине VI века по приказу персидского шаха Хосроя Ануширвана. Огромные плиты (такую плиту могли сдвинуть лишь 50 человек) погружали на плоты из надутых бурдюков, транспортировали в море, там бурдюки разрезали – тяжелый груз опускался на дно.

Известный русский ученый Лев Гумилев в свое время усомнился в достоверности подобного способа возведения стены. Он рассуждал так: арабские историки увидели стену лишь в X веке, когда она действительно выступала далеко в море. Но ведь за время с VI по X век Каспий мог значительно изменить свой уровень. К тому же совершенно неясно, в

каких целях понадобилось шаху перегородивать море, если стена – защита от сухопутных армий!

Л. Гумилев решил провести подводную разведку. Ему удалось обнаружить амфоры у самого основания стен. Значит, в VI веке в тех местах, где сейчас плещется море, в питьевой воде нуждались! Значит, стену строили на суше. Следовательно, в пору зарождения Хазарского государства уровень Каспия был намного ниже, чем сейчас, и огромные площади, залитые ныне морем, являлись тогда сушей!

Что же произошло в пору гибели Хазарии? Каспий продолжал наступать на берега. Уже в X веке Дербентская стена затоплена на протяжении 300 метров. В 1304 году под водой оказался персидский порт Абиверд. Итальянский географ XIV века Марина Сануто с горечью отмечает: «Каспийское море год от года прибывает, и многие хорошие города уже затоплены».

Да, драма Хазарии связана с Каспием. Еще в VII веке каганат владел огромными площадями плодородных земель. Обмелевшая Волга распадалась в дельте на множество протоков, непроходимых для кораблей. Хазары, прятаясь в густых камышах среди болот, были полными хозяевами волжского пути.

Но вот Каспий начинает заливать берега. «Села и нивы» хазар скрываются под водой. По многоводной Волге приходят на своих кораблях отважные русские воины. Святослав легко завоевывает хазарские города. Но владеть ими он уже не может: постепенно они становятся добычей моря. Так погибает каспийская Атлантида.

Где же она теперь? Очевидно, под толстым слоем наносов Волги, под каспийским дном. Но перед Атлантидой, о которой рассказал Платон, у нее есть, по крайней мере, одно преимущество: Хазария была огромной страной, и хотя бы часть ее должна находиться там, где сейчас суша.

Местоположение одной хазарской крепости известно было довольно точно – это Саркел (Белая Вежа). Византийские хроники указывали, что она находится на Дону, по дороге в Итиль. Ее разрушил Святослав, возвращаясь в Киев.

Профессор М. Артамонов нашел и раскопал Саркел. Но обнаружить хазар ему, увы, не удалось. Крепость охраняли степняки, наемники хазар. Ученый грустно констатировал, что «археологическая культура собственно хазар остается до сих пор неизвестной», и предлагал продолжать поиски в низовьях Волги.

Работы продолжил его ученик – профессор Л. Гумилев. Выдвинув гипотезу русской Атлантиды, он нашел захоронения, останки хазар на островках волжской дельты – в тех местах, которые не затоплялись водой. Но столицу Хазарии Итиль найти до сих пор не удалось.

Оригинально пытался разрешить противоречия древних хроник дагестанский исследователь М. Магомедов. Он искал хазарский город Беленджер. Но Беленджером хроники называют и город в Нижней Сарматии (так некогда называли Северный Дагестан), и реку, и стену, и целую страну. Одни и те же арабские путешественники помещают Беленджер и в четырех, и в восьми днях пути от Дербента, то к северу, то к югу от Семендера.

М. Магомедов верил им всем. Если в наше время есть одноименные города, реки и целые государства, то почему же их не могло быть в прошлом? А что, если Беленджером было несколько? Впрочем, так же, как и Семендеров? Тогда в четырех днях от Дербента стоял один Семендер, в восьми днях – другой город с тем же названием, а между ними – один из Беленджеров.

В 1969 году дагестанские археологи начали раскопки на реке Сулак. И на древнем караванном пути, с трех сторон защищенном горами, они обнаружили оборонительную башню. Правда, стена была известна и раньше, но она как-то не отождествлялась с городской стеной,

ведь она ничего не окружала. И сам город оказался необычным: это было двадцать селений, расположенных в цветущей долине на берегу одной реки.

Но тот ли это город, о котором повествуют хроники? Однако ответа так и не получено. Русская Атлантида все еще хранит в вековечной глубине золотые ключи от своих главных ворот.

А что думают на сей счет ученые?

Академик Б. Рыбаков считает, что международное значение Хазарского каганата нередко чрезмерно преувеличивалось. Небольшое полукочевническое государство не могло даже и думать о соперничестве с Византией или Халифатом. Производительные силы Хазарии находились на слишком низком уровне для того, чтобы обеспечить ее нормальное развитие.

В древней книге мы читаем: «Страна хазар не производит ничего, что бы вывозилось на юг, кроме рыбьего клея... Хазары не выделяют материй... Государственные доходы Хазарии состоят из пошлин, платимых путешественниками, из десятины, взимаемой с товаров по всем дорогам, ведущим к столице... Царь хазар не имеет судов, и его люди неприличны к ним». В качестве статей собственно хазарского экспорта автор указывает только быков, баранов и пленников.

«Отсутствие археологических следов хазарских городов, – по мнению Рыбакова, – делает очень неубедительными рассуждения о городском строе у хазар, а паразитарный характер государства, жившего по преимуществу за счет транзитной торговли, лишает нас возможности присоединиться к выводам о развитом феодальном строе каганата.

Размеры каганата очень скромны... Хазария представляла собой почти правильный четырехугольник, вытянутый с юго-востока на северо-запад, стороны которого составляли: Итиль – Волга от Волгограда до устья Хазарского (Каспийского) моря, от устья Волги до устья Кумы, Кумо-Манычская впадина и Дон от Саркела до Переволоки.

Хазария была... небольшим ханством кочевников хазар, долгое время существовавшим лишь благодаря тому, что превратилась в огромную таможенную заставу, запиравшую пути по Северному Донцу, Дону, Керченскому проливу и Волге».

А вот Лев Гумилев назвал гибель Хазарии трагедией прикаспийских Нидерландов. Читатель исторически образованный знает, что хазары были могучим народом, жившим в низовьях Волги... В числе подданных хазарского царя были камские болгары, буртасы, сувары, мордва-эрьзя, черемисы, вятичи, северяне и славяне-поляне.

На востоке это царство граничило с Хорезмом, то есть владело Мангышлаком и Усть-Уртом, а значит, и всеми степями Южного Приуралья.

На юге пограничным городом был Дербент, знаменитая стена которого отделяла Закавказье от хазарских владений.

На западе весь Северный Кавказ, степной Крым и причерноморские степи до Днестра и Карпат подчинялись хазарскому царю, хотя их населяли отнюдь не хазары...

Читатель – историк или археолог – ставит множество вопросов: каково было происхождение хазар, на каком языке они говорили, почему не уцелели их потомки... Хазары умирали – куда девались их могилы? Хазары размножались – с кем слились их потомки? И, наконец, где располагались поселения хазар?

Обычно территорию, на которой обитал когда-то какой-либо народ, подлежащий изучению, находят без труда. Иногда бывают споры об определении границ области расселения и времени заселения тех или иных местностей, но это детали все той же проблемы. Зато восстановление истории народа встречается с разнообразными и не всегда преодолимыми трудностями. При разрешении хазарского вопроса все получилось как раз наоборот.

Соседние народы оставили о хазарах огромное количество сведений... Мы легко можем прочесть, какие победы одерживали хазары и какие поражения, но, как было уже сказано, о том, где они жили, каковы были их быт и культура, представления не имеем.

...Диаметрально противоположна точка зрения Б. Рыбакова. Он называет Хазарию «небольшим полукочевническим государством паразитарного характера, жившим за счет транзитной торговли».

С Б. Рыбаковым согласиться невозможно, ибо еще до того, как торговля пошла по волжскому пути, хазары уже имели сильное и отнюдь не наемное войско, спасшее в 627—628 годах императора Ираклия от разгрома.

В X веке Хазария оказалась в осаде. С севера, по высыхающим степям двигались кочевники, гонимые голодом и жаждой...

С юга неуклонно наступала морская вода. Она медленно заливала плоский берег – «Прикаспийские Нидерланды», губила посевы и сады, набегами разрушала деревни. К середине X века уже две трети хазарской территории оказалось под водой... Море и засуха продолжали давить с двух сторон... В конце XIII века уже вся страна была покрыта морем...

Да, Хазария – это в полном смысле русская Атлантида.

Сага о «Новых русских» из рода Инглингов⁵

В одной из своих работ российский историк Евгений Владимирович Пчелов приводит сведения о легендарном и начальном этапах происхождения Рюрикова племени. В составленных им таблицах отражена родословная Инглингов, одного из древнейших не только в Скандинавии, но и во всей Европе родов, давших многих королей (конунгов) средневековой Швеции и Норвегии. Согласно преданиям, сохранившимся в форме саг, Инглинги произошли от самого бога Одина, сына его Ингви и внука Ньорда, бога морей. По другому, более реальному варианту, некий Ингьялд и его жена Герд стали основателями этого рода.

В схеме, приведенной Пчеловым, от Одина до конунга Олава Щетконунга указано целых 35 колен Инглингов, что, конечно, совершенно не вяжется со сведениями, приведенными в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, где рождение Ингьялда отодвигается приблизительно к началу VIII века. Однако легко допустить, что здесь идет речь не об Ингви Фрейере, время рождения которого теряется в глубине веков, а об его далеком потомке Ингиальде, сыне конунга Энунда Дороги, пращура Харальда Прекрасноволосого, реального короля Норвегии. Этот Ингиальд жил, очевидно, где-то на рубеже VII—VIII веков. Его же отец Энунд прославился тем, что вел интенсивное дорожное строительство в сложных условиях залесенной и сильно пересеченной местности, какой была тогда почти вся Скандинавия. За свою деятельность энергичный конунг и получил такое меткое прозвище.

Теперь обратимся к другой ветви этого разветвленного родословного древа, давшей целую плеяду конунгов Швеции. Родоначальником обеих ветвей был конунг Ингварь, о коем следует упомянуть хотя бы потому, что его имя в русифицированной форме – Игорь – стало широко распространенным среди потомков Рюрика. Внук первого Ингваря, Ратбард, был женат на Ауд Богатой. Возможно, после ранней смерти мужа Ауд вышла вторично замуж за Хрерика (Рюрика) Метателя Колец, предка Рюрика (Хрерика) Новгородского, от которого ведет свое начало многочисленное племя Рюриковичей.

Рандвер, старший сын Ауд Богатой и Ратбарда, дал начало роду шведских Инглингов, но подлинная история Шведского государства начинается обычно не с него, а с его далекого потомка Эйрика (Эрика) сына Эймунда (Эмунда), ставшего королем шведским где-то около 850 года и умершего в 882 году. Ему наследовал сын Бьерн, передавший власть сразу двум своим сыновьям Олаву и Эйрику Сегерсвеллу (Победителю). Олав правил недолго, а Эйрик Победитель умер в 994 году, завещав королевство младенцу-сыну Олаву Щетконунгу. О беспокойной молодости короля Олава говорит само его прозвание, которое часто переводят как «пола плаща», в которой мальчика несли близкие ему люди, укрывая от возможных покушений на его жизнь.

Олав Щетконунг замечателен также тем, что через 14 лет после того, как стал королем и достиг совершеннолетия, в 1008 году принял христианство. Это случилось на два десятка лет позже крещения Руси его дальним родичем Владимиром Святославичем, получившим за то прозвание Святой.

Великий князь Киевский Владимир, возможно, имевший еще одно имя – Солнце или Красное Солнышко, как его обычно именуют наши былины, любил весело пожить. Он был просвещенным человеком и крупным политическим деятелем. Однако и он не лишен был, с нашей точки зрения, некоторых недостатков, к числу которых строгие блюстители нравов относили излишнюю любовь князя к горячительным напиткам и женщинам. Следствием чего явилось большое количество сыновей от разных жен, которым великий князь постарался передать уделы еще при своей жизни.

⁵ По материалам доктора исторических наук В. Кюнтцеля.

Рунический камень из Грисхольма

Но жизнь его вскоре оборвалась при стрессовой ситуации, когда Владимир собирался в поход на непокорный Новгород, где сидел один из его сыновей Ярослав. Сразу же после кончины великого князя завязалась упорная борьба между наследниками, большая часть которых погибла от рук своей же братии. Особенно упорной была война Ярослава Новгородского со Святополком Киевским, которого летописец именует Окаянным. Возможно, не без воли Ярослава пущен был слух о том, что Святополк не был сыном Владимира. Согласно этой версии, он был рожден от убитого варягами князя Ярополка, законного наследника престола, в отличие от Владимира, сына наложницы Малуши.

Ярославу с его новгородцами совсем нелегко было управиться с киевским князем, союзниками которого выступали поляки и печенеги. Тогда-то, по совету своего родича, посадника Новгородского Константина Добрынича, и обратился князь Ярослав за помощью к шведским «варягам», а значит, непосредственно к своему дальнему родственнику Олаву Эйриксону Щетконунгу.

О последствиях такого шага повествуют не только русские летописи, но и скандинавские, точнее исландские саги. Наиболее полно события тех лет освещает одна из них, названная «Прядью или сагой об Эймунде».

Ярослав Мудрый срочно отправил посольство в Швецию, но не наобум: он знал, что делает, и потому успех его миссии оказался далеко не случайным. Именно тогда переплелась история двух государств.

Но что же представляла собой Швеция тех далеких времен? В начале XI века, когда еще был жив славный король Олав, она была далеко не централизованным государством. Не только с соседней Норвегией, где правили короли той же династии Инглингов, но даже с ближайшими областями Центральной Швеции, Олав Щетконунг не мог разговаривать как со своими вассалами. Ему подвластна была лишь малая часть современной Швеции, носившая название Упланд. Она располагалась на относительно небольшом, полукруглом выступе у входа в Ботнический залив. Здесь в древней Упсале, заложенной в нескольких десятках километров от тогда еще не существовавшего Стокгольма, и располагалась столица короля Олава. Сейчас Упсала уже давно потеряла прежнее значение, но созданный в ней когда-то университет славится и поныне.

Именно сюда и прибыло новгородское посольство, посланное Ярославом. Оно было с большим почетом принято королем. Олав Щетконунг, посоветовавшись с тингом (советом

старейшин), решил оказать поддержку новгородскому князю. Более того, уже, возможно, тогда велись переговоры о женитьбе Ярослава на младшей дочери Олава, Ингигерде.

Следствием был отъезд большого варяжского отряда во главе с родичами короля Эймундом и Рагнаром. Летом 1016 года варяжская дружина прибыла в Новгород к Ярославу и в том же году скандинавы приняли активное участие в походе на Киев. По сведениям летописца, варягов насчитывалось около тысячи, а все войско Ярослава достигало 40 тысяч.

Святополк и не думал уступать брату Киев без боя, сильно надеясь на своих союзников-печенегов. Возле города Любеча произошла решительная битва, в которой победа досталась Ярославу, и он торжественно вступил в Киев. Однако борьба его со Святополком на том не кончилась. Изгнанному князю помог его тесть, польский король Болеслав, не зря прозванный Храбрым. Война шла с переменным успехом: вначале Болеславу со Святополком удалось разбить Ярослава на реке Буг и возратить утраченный престол. Но поляки вели себя в Киеве, как в завоеванном городе, что, естественно, вызвало возмущение киевлян. К заговору против поляков примкнул даже сам Святополк. Узнав об этом, Болеслав страшно разгневался на зятя и увел свое войско в Польшу, предоставив великого князя его судьбе.

Вскоре в битве на реке Альте, в 1019 году Ярослав Мудрый одержал окончательную победу и изгнал навсегда Святополка с Русской земли. В том же году состоялась его свадьба с дочерью Олава Щетконунга Ингегердой. Матерью молодой великой княгини была славянка-венедка. Ингегерда приняла православную веру и получила новое имя – Ирина.

А какова же была судьба ее соотечественников Эймунда и Рогнара? Известно, что еще в 1017 году они возглавляли отряд в 600 бойцов, защищавших Киев от печенегов. Кроме того, Эймунду сага приписывает убийство соперника Ярослава князя Бурицлейва, отождествляемого обычно со Святополком. Однако рассказ саги явно противоречит Несторовой «Повести временных лет», что дает пищу для экстравагантных предположений. Не исключено, считают некоторые исследователи, что Бурицлейв – вовсе не Святополк, а любимый сын князя Владимира, Борис, предательски убитый все на той же речке Альте. Не все так гладко шло в истории, как писали первые летописцы.

Закончилась братоубийственная война, и спустя некоторое время варяги-побратимы переходят от Ярослава к его родичу Вартилаву. Если верить саге, их уход не был мирным. Помогая мужу, Ингигерда хотела схватить опасных родичей, но из-за их бдительности сама оказалась в плену у Эймунда. Ярослав вынужден был пойти на невыгодный для себя мир, а варяги переменили место службы. Хотя их нового князя большинство историков отождествляет с племянником Ярослава, Брячиславом Изяславичем Полоцким, однако нельзя исключать возможность других атрибуций. Судя по тексту саги, гораздо вероятней, что варяги служили брату и последнему опасному сопернику Ярослава – Истиславу Владимировичу Храброму. Это подтверждается и скорострительной смертью князя «Вартилава», после чего Эймунд опять возвращается к Ярославу и Ингегерде и получает от них крупный земельный надел, которым он владел до самой смерти. За неимением других наследников владения Эймунда перешли к Рагнару. Казалось, все ясно, но, оказывается, что данной версии противоречат рунические надписи, выбитые на каменных плитах надгробных памятников варяжских вождей и героев. Больше всего их было найдено в уже упоминавшемся нами Упланде и соседних с ним областях.

Обращаясь к руническим текстам из Упланда, мы вновь сталкиваемся с именами Эймунд и Рагнар. Одна из таких плит, по составленному кадастру имеющая № 72, была найдена еще в XVII веке в церкви Римбу. Орнамент памятника датирован 1020—1060 годами. Вот содержание этой надписи на камне: «Энунд и Эйрик и Хакон и Ингвар установили... по Рагнару, своему брату. Бог да поможет его душе».

Из данного текста ясно, что у какого-то Рагнара, возможно, тезки нашего героя, было четыре брата (запомним их имена), которые установили по неизвестно когда и где погиб-

шему памятник. Очевидно, этот Рагнар умер на чужбине не ранее 1020 года. Судя по записи, можно также допустить, что в то время не было в живых ни отца, ни матери братьев. В числе их один, по-видимому, младший, получил имя Ингвар. Обилие рунических надписей повествует о судьбе этого человека, что позволяет современным исследователям идентифицировать его с популярным по исландским сагам Ингварем-мореходом, или путешественником.

Известно, что Ингвар был из рода Инглингов. Значит, и его братья относились к тому же роду, а погибший их старший брат, возможно, ходил в поход в Гардарики вместе с Эймундом. Но не будем спешить: лучше внимательно прочтем вторую надпись.

Этот рунический памятник значится под № 88. Он также открыт в XVII веке, в церкви Хусбю-Мохундра и датирован 1020—1050 годами, но скорее всего был создан до большого похода Ингвара на Восток.

Текст памятника переводится так: «Эйрик и Хакон и Ингвар и Рангхильд, они... Он умер в Греции. Да помогут бог и божья мать его душе». Здесь снова встречаемся мы со знакомыми лицами – братьями Эйриком, Хаконем и Ингваром, да еще с какой-то женщиной, вероятно, с их сестрой или вдовой покойного. Отсутствует лишь старший из братьев – Энунд. Как полагает Е.А. Мельникова, знаток рунических текстов и древней истории Скандинавии, памятник как раз и посвящен ему. Подобная версия весьма правдоподобна: вслед за Рагнаром, вдали от родины умирает и следующий за ним по старшинству, его брат Энунд.

Хотя в обеих надписях нет упоминания об Эймунде, но установить его родство с данной семьей не трудно. Имя отца Ингвара-морехода названо, как в посвященной ему саге, так и в рунической надписи за № 45, найденной в Стрэнгнесе, как и предыдущие, в XVII столетии. Прочтем же и ее: «Эйрик велел высечь камень по Ингвару и Харальду, сыновьям Эймунда. Они умерли на юге, в Серкланде».

Становится ясным, что вся серия надписей сделана одной семьей некоего варяга Эймунда, умершего, как и подобает воину, раньше своих детей. Эйрик, как оставшийся за старшего, ставит памятник своему брату Ингвару. Но откуда взялся еще один из их братьев – Харальд? Ведь прежде о нем не было никаких упоминаний!

Все удивительно просто. В рунической надписи № 32, найденной в Грипсхольме, в соседней с Упландом области Седерманленд, имеются интересующие нас сведения о брате Ингвара-морехода. Приведем эту надпись полностью: «Тола велела установить этот камень по своему сыну Харальду, брату Ингвара. Они отважно уехали далеко за золотом и на востоке кормили орлов. Умерли на юге в Серкланде».

Ответ достаточно ясен. Памятник поставила Тола, мать Харальда, но не его сводного брата Ингвара. И снова загадочный Серкланд, где сложили головы братья. Нам же следует сделать вывод, что права Е.А. Мельникова, утверждавшая, что у отца Ингвара, Эймунда, было две семьи: одна в Упсале (основная) и другая в Седерманленде (побочная), Харальд же – еще один из его сыновей.

Сейчас нам важно установить, был ли Эймунд Хрингссон действительно отцом Ингвара и его братьев? Сага не дает положительного ответа. Помиравшийся в конце жизни с князем Ярославом Эймунд получил от великого князя какой-то значительный надел, правил там, потом заболел и умер, оставив наследником своего друга Рагнара. Быть может, он был бездетным в отличие от своего тезки?

Однако возможны и другие объяснения. Но прежде подумаем, где располагались владения Эймунда. В местах, достаточно чуждых варягам. Их должно было тянуть на север, к ландшафтам, близким их родине. Таким местом была Новгородская земля. Возможно, Ярослав Мудрый и сделал Эймунда, а потом Рагнара своими посадниками в Новгороде. В то время такое было вполне возможно. Передача же владений старшему в роду соответствовала древнему закону.

Е.А. Мельникова, на которую мы часто здесь ссылаемся, как на лицо весьма компетентное в данных вопросах, считает, что Эймунд мог быть крупным хевдингом, владельцем многих земель в Упланде и других областях Швеции, человеком, близким королевскому роду. Она, конечно, совершенно права. Именно такой близостью объясняется то, что сам Эймунд и его сыновья носили родовые имена Инглингов. О родстве Ингвара-морехода с домом Инглингов пишет и С.Д. Ковалевский. В комментариях к своей монографии Мельникова сообщает, что Ингвар был внуком Олава Щетконунга, а значит, Эймунд являлся двоюродным братом Ингигерды-Ирины, жены Ярослава Мудрого. Но возможно ли такое?

У короля Олава был сын по имени Эймунд, прозывавшийся Злым, или Старым. Он наследовал своему брату Энунду – Якобу Углежogu. Этот Эймунд умер в 1060 году, а значит, по возрасту никак не мог быть отцом Ингвора и его братьев. Значит, в роду Инглингов был еще один представитель с тем же именем. Но быть племянником короля Олава Эймунд мог только в том случае, если его мать, о которой нам ничего не известно, была дочерью конунга Эйрика Победителя. Может быть, недаром самого Эймунда сага часто именует конунгом?

Если все так, то снимаются все темные места в этой истории.

Наш рассказ подходит к концу, но он был бы не полон, если бы мы не проследили других членов этой ветви Инглингов. Это относится к оставшимся в живых братьям Ингвара-морехода: Эйрику и Хакону.

После смерти, возможно, тоже насильственной, своего последнего брата, Эйрика, Хакон завладел всем его наследством. Из «Киево-Печерского Патерика», мы узнаем, что он начал сильно притеснять своих племянников и один из них, по имени Шимон, вынужден был, тайно от дяди, бежать на Русь, где был радушно принят великим князем Ярославом. Шимон стал служить в дружине у младшего сына Ярослава Всеволода.

Варяг Шимон принял православие и получил новое имя – Симон. Вместе с князем Всеволодом Ярославичем он участвовал во многих походах и жарких сражениях, был одним из главных вкладчиков в строительстве нового храма в Печерском монастыре, за что и удостоился чести попасть в его Патерик. Сын Симона Георгий или Юрий Шимонович верно служил внуку Ярослава Мудрого Владимиру Мономаху. В качестве советника его сына Юрия Долгие Руки Георгий уехал вместе с молодым княжичем в далекую Ростово-Суздальскую землю. Потомство этого боярина выдвинулось позднее в московские тысяцкие и породнилось с великими князьями Московскими. Но это были уже другие времена.

Отношение клана Эймунда с Олавом Щетконунгом и другими шведскими королями складывались, очевидно, по-разному. Возможно, поэтому представители этого знатнейшего скандинавского рода оказывались так легки на подъем и часто уходили в далекие и опасные походы. Где-то там, за синим морем многие из них, вдали от дома, сложили свои головы. А родичи этих мореходов из рода Инглингов, потомки варяга Шимона, навсегда обрели новую родину – Русскую землю – и много веков честно служили ей.

Род Романовых – из XII столетия?⁶

Немало сложностей, а порой и загадок таится в генеалогии многих боярских и дворянских родов, особенно когда исследуются их корни, уходящие в XIV и более поздние века. Не представляет исключения и царственный род Романовых.

Доподлинно известно, что родоначальником бояр Захарьиных-Юрьевых, позднее Романовых, был ближний боярин великого князя Московского и Владимирского Симеона Иоанновича Гордого по имени Андрей Кобыла. Ему доверил Симеон Гордый весьма ответственную миссию – вместе с другим знатным боярином, позже московским тысяцким, Алексеем Хвостом Босоволковым, послан был Андрей Кобыла в Тверь, за новой, третьей по счету, невестой великого князя, княжной Марией Александровной Тверской.

Ее отец, князь Александр Михайлович Тверской, соблюдая семейную традицию, яростно боролся с князьями московскими за право владения великокняжеским престолом Владимирским. Возглавив восстание в Твери против татарских баскаков, князь Александр тем самым подписал свой смертный приговор. Возможно, не без содействия своего давнего соперника Ивана Даниловича Калиты, смелый тверской князь принял мученическую смерть 29 октября 1339 года в Большой Орде.

Теперь же, спустя почти десятилетие, сын Калиты Симеон посылал своих сватов в Тверь, возможно, в надежде примирить два враждующих русских княжества. То, что Андрей Кобыла возглавил московское посольство, говорит о многом. Неслучайно летописец поставил его на первое место, в обход другого представителя старомосковского боярства Алексея Хвоста Босоволкова. Это свидетельствует о знатном происхождении Андрея, а возможно, и его родственных связях с великокняжеской семьей. Однако о дальнейшей его судьбе летописи молчат. Зато хорошо известны потомки Андрея Кобылы, особенно принадлежащие к ветви его младшего сына Федора Кошки.

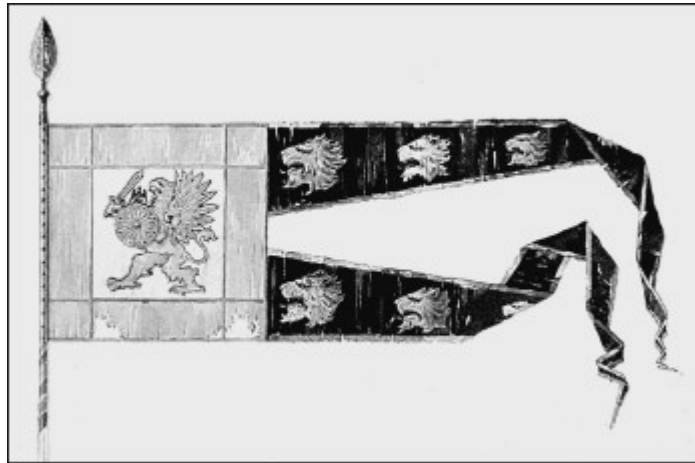
Да, боярин Федор Андреевич Кошка не обойден вниманием летописцев своего времени. Особенно многозначительны некоторые эпизоды его биографии. Обе дочери Федора Кошки были удачно выданы за князей тверского дома: одна за Василия Михайловича Кашинского, давнего союзника Москвы, вторая, Анна, за князя Федора Микулинского. Сын Федора Кошки, Федор Голтяй, был женат на Марье Васильевне Вильяминовой, двоюродной сестре великого князя Дмитрия, а ее дочь стала женою князя Ярослава Владимировича Боровского, тоже близкого родича Дмитрия Донского.

Не менее знаменательно и то, что в 1380 году, уходя в поход на Мамаю, великий князь Дмитрий поручает Федору Андреевичу Кошке править в Москве во время его отсутствия.

Все эти факты указывают на то, что род Андрея Кобылы занимал весьма высокое положение в Московском государстве и по нескольким линиям породнился с правящей династией. И в последующие века Захарьины-Юрьевы-Романовы входили в число первейших боярских родов Москвы.

Но каково же происхождение выдающегося рода? Очевидно, такой вопрос волновал не только современных генеалогов. На него пытались ответить уже в первой половине XVI века, когда возникла гипотеза о предке Захарьиных, некоем Гландале Камбиле Дивоновиче из Пруско-Самогидских князей или даже царей. В различных версиях такая фантастическая гипотеза дошла и до наших времен. Крупные историки и генеалоги обычно умалчивают о ней или же, говоря о нем, избегают оценки достоверности подобной легенды.

⁶ По материалам доктора исторических наук В. Кюнтцеля.

Штандарт Романовых

Камбила, или в других вариантах Камбилион, якобы владевший землями Самогитии и Судавии, вел свое происхождение от царя Пруса, мифического брата римского императора Октавиана Августа. Некоторые комментаторы находили явное сходство имен Камбилы и Кобылы, предполагая, что именно от первого получил свое лошадиное прозвище боярин Андрей.

О том, что подобное предание кочевало по Москве не позже середины XVI столетия, свидетельствует послание князя Андрея Михайловича Курбского царю Ивану. В нем не двусмысленно утверждалось, что погубленный род бояр Колычевых, потомков Андрея Кобылы, вел свое начало от княжат Решских.

Но можно ли доверять такому показанию? Вряд ли оправданно искать родоначальников дома Романовых в Пруско-Самогидских или Решских землях, а тем более связывать их генеалогическое прошлое с Римской империей. Ведь у бояр Захарьиных-Юрьевых был прямой расчет выводить свой род от прусских державцев. Особенно это было важно в тот момент, когда дочь Романа Юрьевича Захарьина Анастасия сочеталась браком с великим князем Иваном Васильевичем Грозным. Тогда-то, в середине сороковых годов и возникла острая необходимость в царском или хотя бы в княжеском происхождении невесты царя.

Имеется много доказательств, подтверждающих, что версия о Камбиле Дивоновиче не более чем вымысел, имеющий к тому же достаточно ясную мотивацию.

В родословной росписи бояр Шереметевых, потомков того же Андрея Кобылы, все начинается именно с него, а не с придуманного самогитско-пруского царя.

Еще более убедительным доказательством являются местнические дела бояр Захарьиных, в которых нет ни полслова об их княжеском происхождении, что было бы для них чрезвычайно важно. Ведь поражение в местническом споре неизбежно влекло к весьма печальным последствиям и больно сказывалось на социальном и материальном положении проигравшей стороны. Однако даже дед будущей царицы Анастасии, боярин Юрий Захарьевич, в своей тяжбе с именитым князем Даниилом Васильевичем Щеней из рода Гедмина Литовского не привел такой весомый довод.

Но если вариант с Камбиллой Дивоновичем явно не проходит, а в чем-то почти анекдотичен, то где же альтернативная гипотеза? И оказывается, она тоже высказывалась. Еще в конце XIX или в начале текущего века была предложена версия о новгородском происхождении Романовых. И хотя ее автор, скрывшийся под инициалами Г.С.Ш., был крайне осторожен в своих выводах и предпочитал высказываться полупамятками, его псевдоним был быстро расшифрован. Под «Г.С.Ш.» скрывался не кто иной, как граф Сергей Шереметев.

Сергей Дмитриевич Шереметев происходил из знатного боярского, а позже графского рода Шереметевых, дальних родичей царствующего дома. Он являлся одним из богатейших людей России, владельцем подмосковных усадеб Останкино и Кусково, а позже Остафьево. Но не происхождение или богатство прославили его. Гораздо важнее было то, что Сергей Дмитриевич был одаренным писателем, историком, генеалогом. Это он, очевидно, впервые предложил новую версию, и его мнение по данному вопросу представляется нам весьма авторитетным.

Согласно гипотезе «Г.С.Ш.», Андрей Кобыла и его потомство возвысились благодаря родству с Московским великокняжеским домом. Отец Андрея Иван или Ивон, по «Г.С.Ш.», которого тот относил к выходцам из Пруссии, получил от великого князя Дмитрия Александровича, сына святого Александра Невского, во владение ряд городов в Новгородской земле. Другой потомок Невского, внук его, Афанасий Данилович, женился на дочери этого знатного новгородца, Анне. Вскоре она со своим братом Андреем Кобылой очутилась в Москве у своего деверя, великого князя Ивана Даниловича Калиты. Позже Андрей Кобыла стал близким боярином сына Калиты, Симеона Гордого.

Подобная точка зрения не представляется нам абсурдной, тем более если учесть, какими источниками мог пользоваться граф Сергей Дмитриевич. Ведь помимо родословцев Шереметевых и других родственников им фамилий, в его распоряжении могли оказаться и некоторые бумаги Николая Михайловича Карамзина, автора многотомной «Истории государства Российского». Дело в том, что женой графа была внучка близкого друга Пушкина, князя Петра Андреевича Вяземского. В усадьбе Вяземских, подмосковном Остафьеве, долгое время жил и работал великий русский историограф, женатый на сестре владельца имения. В семье Вяземских, а позже Шереметевых, могли храниться предания или неизвестные нам документы из архива Карамзина или хозяев Остафьева.

Итак, слово промолвлено – боярин Андрей Кобыла через свою сестру Анну породнился с князем Афанасием Даниловичем, а через него с другими князьями Московскими. Насколько оправданным может быть такое предположение? Из 1-й Новгородской летописи – наиболее основательного и непротиворечивого свода – известно, что князь Афанасий по меньшей мере дважды побывал в Новгороде в качестве наместника старшего брата, Юрия Даниловича Московского. Первый приезд Афанасия Даниловича приходится на 1314 год, когда он появился в Новгороде в свите брата Юрия.

На тот период выпадают годы самой ожесточенной борьбы Москвы с Тверью, причем на московскую сторону встал и Новгород, сильно не ладивший с великим князем Михаилом Ярославичем Тверским. 15 марта 1315 года, в субботу Лазареву, князь Юрий Данилович возвратился в Москву, оставив в Новгороде брата Афанасия с большими полномочиями. Вскоре Юрий был вызван ханом в Орду. Этим немедленно воспользовался его ярый противник – Михаил Тверской, двинув большое войско к пригороду Новгорода – Торжку. Тем самым он перекрыл основной торговый поток в Новгородскую землю с Востока. Такого новгородцы стерпеть не могли и вместе с князем Афанасием Даниловичем двинулись к Торжку.

Счастье улыбнулось в те дни Михаилу Тверскому: новгородцы потерпели сокрушительное поражение. Немало их пало в той злополучной битве. В числе погибших оказались сразу все три посадника, возглавлявшие новгородское воинство: Андрей Климович, Юрий Мишинич и Михаил Павшинич. Подобного не знала история Великого Новгорода.

С остатками разбитого войска Афанасий Данилович поспешил укрыться в Торжке, но вскоре принужден был просить мира у победителей. Его вместе с прочими пленниками увезли в Тверь.

В Новгороде князь Афанасий вновь появился лишь в 1319 году, после мученической гибели в Орде великого князя Михаила Ярославича Тверского. Афанасий Данилович вновь

является наместником своего старшего брата. Впрочем, Афанасий прожил здесь недолго и в 1322 году был похоронен в церкви Святого Спаса в Рюриковом Городище под Новгородом.

Скорее всего, его брак с дочерью новгородского боярина мог состояться в первый приезд князя и был обусловлен необходимостью тесных связей Москвы с Новгородом. Только если сопоставить даты жизни Андрея Кобылы и его отца Ивана, можно допустить, что жена Афанасия, Анна, была не сестрой, а скорее теткой Андрея.

Случаи выдачи замуж новгородских боярышень за князей дома Рюрика были в ту пору далеко не единичны. Например, в 1294 году дочь боярина Юрия Михайловича, Оксинья, стала женой князя Ярослава Ярославича, отца Михаила Тверского. Иногда Юрия Михайловича отождествляют с посадником Юрием Мишиничем. Однако это маловероятно. Если бы дедом Михаила Ярославича Святого в самом деле был Юрий Мишинич, то трудно допустить, чтобы летописец не обыграл такой трагический сюжет: ведь тогда получается, что храбрый воевода пал в битве с собственным внуком. Но летопись о том молчит.

Юрий Мишинич был представителем Неревского конца Новгорода. Известно, что его жители никогда не питали особой любви ни к Москве, ни к Твери. Они придерживались традиционной для большинства новгородцев сепаратистской позиции.

Поэтому гораздо более вероятно, что тестем Ярослава Ярославича был другой Юрий Михайлович, и хотя в летописи нет больше упоминаний о нем, нетрудно допустить его связь с Прусской улицей, посадники которой всегда поддерживали князей Северо-Восточной Руси. Братом этого Юрия вполне мог быть свергнутый в 1287 году посадник Семен Михайлович, долгое время правивший в Новгороде, а отцом – знаменитый посадник Михаил Федорович, ходивший в поход вместе с князем Ярославом и принявший героическую смерть в 1268 году в битве при Раковоре. О том, что посадник Михаил был весьма влиятельной фигурой в Новгороде, говорит тот факт, что он удостоился, наряду со своим предполагаемым двоюродным братом, Стефаном Твердиславичем, быть погребенным в главном соборе Новгорода – церкви Святой Софии. После него там не был похоронен ни один из многочисленных новгородских посадников. Что же касается его сына Семена Михайловича, то одной из причин свержения этого посадника могла быть приверженность его к дому Святого Александра Невского и того же Ярослава Ярославича. Против него восстал весь Новгород: посадник Семен вынужден был бежать и скрываться в Софийском соборе, где был погребен его отец. Там он пользовался защитой архиепископа Новгородского Климента. Вскоре Семен Михайлович умер, не выдержав треволнений, а на место его заступил посадник Андрей Климович, представитель той же Прусской улицы.

Нам, однако, пора вернуться к истории князя Афанасия. Как видим, не существует противоположений его брака с новгородской боярышней из знатнейшей боярской семьи. В таком случае логично допустить, что жена князя Афанасия Даниловича была дочерью или внучкой одного из шести или семи новгородских посадников того времени. Скорее всего, он мог проживать на Прусской улице в Софийской стороне Новгорода. Именно посадники этого района постоянно поддерживали Владимирских, а затем Тверских и Московских князей и являлись их надежной опорой. Более того, жители Прусской улицы и прилегающего к ней Загородского конца составляли главные эмиграционные потоки в Тверь и Москву.

Первая волна такой эмиграции возникла в начале 70-х годов XIII столетия, когда в Тверь вместе с князем Ярославом Ярославичем ушли бояре из рода Ратшиничей, позднее перешедшие на службу к московским князьям. Вторая высокая волна поднялась после двухкратного разгрома Прусской улицы в 1258-м и 1287 годах. Тогда в Москву перебрались предки бояр Морозовых и Салтыковых.

Третья волна эмиграции коснулась рода Андрея Кобылы, переехавшего в Москву, вероятно, уже после смерти князя Афанасия Даниловича, в свите своей сестры княгини Анны.

Но кто ж из новгородских посадников конца XIII – начала XIV века мог годиться в родоначальники бояр семейства Андрея Кобылы? Наиболее известными из них были посадники Андрей и Семен Климовичи, Михаил Павшинич и Юрий Мишинич. Как уже было сказано, трое из них пали в битве при Торжке. Кроме этой четверки в тот же период были еще по меньшей мере три посадника: Михаил Климентьевич (возможно, брат обеих Климовичей), Иван Дмитриевич и некий Борис, отчество которого не названо. Никто из них не занимал видного места в Новгороде, и ясно, что не на них делали ставку московские князья.

Четверо остальных были выдающимися людьми, каждый из которых мог претендовать на роль тестя московского князя. Крупнейший знаток истории Новгорода, В.Л. Янин обоснованно относит Юрия Мишинича к представителям Неревского конца. Это подтверждается и находками здесь берестяных грамот. Братья Климовичи, по Янину, жители Прусской улицы, а Михаил Павшинич представлял ту категорию прущан, которым в то время осваивался новый конец на другой стороне Волхова. Значит, Михаил Павшинич представлял интересы Пруско-Плотницкого боярства.

Очень мала вероятность, что дедом Андрея Кобылы мог быть Юрий Мишинич, о чем уже говорилось выше. Зато шансы трех остальных можно считать почти равными: ведь все они имели владения на Прусской улице, с которой несомненно был связан князь Афанасий. Недаром во всех родословцах потомков Андрея Кобылы сказано, что род его приехал из Прусс. На примере боярских родов Ратшиничей и Твердиславичей легко установить, что так именовали москвичи Прусскую улицу Новгорода.

Однако все же трудно считать Андрея внуком Михаила Павшинича. Дед посадника Михаила, Ананья, обычно называемый без отчества, действительно проживал на Прусской улице. Должно быть, неслучайно великий князь Александр Невский называл Ананью своим главным врагом в Новгороде: на это были веские основания. Дело в том, что Ананья возглавлял ту новгородскую партию, которая выступила против Александра Невского и поддерживаемого им посадника Михалки Степановича – родоначальника бояр Морозовых. Сын Ананьи, Павша, в борьбе сыновей Александра Невского за Владимирский стол был на стороне князя Дмитрия Александровича, против его брата Андрея. Павша Ананьевич умер в 1274 году и был заменен своим сыном, Михаилом.

Хотя Михаил Павшинич в борьбе с Михаилом Тверским и принял сторону Москвы, вряд ли он придерживался промосковской ориентации, о чем можно судить по поведению его многочисленного потомства. Все они относились к разряду ярых сепаратистов. Незаметно никаких симпатий этого рода к Москве, и невозможно отыскать места в нем для Андрея Кобылы.

Более перспективными кандидатами на роль пращуров Романовых можно считать двух братьев Климовичей, возглавлявших жителей Прусской улицы и прилегающих к ней концов. Из них Семен Климович не участвовал в сражении у Торжка, оставаясь в те дни степенным посадником в Новгороде. Из его потомства, по данным Янина, трое сыновей тоже были посадниками. Отсюда видно, что ни Семен Климович, ни его семья не выезжали из Новгорода до самого конца боярской республики. Связи же их с Москвой весьма проблематичны.

Что же касается Андрея Климовича, павшего под Торжком, то помимо его брата и племянников нам неизвестен никто из членов семьи этого посадника. Довольно странно, что потомство Андрея Климовича, чаще других избиравшегося на такую ответственную должность, не удостоилось упоминания в летописи. Конечно, можно допустить, что посадник Андрей мог быть и бездетным. Однако среди прочих кандидатура Андрея Климовича на роль деда Андрея Кобылы самая предпочтительная. Было бы совершенно естественным, если бы дочь или внучка такого деятеля была выдана за князя Афанасия и позже переехала в Москву. Вместе с нею мог перебраться туда и ее брат или племянник, Андрей, получивший свое имя в память деда. В Новгороде со смертью посадника Андрея исчезает его потомство, но почти

в то же время в Москве появляется новый знатный род бояр Кобылиных. Такое нельзя признать случайным.

Сам Андрей Кобыла получил, вероятно, свое имя, а возможно, и прозвище, от посадника Андрея Климовича. Андреем прозывался один из внуков Кобылы и другие члены его большого рода. Подобная традиция была типична для Руси того времени.

Следовательно, предположение о возможном родстве новгородского посадника Андрея Климовича с московским большим боярином – Андреем Кобылой – не противоречит логике и хорошо, без какого либо налета фантазии, разрешает генеалогические загадки Романовых.

Однако тут же может возникнуть новый вопрос – откуда появился род новгородских Климовичей? Почему оба брата почти одновременно возникли на страницах летописи, как сумели захватить первенство на аристократической Прусской улице и повести за собой весь Новгород? Ведь известно, что, по крайней мере, со второй половины XII века это первенство прочно удерживалось родом знаменитого новгородского деятеля Твердислава Михайловича, давшим с десятков посадников.

Все становится на свои места, если признать братьев Климовичей представителями того же боярского клана. Правда, в нем не было боярина по имени Клим или Климент, но зато в Великом Новгороде был всем известен архиепископ Климент, построивший и освятивший не один новгородский храм. Годы его жизни хорошо увязываются с началом политической деятельности братьев Климовичей. Можно даже предположить, что и сам владыка Климент родился на Прусской улице и принадлежал к роду бояр Твердиславичей, на что указывает ряд косвенных свидетельств.

Если выдвинутая гипотеза оправдается, то род царей Романовых может быть прослежен по меньшей мере до середины XII столетия, то есть «состарится» более чем на двести лет.

Но и это еще не предел, ведь история древнейших новгородских боярских родов еще только разрабатывается.

Не стоит также огорчаться, что предание об Августе-императоре и Решских либо прусско-самогитских князьях – не более чем исторический миф. Взамен легендарному Камбиле Дивоновичу встает едва ли не самый знаменитый род Великого Новгорода, представители которого в бурные дни, не щадя своих жизней, стойко поддерживали святого великого князя Александра Ярославича Невского и его потомство.

Тайные маршруты русов⁷

Россия отметила в 1996 году 300-летие отечественного флота, выигравшего почти все каботажные сражения со времен Петра Великого и разгромленного в единственном морском сражении – при Цусиме.

Между тем руководство России и его научные консультанты так и не заметили 1100-летнего юбилея русского флота – речного и каботажного морского, наводившего ужас на обитателей Причерноморья, Приазовья и Прикаспия, одерживавшего победы у стен столицы Византийской империи – Царьграда.

Это было еще в те времена, когда напрямую через воды Черного моря плавали южнее Руси только торговые или боевые корабли византийцев, а русы на своих парусно-весельных, всегда бескилевых долбленках выходили из Киева по Днепру для каботажных рейсов, хотя и на большие расстояния вдоль берега. На судах, непригодных для плавания в открытом море, не имея ни навигационных приборов, ни вообще никакого опыта и знаний ориентации на водном пространстве без береговых, сухопутных ориентиров, русы плавали в пределах видимости берега, вдоль него. А враждебные им тюркоязычные кочевники, печенеги, даже случайно оказывающиеся напротив на суше, скакали на конях параллельно маршруту – ждали, как пишут древнерусские летописи, когда разыграется в море шторм и русы будут вынуждены вытащить на землю свои непригодные к высокой волне плоскодонные парусно-весельные суда и можно будет обрушить на славян удар стрелами, пиками и клинками!..

Упоминание о первом таком набеге русов на Царьград в 866 году содержится в древнейшей из русских летописей – в тексте монаха Нестора в Лаврентьевской рукописи. Там со ссылкой как раз на греческие письменные источники об этой боевой операции русов с моря сказано предельно кратко: «В 6360 году (852 г. н.э.) началось 15-летнее правление царя Михаила и в годы именно этого правления стало известно о возникновении наименования Русская земля. О ней узнали после того, как при этом царе русь приходила на Царьград» (Полное собрание русских летописей, далее – ПСРЛ, Спб., 1846 г., с. 7).

Наиболее подробно из всех летописных сводов раннего Средневековья Руси, с более обстоятельным пересказом греческих рукописей, повествует так называемая Типографская летопись (ПСРЛ, т. 24, Петроград, 1921 г., с. 7): «В 6374 году (866 г. н.э.) был у греков царь по имени Михаил... И в этом году при этом царе приходила русь на Царьград, как об этом пишется в летописании греческом: на четырнадцатом году правления царя пришли Аскольд и Дир на греков, к Царьграду. Царь же отсутствовал, воюя против агарян на Черных реках, куда епарх послал к нему с послом весть о том, что русь пришла на Царьград. И царь тотчас воротился. А те уже вовнутрь вошли, много убийств христиан совершили, обступивши Царьград двумя сотнями кораблей. Царь же, едва войдя в город, явился тотчас с патриархом Фотеем в церковь Святой Богородицы Валашской и всю ночь молитву сотворял, а затем с песнями вынес божественную ризу Святой Богородицы и с плачем омочил в море, которое было кротким и тихим, да вдруг восстало бурей, с ветрами и волнами огромными, против наступавших. И разбило корабли, и смело безбожных русов, и к берегу пригнало избитых. И мало их, поверженных, полной беды избегли. И восвояси вернулись побежденные Аскольд и Дир, в малом числе пришли к Киеву».

Случались и победные набеги флотилии русов на Царьград. Так, в 907 году князь русов Олег на двух тысячах кораблей, с конями на них, осадил Царьград и принудил греков дань платить, а в знак победы щит прибил на врата столицы данников (ПСРЛ, т. 24, Петроград,

⁷ По материалам кандидата исторических наук Г. Анохина.

1921, с. 9—10). Нестор сообщает также о том, что князь русов Олег вышел из Днепра в Черное море с 10 000 судов! (там же, с. 157).

У греков были свои колонии в Северном Причерноморье – и в южном Крыму, и вблизи устья самого Днепра. Поэтому была возможность усилить контроль над тайными выходами русов из Днепра в Черное море.

У русов же еще с давних времен существовали иные тайные маршруты для совершения опустошительных набегов в другое... Каспийское море для захвата добычи у иных народов – в Дербенте (Дагестан), на берегах Табаристана (Персия) и даже в легендарно богатом городе Бердаа (равнинный Карабах).

Эти набеги на каспийский бассейн приходились обязательно на весну, когда едва сходил лед на степных реках. Ниже мы объясним, почему именно в апреле надо было прорываться на Каспий, пока же покажем варианты этих маршрутов с их волоками меж истоками рек. При выходе из Днепра русы использовали русла двух его притоков.

Осада русами во главе с Аскольдом и Диром Константинополя. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

В е р х н и й маршрут проходил выше трудоемких волоков вдоль порогов на большой излуине реки (от нынешних Днепропетровска до Запорожья): поднимались по реке Самаре, по ее левому притоку реке Волчьей и далее уже по ее левым притокам – рекам Гайчур, Мокрые Ялы (или ее правому притоку Кашлагач) или Сухие Ялы до их истоков, – все в пределах современных Запорожской и Донецкой областей. Эти в прошлом глубоководные, до 30—40 метров, степные речушки – «канавы» берут начало из родников на северном склоне плоской Приазовской возвышенности. После элементарного волока плоскодонных долбленок на 2—4 км на юг русы спускали свои корабли в глубоководные истоки рек Берда, Кальчик или Кальмиус и по ним попадали непосредственно в Азовское море, по первой названной – возле современного города Бердянск, по остальным – возле современного города Мариуполя. Обилие судов с экипажами давали русам возможность грозно противостоять нападениям случайных групп печенегов, выпасавших свои отары овец и табуны лошадей на черноземных травостоях (сама тюркская этимология этнонима «печенег» означает «обитатель травостоя, пастбища»).

Н и ж н и й маршрут шел ниже знаменитых порогов, прямо за островом Хортица: входили в реку Конка, а от ее истоков – в исток Берды, по которой сплавлялись в Азовское море. Конка тысячу лет назад, когда климат в степях был влажнее и теплее, вообще обеспечивала выход в бассейн Азовского моря без волока. Ибо западнее высшей точки Приазовской возвышенности – Бельмак-Могила (324 м) – водораздел раздваивается. От подножия вершины

из естественного водохранилища родниковых потоков существовала трифуркация – сток вод на три стороны света: на север – Конка, в Днепр; на запад и далее на юг – Молочная, в Азовское море; на юг – Берда, а также Обиточная, и из них в Азовское же море!

Отправляться из Азовского в Каспийское море по Дону в Волгу с волоком меж их великими излучинами было невозможно – могучее Хазарское государство господствовало как раз в низовьях Волги. Поэтому флотилии русов избирали один из двух вариантов выхода на волок в Каспийское море – по реке Ее или по реке Маныч, от устьев. По пути в Таганрогский залив плывшие от устья Берды назначали сбор или отстой на случай штормовой погоды на Долгих островах, следующий отстой – у Ейской косы и островов в устье Ейского лимана. Если флотилия выходила из Кальчика или Кальмиуса, местами отстоя были Миусский лиман, а следующий до входа в реку Дон – мелководная Андреевская бухта, что восточнее современного города Таганрога.

Поднимаясь по Ее, русы из истока ее верхнего правого притока волочили суда в реку Средний Егорлык или от истока самой Ее – в реки Рассыпную или в Калалы; все три последние названные реки – уже бассейн верховий реки Маныч.

Если отправлялись на Дон – хотя этот вариант был более известен хазарам, – то тотчас от устья Маныча поднимались непосредственно в озеро Маныч-Гудило. Ейский и Дон-Манычский варианты уже у озера Маныч-Гудило становились единым маршрутом, ибо здесь, на Азовско-Каспийском водоразделе Ергени, подземные, весенние, половодья с гиганта Большого Кавказа – горы Эльбрус – вспучивались наружу, создавая бифуркацию, то есть сток реки одновременно и непосредственно с водораздела в обе его стороны! Бифуркация могла длиться пару недель и больше, и только в этот период флотилия русов могла без волока по земле плыть по Восточному Манычу и реке Куме на юго-восток – в Каспийское море!

«Русы, как стаи саранчи!» – писали арабские источники тысячелетие назад. Они появлялись на улицах древнего Дербента, на южном берегу Каспия уже в 860—880 годах и в 914 году, а в 944-м захватили в нижней трети бассейна реки Куры город Бердаа и довольно долго держались в нем в осаде, оставив флотилию на Куре под охраной части своих воинов.

Возвраты из каспийских набегов первоначально происходили все-таки через низовья Волги, с данью хазарам от награбленного. Когда же хазары пожелали большего (или всего награбленного) и уничтожили в стычках большую часть кораблей и участников, возврат через Волгу (тем более через Ергени, когда бифуркация давно закончилась) стал невозможным. Тогда, в новом набеге, возможно, именно после Бердаа, последовал фантастический прорыв русов через закавказский водораздел каспийско-черноморского бассейнов! Поднявшись на кораблях по средней трети реки Куры, русы перед указанным выше водоразделом покинули их, захватили в плен много местных мужчин и использовали их в качестве носильщиков трофеев русов при переходе по какому-то из перевалов в Западную Грузию. Арабские источники не называют топонима перевала. Уже на черноморском берегу, захватив нужное количество судов, русы каботажно добрались до Азовского моря, а затем, знакомыми им маршрутами – до Днепра и Киева!

Между прочим, треть тысячелетия назад запорожские казаки пользовались речными маршрутами, чтобы попасть из Сечи к донским казакам. Кратчайший путь им был бы по реке Конке с волоком в реки Молочная или Берда. Однако из-за главного враждебного соседа в XVI—XVII веках – крымских татар, – который контролировал ближайшие к полуострову степи и реки, запорожские казаки поднимались на чайках от Сечи вверх по Днепру, волоками обходя пороги, входили в устье реки Самары, плыли до ее истоков или истоков ее правых порогов, волоком попадали в реку Северский Донец и из него – в нижний Дон.

Более пятидесяти лет кандидат исторических наук Г. Анохин отдал поискам сначала «тайных маршрутов руссов», затем – «пути из варяг в греки», а также их моделированию в естественных условиях.

Результат более чем полувековых поисков – это максимально краткий научный очерк и карта, впервые воссоздающая ситуацию 1100-летней давности и мест современных городов Запорожье и Днепропетровск у бывших волоков вдоль множества порогов, а также современных городов у берегов как бы эллинской Меотиды – Бердянска, Мариуполя, Таганрога и Ейска, стоящих на древних тайных маршрутах руссов, у истоков рождения и становления Руси с ее уже тогда грозным, хотя и каботажным морским флотом!..

Более 1100 лет назад восточные славяне – русы – имели свой флот, и флотилии руссов бороздили воды Черного, Азовского и Каспийского морей, проходили по рекам, облегчающим доступ в эти моря, участвовали в боях. Более 1100 лет назад, а не только 300 лет!

Загадка Александра Невского

О князе Новгородском Александре Ярославиче Невском с уважением рассказывали в школах и при царе, и при Сталине. Церковь причислила его к лику святых. Сергей Эйзенштейн снял о нем знаменитый фильм. И царское, и советское правительства учреждали ордена его имени... И при всем том его биография по-прежнему хранит немало загадочного.

Первую крупную победу и титул «Невский» двадцатилетний Александр Ярославич завоевал, как известно, летом 1240 года, уничтожив со своей небольшой дружиной шведскую рать на Неве. В следующем году он разрушает опорный пункт немцев – крепость Копорье, позднее освобождает Псков и топит рыцарей в Чудском озере. В 1242 и 1245 годах громит литовцев, а в 1256 году наносит еще одно крупное поражение шведам.

Но этот грозный воитель становится не похожим сам на себя, когда речь заходит о Золотой Орде. В 1238 году, когда татарское войско вторглось в пределы Суздальской земли, он не послал подкреплений ни своему отчому городу Переславлю-Залесскому, ни столице Владимиру. Не пытался он и соединиться с войском дяди – великого князя Юрия, стоявшего на реке Сить. Даже Торжок, исконно новгородская вотчина, не получает помощи от молодого князя и захватывается ордынцами. Неудивительно, что, видя такую покорность, Батый оставляет у себя в тылу неразоренный Новгород и поворачивает войско громить города южной Руси.

В последующие годы Александр Ярославич не меняет своей позиции. Покорно прибывая в ханскую ставку в Каракорум, он получает «из рук» татар в дополнение к Новгородскому еще и Киевское княжество.

Традиционное объяснение этим фактам – «князь не шел на конфликт с ордынцами, поскольку понимал, что с ними не справиться» – оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным. К середине XIII века на Руси стали складываться условия для мощного военно-политического союза Мономашичей против Орды. Русский тыл к тому времени стал относительно надежным: Польша и Венгрия были обескровлены татарами, а литовцы, шведские и немецкие рыцари – значительно ослаблены Невским. Основная часть монгольского войска, понеся большие потери в походе в Европу, вернулась на родину. В свою армию Батый приходилось набирать ненадежных воинов из покоренных народов.

В 1250 году между младшим братом Александра Андреем, владельцем Великого Владимирского княжества, и Даниилом Галицким, правителем всей Западной Руси, заключается антиордынский союз. Земли, контролируемые Александром Невским, могли бы сыграть здесь ключевую роль, поскольку связывали в единое целое удаленные княжества. Кроме того, богатый Новгород был способен пополнить русское войско финансами и людьми.

Однако Александр не только не примкнул к союзу, но напротив – поспешил в Орду с жалобой на брата. Итогом поездки стал карательный поход Неврюя на Владимирское княжество.

Для разгадки поведения Александра Ярославича посмотрим на то, как складывались отношения Руси с Западом в XII—XIII веках. Вести о Первом крестовом походе 1096—1099 годов, завершившемся взятием Иерусалима, были встречены на Руси с энтузиазмом. Налицо был триумф христианского мира, к которому теперь относилась Русь. Выступая против половцев в 1111 году, Владимир Мономах также постарался придать своим действиям характер крестового похода против «поганных».

Однако позднее идеология крестовых походов в Западной Европе претерпела значительные изменения. Объектами претензий католиков-крестоносцев все чаще становились территории, населенные православными. Ватикан осуществлял идейное и духовное руководство натиском ливонских и тевтонских рыцарей на земли славян. Разорение крестоносцами центра православия – Константинополя в 1204 году – Русь восприняла крайне

болезненно. Слухи о стяжательском и развратном образе жизни папского клира усиливали отчуждение.

Русь – возможно, впервые в своей истории – попыталась вполне осознанно возвести «железный занавес» между собой и Северной и Западной Европой. В отношении европейцев отечественная идеология с этого времени требовала «обычая их не держати и учения не слушати, не брататися с ними, потому что развращенные мысли их полны гибели».

Вероятно, молодому Новгородскому князю ордынцы казались меньшим злом, а то и союзником в борьбе с экспансией Запада. После похода Неврюя за Александром Невским было закреплено Великое княжество Владимирское, а сам князь побратался с сыном Батыя Сартаком. В 1251 году Невский наотрез отказался от помощи папы римского в борьбе с Ордой. Вскоре он привел в Новгородскую землю татарских численников, переписывавших население для обложения данью (исключение было сделано для духовенства). В отказавшийся подчиниться Новгород князь ввел в 1259 году свои войска, подавляя антиордынские выступления, зачинщикам которых выколол глаза и отрезал носы.

В ноябре 1263 года Александр Невский, разболевшись, умер у Нижнего Новгорода на обратном пути из ханской ставки. Версия о его отравлении в Орде появилась, скорее всего, потому, что народное сознание не хотело мириться с фактом дружбы популярного князя с татарами...

Трудно давать оценки деяниям наших предков, живших в те далекие и страшные времена. И все же сделаем осторожные выводы. Столетия назад Русь столкнулась с проблемой поиска своего места в споре Запада и Востока. В таких условиях в жестоком XIII веке Александр Ярославич Невский решился на союз с Востоком.

Где была Куликовская битва?⁸

Историки утверждают, что они наконец установили точное место Куликовской битвы. В отличие от официальной версии, одно из ключевых сражений русской истории происходило вовсе не в чистом поле, а на большой лесной поляне.

Из школьных учебников нам известно: 8 сентября (21 сентября по новому стилю) 1380 года на Куликовом поле произошло судьбоносное сражение, в котором русская рать под предводительством князя Дмитрия одержала победу над войском Мама. За свой полководческий талант князь Дмитрий был прозван Донским. Но вот о точном месте битвы историки спорят до сих пор. Официальная историография утверждает: Донское, или Мамаево, побоище, позднее названное Куликовской битвой, произошло на территории современной Тульской области при слиянии Дона и Непрядвы. По крайней мере, на это указывают летописи. Впрочем, литературные источники XIV—XV веков – «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» – дают лишь художественное осмысление сражения, а о точности и достоверности при определении места сражения с их помощью говорить не приходится.

Более точные сведения содержатся в Рогожском летописце, в Новгородской первой летописи и в летописной повести о Куликовской битве. Эти источники так описывают место сражения: «Поле чисто на усть реце Непрядвы», что означает «при устье Непрядвы» или «недалеко от устья Непрядвы». Историки осторожно пытаются определить это самое «недалеко». Если считать, что в Средние века для пешего «недалеко» равнялось трем километрам (0,1 «днища» – дневного перехода), а для всадника – шести километрам (0,2 «днища»), то можно определить три стратегические точки, вокруг которых разворачивалась битва. Первая точка – устье Непрядвы (указывается в договоре 1381 года с Олегом Рязанским), вторая точка – расположение русских войск в верховье реки Смолки, третья точка – расположение Мамаевых орд, как предполагается, на северной окраине села Хворостянка.

Такова официальная версия. Однако в последние годы появились работы, в которых она подвергается сомнению. Например, профессор Анатолий Фоменко, автор известных книг по новой хронологии истории, считает, что Мамаево побоище произошло вовсе не на Куликовом поле, а совсем в другом месте. Один из аргументов Фоменко: на предполагаемом месте битвы не найдено никаких ее следов: «Ни могильников, а ведь полегло якобы много десятков или даже несколько сотен тысяч человек, ни остатков оружия: стрел, мечей, кольчуг. Возникает законный вопрос: там ли ищут Куликово поле?»

Но вот недавно специалисты Института географии РАН совместно с археологами Государственного исторического музея и сотрудниками Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» завершили масштабную работу по созданию палеогеографической карты, с доподлинной точностью восстанавливающей исторический ландшафт Куликова поля. У ученых теперь практически не осталось сомнений, что знаменитое сражение происходило на относительно небольшом открытом участке площадью примерно три квадратных километра на правом берегу реки Непрядвы, со всех сторон окруженном густыми лесами.

Сегодня территория музея-заповедника «Куликово поле» – открытая всем ветрам степь. Даже трудно себе представить, что некогда здесь шумели дремучие леса. Многих исследователей это и ввело в заблуждение – они искали место битвы на просторе, не подозревая о том, что оно могло быть ограничено небольшой территорией, свободной от леса,

⁸ По материалам Н. Дьячковой

например, очень большой поляной. Перед географами стояла задача поэтапно реконструировать ландшафт места Донского побоища. Им пришлось прежде всего учитывать то, что развитие природы подчинено периодическим колебаниям – ритмам разной степени интенсивности. Ученые утверждают: наиболее конструктивный ритм для местной лесостепи – так называемый 2000-летний ритм Шнитникова. Как правило, каждые 2000 лет на границах резких изменений тепло- и влагообеспеченности происходит перестройка локальных ландшафтов, в том числе изменение характера флоры, гидрологического режима и почвообразовательных процессов. Время Куликовской битвы как раз приходится на переход от теплой влажной фазы (пика разрастания лесов в северной степной зоне) к более холодной. Период после Куликовской битвы характеризуется суровыми погодными условиями. В литературе он известен как малый ледниковый период, длившийся на протяжении XV—XVIII веков, для которого характерны суровые зимы, короткий вегетационный период, активная эрозия почв, способствовавшая выравниванию рельефа. Все это, естественно, привело к тому, что сегодняшний ландшафт места сражения лишь отдаленно напоминает тот, какой был здесь во времена Дмитрия Донского.

Вот что рассказала палеогеограф Майя Гласко: «Высказывалось, например, мнение, что битва могла состояться на левобережье Непрядвы, но оно было сплошь покрыто лесными массивами, где коннице не то что разъехаться, а даже выстроиться было бы негде. Мы подробно изучили месторасположение лесных массивов на данной территории в XIV веке и увидели, что на правом берегу Непрядвы можно очертить открытое степное пространство, не очень широкое, но в которое вполне вписываются масштабы сражения. Это был узкий участок, единственный на берегу Непрядвы, где могли сойтись в битве многотысячные войска. Конечно, не сотни тысяч, как говорится в летописях. Максимум здесь могло выстроиться тысяч шестьдесят воинов с той и другой сторон».

Составленная палеогеографическая карта района Куликова поля дала историкам важный аргумент в пользу того, что битва произошла именно при слиянии Непрядвы и Дона. Дело в том, что описанный исследователями ландшафт – относительно узкое открытое пространство, окруженное лесами, – как нельзя лучше соответствует характеру развернувшегося там боя. По-видимому, Дмитрий Донской очень грамотно подошел к выбору места сражения, воспользовавшись тем, что за дубравами мог укрываться его засадный полк. Исследователи считают, что если бы битва состоялась в открытом поле, то Мамай легко справился бы с русской дружиной – ведь тактика монголов известна. Сначала мощная «арт-подготовка» – легковооруженные всадники расстреливали с дальней дистанции плотные построения противника из мощных луков, а затем кинжальные удары тяжелой кавалерии рассекали боевые порядки и опрокидывали врага. Однако в данном случае князь Дмитрий не дал Мамаю воспользоваться преимуществами хваленой монгольской тактики: русские воины то и дело предпринимали лобовые контратаки в узком месте – между двумя дубравами – и быстро отступали, снова укрываясь за лесом. По мнению военных историков, князь Дмитрий Донской придерживался тактики суимных боев (стычка, сшибка), чтобы неожиданными атаками сбить противника с толку и не дать ему сконцентрировать силы и осуществить массированный главный удар. Историки считают, что сражение представляло собой скоротечные кавалерийские стычки с последующими маневрированием и перестроением. Бой, судя по всему, был тесным, кровопролитным и скоротечным. По современным меркам, он длился совсем недолго – около трех часов. По оценкам военных историков и археологов, русская рать насчитывала не 100 тысяч человек, как указывается в летописях, а не более 20—30 тысяч. Можно предположить, что численность монголов была примерно такой же. Едва ли осторожный Дмитрий Донской пошел бы на решающую битву с армией, значительно превосходящей по численности его войско. Таким образом, получается, что в битве с двух

сторон участвовало приблизительно 60 тысяч человек. Больше куликовская поляна вместить не смогла.

Дмитрий Донской и Боброк Волынец объезжают Куликово поле перед битвой. Миниатюра XVI в.

Впрочем, по оценкам некоторых военных историков, даже эти данные могут быть завышены. В сражениях такого рода, уверяют историки, погибало обычно от 10 до 15 процентов личного состава каждой армии. Значит, и в ходе Мамаева побоища пали от 6 до 9 тысяч воинов. Этот факт подтверждает и то, что археологических находок, связанных с Куликовской битвой, уцелело не так много, как хотелось бы исследователям. И могильник павших воинов до сих пор не найден потому, что он является не курганом, как предполагалось раньше, а относительно небольшим захоронением площадью примерно 50 квадратных метров. Археолог Государственного исторического музея Михаил Гоняный знает о существовании древнерусского могильника в районе села Монастырщина, расположенном на слиянии Дона и Непрядвы. Правда, в настоящее время на его месте стоит деревня. Михаил Гоняный планирует провести здесь геофизические исследования.

Особо следует сказать о якобы полном отсутствии материальных следов сражения. Это не совсем так. Следов знаменитой битвы на сегодняшний день действительно найдено немного, но тому есть свое объяснение. Историки полагают, что основная масса оружия (включая наконечники от стрел), кольчужные доспехи, конские сбруи были собраны сразу же после битвы, 8 сентября 1380 года. Оружие и металлические изделия в те времена ценились очень высоко, а мародерство на поле битвы не считалось преступлением.

В 1799 году на участке, о котором идет речь, были проведены первые раскопки. Местные помещики предлагали хорошее вознаграждение за ценные находки, поэтому крестьяне перепаживали поле плугом вдоль и поперек и продавали хозяевам земли найденные предметы. Необходимо отметить, что места обнаружения находок сосредотачиваются строго на очерченной палеогеографами территории. Значительная часть реликвий, найденных в XIX веке, находилась на участке между селами Монастырщина и Хворостянка. На протяжении XIX и XX веков здесь также нередко находили вещи времен Куликовской битвы. Среди наиболее ценных находок – золотые перстни и кресты XIV века.

Современные исследователи каждый сезон отправляются на Куликово поле, вооружившись металлоискателями. И если обнаруживается вдруг что-то стоящее, оно становится бесспорной сенсацией. К примеру, летом 2000 года на месте сражения была найдена пластина от панцирного доспеха. Скорее всего, это фрагмент подола пластинчатого панциря, стягивавшегося ремешками. Как утверждает специалист по военной археологии Государственного исторического музея Олег Двуреченский, «русские воины позаимствовали идею изготовления пластинчатых доспехов у монголов, после середины XV века таких пластин не производили».

Интересно, что спустя два года, в 2002 году, в непосредственной близости от места предыдущей находки были обнаружены фрагмент кольчуги и подпружная пряжка. Обрывок кольчуги представляет собой девять колец из латуни, соединенных друг с другом. По мнению Олега Двуреченского, этот кусок из цветного металла предназначался не для защиты, а для украшения дорогого доспеха, судя по всему, русского воина. Олег Двуреченский поясняет: «Почему удалось найти именно украшение из латуни? Цветной металл в отличие от железа в земле не пропадает. И потом, на этом месте была сшибка, люди секлись, и с них летели куски доспехов. Крупные вещи с убитых и раненых были собраны сразу же. Наш же удел сегодня – находить только мелкие, незаметные глазу фрагменты, спрятавшиеся под землей. Кстати, фрагмент кольчуги лежал под землей на глубине всего 30 сантиметров. На этом месте никогда не жили люди, всегда было чистое поле, поэтому земля сильно не «наросла». Неслучайно в местечке под названием Зеленая Дубрава, где сейчас леса нет и в помине, а в XIV веке стояла густая непроходимая дубрава, в последние годы археологи находили немало наконечников стрел».

Эксперты по вооружению установили, что найденные вещи принадлежат строго определенному временному отрезку – с середины XIII до середины XV веков. Согласно же летописям, на слиянии Непрядвы и Дона в тот период была только одна битва – Куликовская. В числе последних находок, относящихся, по мнению археологов, непосредственно к Куликовской битве, – походный ножичек с длиной лезвия всего два сантиметра, а также подпружная пряжка и втулка от копья. Факт находок вооружения – фрагменты русской кольчуги и пластины доспеха монгольского типа, находящиеся близко друг от друга, в чистом поле, именно на том участке, который определили палеопочвенники как безлесный, пустой, – лишний раз свидетельствует в пользу исследователей, утверждающих, что Донское побоище происходило именно здесь. «Мы будем продолжать искать предметы, принадлежащие воинам, – говорит Михаил Гоняный. – Их много не будет. Но они будут обязательно».

Чем болел Иван Грозный

Что известно о последнем дне жизни Ивана IV? Со слов очевидцев мы знаем, что в день смерти, утром, он почувствовал некоторое облегчение от болезни, принял теплую ванну и сел играть в шахматы (по иным сведениям – в шашки) с Бельским.

Следовательно, перед смертью он был в редком для него состоянии покоя. В последние годы его мучили жестокие приступы болей, мрачные предчувствия, тяжелые угрызения совести.

Но в тот предсмертный день он был добр и спокоен. Во время игры его и постиг удар. Над умирающим царем совершили, по его заблаговременному пожеланию, обряд пострижения и захоронили в каменном царском гробу.

Однако можем ли мы полностью доверять этому источнику? (Версия о предсмертной игре царя в шашки исходит от иностранца, явно недостаточно знавшего порядки при дворе российского самодержца.)

От чего же умер царь Иван?

Когда вскрыли гробницу, ученые сразу обратили внимание на то, что боковые стенки саркофага чрезвычайно тонки. Вероятно, их поспешно дополнительно стесывали перед самым захоронением. Эта деталь кое-что проявляет в болезни царя. Видимо, покойник перед близкой смертью стал тучен или отечен и мог не поместиться в гроб, приготовленный заранее. На то, чтобы определить причины смерти умершего четыре века тому назад царя, ушло несколько месяцев. Химический анализ показал, что в организме Ивана IV найдено чрезмерно повышенное содержание ртути. И было установлено, что ртуть поступала в организм в течение относительно долгого времени.

Может быть, это результат лечения ртутной мазью, уже тогда применявшейся в медицинской практике? Или все же причиной смерти стало отравление?

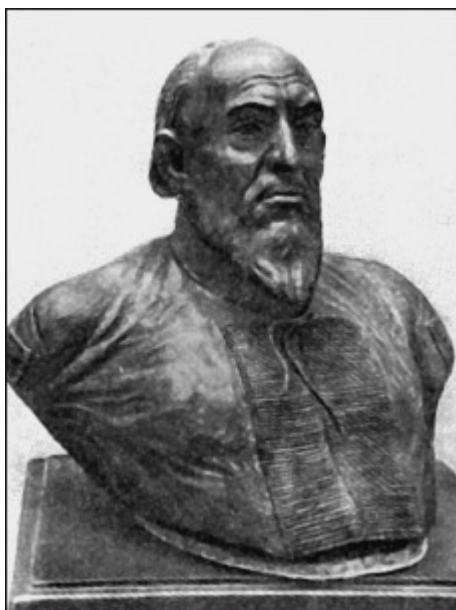
От таких предположений отказываться было нельзя. Требовалось время для окончательных выводов, к тому же ученые обнаружили многочисленные костные выступы, так называемые остеофиты. Они располагались на позвоночнике, гребешках подвздошных костей таза, вокруг суставов.

У вельмож того времени существовал обычай держать сосуд с «живой водой» (или «живым серебром») открытым в своих покоях. Якобы это прибавляло долголетия владельцу. Вполне вероятно, что так поступал и царь. Тогда еще не знали о вредном действии паров ртути.

А причины возникновения остеофитов весьма разнообразны. Это могут быть проявления возрастного артроза (хронического воспаления сустава), чаще поражающего отдельные суставы. Они также могут возникнуть на почве эндокринных нарушений и при злокачественных опухолях – например, остеосклеротические метастазы рака предстательной железы. (Как предположили впоследствии патологоанатомы, именно последний вариант и был наиболее вероятен в рассматриваемом нами случае.)

Костные нарастания иногда увеличиваются медленно, не причиняя больному особых неудобств, но зачастую боли могут возникать даже при небольших движениях, особенно от таких наростов, как у Ивана IV (по краям суставных поверхностей, как своеобразные «шпоры» или «козырьки»). Боли бывают резкими и мучительными, повторяющимися вновь и вновь – ведь острые края выростов сдавливают нервы, сосуды, впиваются в мышцы.

Можно представить себе, какой мучительной была жизнь Ивана IV все последние годы – не только в бодрствующем состоянии, но и ночью, в постели, от случайного движения возникала боль, изматывающая, лишавшая сна.

Реконструкция облика Ивана Грозного

Никакие снадобья знахарей, лечебные советы западных лекарей, скорее всего, не могли помочь самодержцу, давая лишь временное облегчение, притупляя боль. Излечить царя – при тогдашнем уровне врачебного дела – было невозможно. Именно эти непрерывные мучения и могли привести к зловещим изменениям в характере Ивана Грозного, что объясняет многие его поступки. Находясь в непрерывном болевом стрессе, он был совершенно непредсказуем.

Прах первого русского самодержца, аккуратно запакованный в картонные коробки, с особой осторожностью был отвезен в лабораторию пластической реконструкции Герасимова.

В лаборатории коробки распаковали и череп лег на рабочий стол ученого. Началось долгое восстановление облика царя Ивана IV. Сначала череп еще раз тщательно пропитали особым, укреплявшим кости, раствором, законсервировали. Потом сняли гипсовые копии.

С ними и начал работать Герасимов, а подлинный череп оставался в неприкосновенности, ожидая своего возвращения в могильный склеп.

По своему методу скульптор наложил на копию черепа царя пластилиновые мышечные ткани, внимательно следуя всем особенностям черепа. Малейшая невыверенная деталь могла повлиять на достоверность будущего скульптурного портрета царя.

Иногда возникали сомнения. Например, показалось, что швы свода черепа очень молоды, не соответствуют возрасту 53 года. Дополнительное тщательное изучение подтвердило – аномалии нет.

Другой пример. Прекрасно сохранившиеся зубы Грозного заставили антропологов и анатомов поломать голову. Согласно всем медицинским данным, зубы были моложе царя лет на двадцать – ровные, крепкие, не сношенные, два резца совсем не стерты, клыки только прорезались – зубы молодого человека.

(«Представляете, в летописях упоминалось, что до 40 лет некоторые зубы у царя Ивана были молочными. Ясно, что этому никто из нас не верил. А все оказалось правдой!» – сказал как-то Герасимов. Налицо была какая-то генетическая аномалия, в принципе положительная.)

Дуга нижней челюсти слишком крутая, язык в таких случаях расположен в полости рта выше, чем бывает обычно. Не исключено, что Грозный пришепетывал чуть-чуть. Но о таких речевых дефектах современники обычно не упоминают, предпочитая «улучшенный» образ монарха.

К марту 1964 года мышечные ткани были, наконец, полностью смоделированы, и Герасимов приступил к окончательной отделке... У Ивана IV оказалось узкое, волевое лицо, крупный нос с горбинкой, небольшой рот, высокий лоб, большие глаза, чуть выдающаяся вперед нижняя часть лица.

По сохранившемуся скелету восстановили и фигуру царя. Иван Грозный был высоким, крупным, полноватым, сильным и крепким. У него были широкие плечи, хорошо развитая мускулатура. Да, пожалуй, он не очень похож на того царя, которого играл Черкасов. Не похож он и на репинского сыноубийцу, и на скульптуру Антокольского...

Рядом с Иваном Грозным покоится его сын, убитый им в припадке ярости, – двадцатисемилетний царевич Иван. В его могиле обнаружили густые, длинные русые локоны, которые пощадило тление. Сохранилась ткань одежды царевича – после отмыывания и чистки она оказалась шелковой, оранжевой, с золотистым оттенком. Но, увы, череп царевича время не сохранило. Мы так и не узнаем, как был убит царевич Иван. И был ли он похож на своего отца.

Череп другого сына Грозного – царя Федора – сохранился плохо. Однако Герасимов сумел реконструировать портрет Федора. Его почему-то хоронили очень поспешно. Мастер, вырезавший надпись на крышке саркофага, даже не дописывал слова. Возможно, с покойным царем Федором просто особо не церемонились. Его шурин Борис Годунов рвался к власти...

От чего же умер Федор Иоаннович? Летописцы говорят об этом скупно. Причина, видимо, обычная – не хотели вступать в конфликт с только что возвысившимися «власти предержащими». Лишь псковская летопись высказывает предположение, что его отравил Годунов.

Современные химические анализы показали, что в организме Федора было повышенное содержание мышьяка, так что версия отравления наиболее вероятна.

В ряду гробниц находилась когда-то и четвертая – Бориса Годунова. При вскрытии она оказалась пустой...

Так подтвердилось историческое свидетельство, что Лжедмитрий I велел вынуть труп царя Бориса из саркофага и перевезти в бедном деревянном гробу в захолустный Варсонофьевский монастырь.

Сменивший Лжедмитрия на престоле боярский царь Василий Шуйский распорядился перенести останки младшего сына Ивана Грозного, Дмитрия, из Углича в Москву и положить их в бывшей могиле Годунова. Однако труп маленького Дмитрия не был предан земле, а поставлен для поклонения в специальном ковчеге в центре Архангельского собора. (Когда Шуйский распорядился перенести останки Дмитрия из Углича в могилу предков, стали распространяться слухи, что тело отрока сохранилось нетленным... А когда его перевозили в Москву, то якобы из раны лилась алая кровь.) Дмитрия объявили невинноубиенным, святым мучеником.

Действительно ли в Архангельский собор привезли останки Дмитрия? Не был ли ради инсценировки нетленности трупа царевича убит другой младенец, отнюдь не царского рода?

Возможность проверить это, видимо, есть. Останки Ивана IV, его отца, имеются. В Кремле находится захоронение Марии Нагой, матери Дмитрия. Сравнительный анализ останков может раскрыть еще одну тайну прошлого.

Обстоятельства смерти Ивана IV и его сыновей сложны и неясны.

После воссоздания обликов Ивана Грозного и его сына Федора их останки вернулись в могилы. Легли на место тяжелые надгробные плиты. Но тайна жизни Ивана IV и его детей осталась.

Пророчества чухонских старцев⁹

В истории российского Севера есть малоизвестные страницы, связанные с таинственными чухонскими старцами – финно-угорскими волхвами, имевшими огромное влияние на своих соплеменников. С незапамятных времен они выступали в роли жрецов чухонских языческих богов, старательно поддерживая в своем народе древние верования даже после принятия православия большей частью населения.

Вопреки широко распространенной легенде царь Петр I не являлся первооснователем поселений на берегах седой Невы. На мшистых, топких, поросших лесом, но отнюдь не диких берегах полноводной широкой реки издревле обитали лапландцы, карелы, водь, ижорцы, вепсы и представители других малочисленных племен. Причем после принятия ими православия, кстати, проходившего вполне мирно, они упорно продолжали тайком поклоняться своим древним языческим богам и почитать служивших этим божествам чухонских старцев-жрецов, а в затруднительных ситуациях и при решении жизненно важных вопросов – непременно обращаться к ним за советом.

Роковые пророчества

В те далекие времена примерно там, где сейчас находится самый центр современного Санкт-Петербурга, между Троицкой площадью и зданием Нахимовского училища, в начале XVIII века существовало древнее языческое капище. Его главной достопримечательностью и ценностью для чухонцев была причудливо искривленная балтийскими ветрами священная сосна. По ней жрецы точно предсказывали грядущие наводнения и даже могли указать уровень подъема воды: во время волховских мистерий на этой высоте на корявых ветвях дерева появлялись «огни Святого Эльма», что неизменно приводило в мистический трепет зрителей.

Естественно, чухонским старцам не слишком пришлось по нраву соседство беспокойного белого царя, затеявшего на берегах Невы грандиозное строительство. Поэтому волхвы сначала очень осторожно, а потом все смелее и громче начали пророчествовать о странных и ужасных несчастьях, неминуемо ожидающих в будущем строящийся по велению царя город и всех его жителей. Они наивно надеялись, что царь услышит их и, узнав всю горькую правду о будущем, одумается и бросит свою опасную затею. Да, Петр I услышал их, но вот относительно дальнейшего волхвы просчитались.

Передаваемые из уст в уста и не на шутку будоражившие народ мрачные пророчества чухонских старцев вкупе с крайне переменчивым военным счастьем в бесконечных баталиях со шведами не улучшали царского настроения.

Не откладывая дела в долгий ящик, царь решил раз и навсегда покончить с «чухонскими чудесами». Краснея от натуги и матерясь сквозь зубы, Петр самолично срубил старую священную сосну и приказал отправить на дрова в солдатские кухни. А жрецам, чтобы больше не болтали чего не попадая, приказал отрубить головы.

Перед казнью чухонские старцы, имен которых история не сохранила, сделали последние пророчества: каждый из трех языческих жрецов дал свой собственный прогноз развития событий в далеком будущем. Причем все они были неразрывно связаны с разоренным царем святилищем и местом их жестокой казни.

⁹ По материалам В. Антонова.

Первый из волхвов пробормотал заклинания и, стоя на коленях перед плахой, провещал:

– Заложенный царем новый город простоит ровно триста лет – столько же, сколько отпущено времени правления его потомкам. А потом городу на Неве быть пусту!

Фактически жрец «отпустил» заложенному Петром I в 1703 году на Неве городу столько же лет, сколько правлению династии Романовых. Это достаточно хорошо известное предсказание, которое имеет множество различных вариантов толкования. По одному из них, город утонет, весь уйдет под воду во время небывало сильного наводнения. Согласно другим, население вымрет от страшных болезней, голода и тому подобного.

Надо признать, что жуткое пророчество древнего чухонского волхва действительно чуть было не исполнилось в страшные дни блокады во время Отечественной войны, но тогда до трехсотлетия города оставалось еще 60 лет.

Второй чухонский старец предсказал, перед тем как его лишили головы:

– Все проживающие на территории России финно-угорские народы объединятся в «Коотимаа», и тогда придет неминуемый конец владычеству белых царей!

«Коотимаа» – «общий дом финнов» – так называется некое почти мифическое единение всех финно-угорских народов, населяющих необъятную Россию. Это пророчество можно понимать не только как указание на неизбежное падение самодержавия в России, но и как предсказание неизбежного конца главенствующей роли представителей славянской расы.

Третий жрец перед смертью предрек, громко выкрикнув в серое низкое небо:

– Город Петра исчезнет с лица земли, когда в нем будут захоронены «три царя с востока»!

Царский приказ выполнили неукоснительно: чухонских жрецов-пророков обезглавили. Но казнь проходила при стечении народа, и последние слова чухонских старцев слышали многие. Бесконечные страшные наводнения, наносившие городу огромный ущерб и уносившие немало жизней, по мнению множества людей разного звания, подтверждали пророчества, сделанные чухонскими старцами перед лютой казнью, и их вещие слова передавались из поколения в поколение.

Дамоклов меч

Не стоит думать, что о предсказаниях древних чухонских жрецов не помнили члены царской фамилии. Во времена Петра I уже существовал достаточно развитый, выпестованный лично императором политический сыск, и любые подобные «пророчества» тщательно документировались. Как известно из исторических источников, сам Петр Алексеевич Романов, жестоко расправившийся с волхвами, тем не менее очень боялся «чухонского колдовства», особенно в последние годы жизни.

После обвинения в измене, лишения наследия и казни сына царя, а также смерти Петра I в новой столице империи Санкт-Петербурге, в царской усыпальнице – Петропавловском соборе – оказались захороненными уже два русских вождя или царя, «рожденные на востоке»: сам император Петр и его сын, которые родились в Москве, то есть к востоку от города на Неве.

Некоторые исследователи считают: именно данным обстоятельством объясняется то, что самого страшного бунтовщика Емельяна Пугачева, поднявшего в 1773—1774 годах на окраинах империи крестьянское восстание и объявившего себя царем Петром III, после поимки и пленения не повезли в Санкт-Петербург! Это важнейшего-то государственного преступника! Следствие в отношении него провели в Москве и по окончании дознания казнили там же, на Болотной площади. По-видимому, чины тайной канцелярии по здравом раз-

мышлении рассудили так: а вдруг, паче чаяния, Пугачев окажется третьим «вождем-царем», рожденным на востоке?! Пусть даже самозванным, но все же? Ведь это положение в предсказаниях не уточнялось!

Естественно, в такой ситуации Екатерине II не хотелось рисковать, чтобы – чур меня! – ненароком не вызвать гигантский катаклизм, предсказанный чухонскими старцами.

А вот поднявших восстание на Сенатской площади декабристов суровый Николай I за вождей не посчитал и поэтому бестрепетно повесил и похоронил их в окрестностях Северной Пальмиры. Позже власти предержащие столь же пренебрежительно относились к разного рода «бомбистам» и революционерам. Вообще же вплоть до падения династии Романовых в 1917 году в Санкт-Петербурге так и не захоронили ни одного из вождей или рожденных «на востоке» царей. А все самодержцы рождались в новой столице. Так что третье пророчество не осуществилось. По крайней мере, до сих пор.

Предосторожность безбожников

Как выяснилось в последнее время, когда открылись доступы ко многим ранее спрятанным в секретных архивах документам, о пророчествах чухонских старцев прекрасно знали и лидеры большевиков, взявшие власть в октябре 1917 года. Особенное внимание эти пророчества привлекали у руководителей «вооруженного отряда партии» – ВЧК-ГПУ-НКВД.

Некоторые независимые эксперты-политологи, занимающиеся изучением национального вопроса в России, полагают, что Ленин, серьезно опасаясь катаклизма в Петрограде и создания пресловутого «Коотимаа» – «общего финского дома», очень быстро согласился дать независимость Финляндии. О пророчествах ему сообщил Дзержинский. Тогда же было принято решение о создании «преторианской гвардии» большевиков – красных латышских стрелков – в противовес возможному объединению финно-угорских народностей под флагом контрреволюции.

Судьба большинства из этих «преторианцев» оказалась незавидной: их уничтожили свои же товарищи, и, возможно, роковую роль здесь сыграли все те же древние предсказания.

Самое любопытное, что не исключено влияние предсказаний чухонских волхвов и на принятие решения о построении мавзолея В.И. Ульянова-Ленина в Москве на Красной площади и бальзамировании тела «вождя мирового пролетариата». Ведь Владимир Ильич вполне мог стать третьим «вождем-царем», рожденным на востоке и захороненным в Санкт-Петербурге, пусть даже и переименованном в Ленинград.

Известно, что вопросами национальной политики в СССР занимался лично товарищ Сталин, любовь которого к спецслужбам прекрасно знали все соратники. Постоянно учитывавший личные интересы в борьбе за безраздельную власть, «отец народов» согласился предоставить автономии народам Коми, Чувашии, Мордовии, Марий Эл и Удмуртии. В то же время, внимательно изучив предоставленные чекистами материалы, вождь дал распоряжение немедленно разыскать и ликвидировать всех, еще возможно оставшихся, тайных и явных чухонских старцев. Приказание генсека выполнили быстро и четко, «для верности» ликвидировав пару-тройку сотен подозреваемых. Так было окончательно покончено с волхвами.

Накануне ввода советских войск в Прибалтику и назревавшего конфликта с Финляндией в массовом порядке из Ленинградской области выселялись лица финно-угорских национальностей – «Коотимаа» НКВД была ни к чему! Так в средней России появились целые поселения карелов, которые уже никогда больше не вернулись на места своего прежнего проживания.

Петербургу чухонские старцы пророчили гибель через 300 лет

Что будет дальше, сказать трудно, а гадать – занятие неблагодарное. Сбудутся ли когда-нибудь предсказания обезглавленных Петром I чухонских старцев? Как знать... Во всяком случае, пышное празднование трехсотлетия Санкт-Петербурга уже благополучно осталось позади.

Соловецкий святой¹⁰

За прошедшие века Русь явила миру немало «вещих людей», как называли в народе пророков, чьи прозорливые предсказания остались на страницах истории. Одним из них был преподобный Зосима, живший в богатом на бурные события XV веке.

Точная дата его рождения неизвестна, но из «Жития преподобного Зосимы» можно узнать, что будущий чудотворец и провидец земли русской появился на свет в семье богатых землевладельцев Гаврилы и Марии, проживавших в большом селе Толвуй, раскинувшимся на берегу Онежского озера.

Рано потеряв родителей, Зосима долго не мог утешиться. В конце концов, чтобы отрезвиться от печали, он решил отправиться путешествовать по белу свету. Юноша страстно желал поглядеть, какова она, русская земля? Уже тогда его вела за собой звезда дальних странствий и жажда подвигов во имя людей и православной веры.

Однажды на дальних путях-дорогах ему случайно встретился инок Герман. Он увлеченно рассказывал Зосиме об удивительно красивых и диких землях, лежащих севернее Онеги. Практически безлюдные, покрытые густыми, непроходимыми девственными лесами, они как нельзя лучше подходили для основания там новой монастырской обители или монашеского скита.

Причем, желая истинного уединения и подвига, Зосима предложил основать новую обитель не на материке, а на далеких островах, затерявшихся в студеное Онежское озеро, которое местные жители уважительно называли «морем». Так, в 1436 году преподобный Зосима вместе с иноком Германом заложили Соловецкий монастырь, который на долгие столетия стал русским форпостом на Севере.

Монастырь был «дивно чуден»: монахи посадили там фруктовые сады и устроили огороды, проложили хорошо продуманную систему каналов, выстроили из крепких, как камень, валунов неприступную крепость-твердыню и даже умудрялись выращивать за короткое северное лето сочные, сладкие вишни.

Братии в далеком монастыре день ото дня все прибывало, и по ее просьбе Зосима принял игуменство, на которое его рукоположили в Новгороде, поскольку именно ему принадлежали тогда далекие северные земли. Под рачительной рукой Зосимы Соловки стали быстро расти и богатеть, а когда в обитель по инициативе игумена торжественно перенесли мощи святого Савватия, монастырь и вовсе набрал небывалую силу и обрел славу, разнесшуюся по всему русскому Северу.

Это вызвало зависть богатейшей землевладелицы, новгородской посадницы Марфы Борецкой, решившей во что бы то ни стало прибрать новую обитель к рукам и тем самым увеличить свое и без того фантастически огромное состояние.

Посрамленная гордыня

Борецкие принадлежали к одному из древнейших боярских новгородских родов. Покойный муж Марфы, оборотистый и хитрый посадник Исаак Андреевич, долгое время защищал город Порхов от воинственного литовского князя Витовта, а потом «купил у него мир» за 10 тысяч рублей. По тем временам это была невиданная сумма денег! Сама Марфа, яростно и люто ненавидевшая Москву, вместе с двумя взрослыми сыновьями стояла во главе партии, призывавшей новгородцев перейти в подданство к полякам и присягнуть на вер-

¹⁰ По материалам В. Владимирова

ность польско-литовскому королю – лишь бы сохранить свои вольности и привилегии и не попасть под власть московского государя. Одержав верх над промосковской партией благодаря золоту, уму и красноречию, Марфа сумела привлечь на свою сторону множество сторонников, да к тому же вступила в тайные переговоры с поляками.

Зосима же, наоборот, постоянно говорил инокам и прихожанам: истинное спасение Руси – только в ее объединении! Новгород может сохраниться, лишь войдя в состав единой, сильной России. Его проповеди вызывали ненависть посадницы. Где только возможно, она всячески притесняла монахов и, как тогда говорили, начала «оспаривать» монастырь.

И вот однажды, помолясь, преподобный Зосима в сопровождении нескольких учеников сам отправился в Новгород, чтобы нижайше просить у «Великого господина» и его вече милости и охранной грамоты на неприкосновенность северной островной обители. Случилось так, что преподобному пришлось пойти на поклон и к самой посаднице с жалобой на лихое самоуправство ее людей. Стоя подбоченясь на высоком резном крыльце и уже торжествуя в душе победу, Марфа громко приказала челяди гнать пинками со двора игумена Зосиму! Мигом набежавшие дюжие холопы поспешили исполнить ее приказ.

К немалому удивлению учеников, грубо и оскорбительно изгнанный Зосима остановился посреди улицы, повернулся лицом к дому посадницы и с закрытыми глазами тихо сказал: «Я вижу! Скоро наступят дни, когда на дворе этом исчезнет даже след всех обитателей его и навсегда затворятся двери дома сего! И уже никогда не откроются, и будет двор этот вовеки пуст!»

Все присутствовавшие при этой сцене были немало удивлены. Никто из них не поверил пророчеству игумена: посадница Марфа владела огромным богатством и пользовалась большим влиянием в Новгороде. И хотя польский король реально еще ничем не помог ее сторонникам, дело с отложением «Великого господина» от России многие считали уже практически решенным.

К чести остальных новгородцев, далеко не все отвернулись от настоятеля Соловецкого монастыря. Многие уважали праведника и потому приняли игумена Зосиму ласково, оказав подобающий его сану почет. А бояре и именитые горожане выхлопотали у веча грамоту о полной неприкосновенности Соловецкого монастыря и торжественно вручили ее настоятелю, к тому же щедро одарив его и братию подарками. Растроганный Зосима от всего сердца поблагодарил их, обещав молиться за новгородцев и просить у Господа милости к ним в грядущие тяжелые времена. Упоминание о надвигающихся бедах было не случайным. Во всеуслышание Зосима многого не договаривал, но своим ближайшим ученикам открыл, что предвидит скорое изменение судьбы великого града.

Видя, с каким уважением новгородцы принимают игумена, посадница сменила гнев на милость. Тем более что Соловки пока все равно были недостижимы для нее. Она послала сыновей просить у Зосимы прощения за дурное обращение и пригласить его погостить в ее палатах.

Шестеро обезглавленных

С христианским смирением Зосима пожалел и от всего сердца простил Марфу. Он приехал к ней в гости и был с почетом принят посадницей. Замысел лукавой Марфы был очевиден: попытаться склонить Зосиму поддержать ее партию сторонников Польши. Но случилось непредвиденное.

Сидя за уставленным дорогими яствами столом, Зосима взглянул на шестерых бояр напротив него и... не увидел у них голов! Опустив глаза, преподобный тихо сотворил молитву и вновь взглянул на бояр – то же самое! Тогда Зосима начал истово молиться, а когда

поглядел в третий раз и опять не увидел у бояр голов, то горько заплакал. Отказавшись от угощения, он попросил хозяев отпустить его безо всяких объяснений.

Тем временем политическая обстановка все больше накалялась. Московский государь Иоанн III устал ждать: он решительно потребовал от Новгорода покориться его воле и отказаться от попыток переметнуться на сторону польско-литовских властей. Однажды Зосима обмолвился ученикам, что как ни хитрит посадница Марфа, а будет ей со временем дана и другая Новгородчина, да только не мила она ей станет!

Пророчества преподобного игумена начали сбываться еще при его жизни: в 1471 году сильное и хорошо вооруженное войско московского государя Иоанна III наголову разбило в жестоком сражении на Шелони новгородскую рать. Бояре, которых Зосима видел на пиру у посадницы, были захвачены москвичами в плен и... обезглавлены! Когда весть об этих событиях дошла до Соловков, вся братия поразилась удивительному пророческому дару игумена: ведь Зосима не раз говорил, что свободам господина Великого Новгорода в самом скором времени наступит полный конец! Но страшное несчастье в конце концов обернется во благо, ибо Русь постепенно сумеет объединить все свои земли, со временем превратившись в огромную и сильную державу.

И еще Зосима пророчествовал: далеко отсюда, за седыми северо-восточными горами, лежат удивительно богатые, невообразимые, но полудикие пространства, которые покорятся силе русского оружия и войдут в состав будущей могучей державы! Русские люди дойдут и до лежащих в стороне восхода бескрайних соленых морей-океанов, и до жарких полуденных стран, создадут государство, какого еще не видел мир со времен своего сотворения. Воистину, здесь будет место Третьему Риму, который затмит два первых, а четвертому не бывать!

По его словам, терзающие Русь набеги степняков будут навсегда прекращены победоносной войной в эпоху женского правления. Память же самого преподобного станет особо почитаема вольным русским воинством. Причем многие люди его окажутся сотрясателями основ державной власти. Соловецкому же монастырю уготована долгая жизнь, и после всех перемен и превратностей судьбы в конце концов он останется святой обителью.

17 апреля 1478 года преподобный Зосима скончался, и его светлая душа отправилась в лучший из миров. Скорбящие иноки с песнопениями проводили игумена в последний путь.

Пророчества сбываются

Минул всего год, и сбылось пророчество Зосимы о великом Новгороде: в 1479 году московский государь Иоанн III пришел под его стены с огромной ратью и силой покорил город, безжалостно пройдя по нему огнем и мечом! Новгородской вольнице настал конец: вече навсегда упразднили, колоколу вырвали язык, бояре взяли в плен и выслали на чужбину. Сбылись пророчества и в отношении лукавой Марфы-посадницы: царь повелел навсегда ее вместе с детьми выселить из Новгорода и отправил в женский Нижегородский монастырь. Вот и получила она, как предрек Зосима, «другую Новгородчину», да только не мила она ей оказалась! После того двор Борецких пришел в запустение, исчез всякий след обитателей его, и двери дома уже более никогда не отворялись – все, как «увидел» когда-то Зосима.

И последнее. Не прошло и ста лет, как лихой казачий атаман Ермак Тимофеевич покорил Сибирь и поклонился ею царю Иоанну Васильевичу Грозному, подарив России необозримые, удивительно богатые пространства, лежащие за Уралом – далекими от Соловков северо-восточными седыми горами. Позже казаки дошли на востоке до Тихого океана и Приамурья, освоили Забайкалье и весь Дальний Восток. Россия становилась огромной державой!

Вольными же воинами оказались донские казаки, которые стали почитать преподобного Зосиму как святого и чудотворного казачьего заступника. Отчего и почему так произо-

шло, никто не знает, но пророк оказался прав. Степан Разин специально ездил на Соловки поклониться мощам преподобного. Вот он, сотрясатель трона, как Пугачев и Кондратий Булавин, – все они донцы!

Соловецкие святые Зосима и Савватий. Вышивка XVII в.

Первый, неудачный поход на Крым был предпринят во времена правления царевны Софьи, но окончательно сломали хребет Крымской Орде уже в царствование Екатерины II, навсегда избавив Русь от угрозы с юга. А в XIX веке император Александр II присоединил к России «полуденный» Туркестан, и двуглавый орел гордо раскинул крылья над огромными пространствами от Балтики до Тихого океана.

Соловецкая же обитель действительно выдержала все прошумевшие над ней политические и военные грозы и до сей поры стоит незыблемой светлой твердыней.

Провидец из киевской пещеры¹¹

До революции в России были четыре главных православных монастыря, за святость получивших греческое название лавр: Троице-Сергиева (с 1744 г.), Александро-Невская (с 1797 г.), Почаевско-Успенская (с 1833 г.) и старейшая Киево-Печерская (с 1598 г.). А монастырь, который являлся ее предшественником, основал за пять столетий до этого, в 1051 году, святой Антоний, еще при жизни весьма почитавшийся на Руси.

Точная дата его рождения неизвестна. Судя по летописям, это случилось вскоре после Крещения Руси князем Владимиром Красное Солнышко в маленьком местечке Любеч под городом Черниговом. Там и появился на свет мальчик, нареченный Антипой. В юношеском возрасте он от кого-то узнал, что где-то в далекой стране Византии есть Святая гора Афон со множеством монастырей, в которых живут монахи-молчальники – великие подвижники и усердные молеельщики. Эти монахи предпочли небо земле и познали все тайны Божией премудрости, они – настоящие ученики Христовы, и царят между ними любовь и согласие, как в раю.

Рассказ произвел на юношу столь сильное впечатление, что он решил непременно попасть на Афон. В начале XI века такое желание можно было считать несбыточной мечтой. Чтобы добраться до Афона, маленького гористого полуострова на северо-восточном побережье нынешней Греции, предстояло пройти пешком тысячи километров. Даже в наши дни такое путешествие для одинокого путника сопряжено со множеством трудностей и опасностей. А в то время оно было настоящим подвигом. И все же Антипа совершил его.

По преданию, Пресвятая Богородица посетила Афон и, увидев, что люди там денно и нощно предаются молитвам и покаянно просят о спасении мира, обещала святому месту особое покровительство. Проплывающие мимо корабли обычно замедляли ход, чтобы моряки могли вдоволь насмотреться на почти отвесный скалистый берег и на гору, к которой, как ласточкины гнезда, лепились кельи монахов. Те же моряки говорили, что по ночам над Афоном видно сияние – это свет неустанных молитв озаряет Святую гору. Такой она и предстала перед Антипой, когда он в конце концов достиг цели своего путешествия.

Странника проводили к старцу-игумену, которому он изложил свою сердечную просьбу:

– Больше всего на свете хочу жить с вами, как вы, возвыситься над человеческой природой и, безмерно любя Господа, приблизиться к нему!

Страстность юноши подкупила старца, и он разрешил ему остаться на Святой горе. Первое время Антипа жил при старце как послушник, исполняя каждое его слово, трудясь от восхода до заката солнца, а по ночам стоя на молитве. Когда испытательный срок закончился, его постригли в монахи, дав новое имя Антоний в честь великого подвижника, основателя монашества, подвизавшегося в Египетской пустыне.

Дальнейшее послушание нового инок протекало в постоянных трудах и молитвах. Он постиг духовное делание, как называли монахи Иисусову молитву, соединяющую разум с сердцем, научился возвышенному созерцанию, которое позволяет утишить внутри всякие страсти и воспринимать волю Божию.

Однажды во время молитвы Антоний услышал голос: «Ты должен вернуться на Русь!» Сначала он не поверил знамению – может, враг смущает его, – и пошел на исповедь к игумену, своему духовному отцу.

¹¹ По материалам А. Меркулова.

Старец был сильно удивлен услышанным, но ответа сразу не дал. Велел прийти на следующий день, а сам встал на молитву. Ночью он тоже услышал голос: «Не удерживай Антония, он Мне там надобен». Игумен понял, что то был глас Божий.

Наутро старец призвал инока, благословил в путь и сказал: «Знаю, ждут тебя на родине и радости, и печали. Но ты недоброе одолеешь с Божией помощью и станешь отцом и наставником многих иноков. Иди же!» Пророческие знамения, явленные на Святой горе, сбылись. Когда Антоний пришел в Киев, то с болью узнал, какие беды обрушились на его родину. Один из сыновей князя Владимира, крестителя Руси, Святополк, прозванный Окаянным, хотел утвердиться правителем Киева. Ради того он перебил много невинных людей, в том числе и своих братьев, мучеников Бориса и Глеба.

Но даже непродолжительное лихолетье не прошло бесследно для православной веры, пришедшей на Русь всего за каких-то тридцать лет до этого. Нашлось немало тех, кто отошел от нее. И Антоний понял, что Господь не зря призвал его домой: он должен помочь заблудшим и сомневающимся вернуться на путь истинный и утвердиться в вере христианской.

Тогда он решил поселиться в пещере на берегу Днепра, как это делали древние подвижники монашеского благочестия. Впоследствии именно на том месте возник Печерский монастырь, получивший свое название от слова «пещеры», или «печеры», и ставший значительно позднее Киево-Печерской лаврой.

Но до этого было еще далеко. Пока же Антоний поселился в пещере и жил там в суровом воздержании и непрестанной молитве. Питался скудно – сухой хлеб один раз в день, а то и в неделю, да чистая ключевая вода из источника. Иногда он приходил на литургию в какой-нибудь храм, чтобы причаститься Святых Даров.

Довольно скоро его уединение кончилось. По Киеву распространился слух, что в пещерке на Днепре поселился Божий человек, прибывший из далеких святых мест. К Антонию стали приходить люди – кто с исповедью и покаянием, кто с вопросами и сомнениями, кто за благословением, а кто и просто из любопытства. Антоний принимал всех и для каждого находил нужное слово.

Начинайте здесь

Некоторые просили разрешения остаться с ним, чтобы тоже молиться Богу и учиться постигать Слово Господне. Постепенно собралась целая колония отшельников. Каждый вырыл себе пещерку, а одну побольше они приспособили под храм, куда сходились по воскресеньям служить литургию. Вскоре пещерный монастырь на берегу Днепра стал очень любим народом. Слава же самого Антония распространилась по всей земле Русской. Этому немало способствовали душевные и телесные исцеления, творимые Антонием, которые воспринимались современниками как настоящие чудеса.

Не раз проявлялся у Антония и провидческий дар в отношении отдельных людей. Однажды к нему пришел пресвитер Никон, пожаловавшийся на свои душевные страдания. По его словам, сердцем он чувствует, что Бог хочет от него большего, и поэтому много молился, пытаясь понять, чего именно, но уразуметь так и не смог. Антоний же сразу понял, что Никону суждено начать первое на Руси летописание, и оставил его в Печерской обители.

Когда же умер князь Ярослав Мудрый, киевский престол занял его сын Изяслав, который пришел со своей дружиной к пещере Антония просить благословения у великого старца. Когда подвижник вышел к ним, его лицо было печально. Благословил князя с дружиной и отпустил с миром, ничего не сказав в напутствие.

– Отче, скажи нам, почему ты так грустен? – подступил к нему с вопросом Никон.

– Плачу я за всю Русскую землю. Ибо даже те воины и бояре, что сегодня пришли вместе с князем, скоро начнут убивать друг друга. И моя молитва не в силах остановить их злые страсти.

Прошло не так уж много времени, и его пророчество стало сбываться...

В обители жил очень старый инок по имени Иеремия, помнивший еще те далекие дни, когда крестилась Русь, который тоже обладал даром предвидения. Однажды он явился к Антонию и сказал:

– К нам едут два знатных молодых человека, будут просить тебя постричь их в иноки. Однако много скорбей принесет тебе их пострижение.

– Нет, Иеремия, ты предвидишь только близкие печали. Но мы их переживем, а потом наступят добрые дни. Один из тех людей, что спешат сюда, станет нашим игуменом, – ответил Антоний и пошел к выходу из пещеры.

Действительно, в тот момент по склону холма поднимались два всадника в богатых одеждах, Варлаам и Ефрем, любимцы князя Изяслава. Спрыгнув с коней, они сбросили у ног старца свои заморские наряды и встали на колени. «Прими нас в свою обитель, святой отец! Не нужны нам богатства, а хотим просветления души», – попросил за обоих Варлаам.

Антоний долго беседовал с ними, испытывал многими вопросами, уговаривал не спешить. Но молодые люди стояли на своем: хотим жить в обители. Тогда Антоний отвел их к Никону и сказал: «Постриги да одень в иноческое платье. Это наши новые братья».

Узнав о случившемся, князь Изяслав сильно разгневался и пообещал заточить в темницу всех монахов за то, что их старец сманивает к себе его самых знатных бояр. Чтобы отвести беду от обители, Антоний тайно покинул Киев, взяв с собой только одного инок по имени Моисей. Он нашел убежище у брата Изяслава, черниговского князя Святослава, весьма почитавшего его. Под Черниговом, в Болдиных горах, Антоний выкопал себе пещерку и стал там жить уединенно, проводя время в молитве и посте.

Как повествует летописец, после его ухода солнце словно потускнело над Киевом, а небо застили тучи. Днепр стал мутным и неприветливым, недоброе нависло над городом, мор и болезни одолели людей. Страх напал и на самого князя Изяслава, которому жена предрекла, что ему не будет удачи, пока не вернет он в Киев святого человека Божия.

И князь сменил гнев на милость, пришел к пещере старца, пал на колени и со слезами начал в раскаянии молиться, чтобы Антоний вернулся, обещая впредь быть ему и всем монахам защитником.

После того Антоний и остальные монахи вернулись в свои пещеры.

Не раз потом приходил Изяслав к святому старцу за советом и благословением. И Антоний всегда помогал ему. Когда же между князьями начались кровавые распри, от которых страдали русские земли, он примирил Изяслава с братьями Святославом и Всеволодом, положив конец жестокой междоусобице.

Уже в преклонном возрасте Антоний выкопал себе новую пещеру и затворился в ней, так что многие иноки не видели его более никогда, а только рассказывали о нем легенды.

Там в 1073 году и отошел в мир иной великий страстотерпец за Русскую землю, святой старец Антоний. Православная церковь почитает его память 23 июля (10 июля по старому стилю).

Откровения святителя Алексия

Имя жившего в XIV веке митрополита Московского и всея Руси чудотворца святителя Алексия по праву стоит в ряду первых русских пророков. Удивительный провидец, великий патриот, неустрашимый защитник Отечества, святитель Алексий стал наставником великих и единомышленником святых. Благодаря своему уникальному дару, высокому духу и неустанным многолетним трудам он помог реализовать вековую надежду народа на освобождение от ига татаро-монгольских поработителей, собрав и сплотив целое поколение русских людей, бесстрашно поднявшихся на борьбу с Ордой.

На рубеже XII—XIII веков Русь постоянно подвергалась грабительским набегам ордынцев, а феодальная раздробленность казалась вечной и непреодолимой. Кроме иноземных нашествий средневековую Русь раздирали кровопролитные междоусобные войны. Именно в это тяжелое и смутное время, в 1300 году, в богатой и знатной московской семье, принадлежавшей к известному и славному боярскому роду Плещеевых, родился мальчик — будущий святитель Алексий.

С ранних лет он проявил усердие в учебе и овладении иностранными языками. В то время любому юноше из знатной фамилии был заранее уготован путь воина. Но Алексий объявил родным, что видит свое призвание в служении Отчизне не на бранном поле, а на поприще православной веры. Сила его убеждений оказалась такова, что родные не решились с ним спорить и все смирились с намерением юноши уйти в монастырь.

Преподобный Антоний Печерский

В 1320 году Алексий поступил в московский Богоявленский монастырь. С каждым годом его все больше отличали высокий ум, обширные познания и добродетельная жизнь. Примерно в 1339 году Алексий впервые поделился с братией пророчеством: ему открылось, что не пройдет и полвека, как владычеству Орды будет нанесен смертельный удар! Но муж, который сумеет сплотить русское воинство и одержать невиданную победу над бесчисленными степняками, еще не рожден!

В начале 1340-х годов изрек следующее пророчество: в скором времени на Руси будет рожден муж, который поведет войска на бой с ордынцами и одержит решительную победу! А другой муж станет святым заступником Руси и благословит полководца.

В 1354 году умер митрополит Феогност, и святитель Алексей принял на себя управление русской церковью. В Москве правил тогда великий князь Иоанн, за свой нрав прозванный Кротким. В 1349 году у него родился сын, нареченный Дмитрием. Он сразу же привлек внимание Алексея. Уважая ум, мудрость и прозорливость митрополита, великий князь сделал святителя своим главным советником и с его помощью не раз отводил от Руси грозившие ей ужасающие разорения ордынских набегов. В политике Московский митрополит был настолько хитер, так умел лстивыми речами, многими пустыми обещаниями и неопровержимыми доводами обводить вокруг пальца недоверчивых и злобных азиатов, что все только диву давались. Конечно, это была крайне опасная игра, поскольку Орда обладала огромной военной мощью.

Слава о благочестивом и мудром митрополите, которого народная молва стала считать истинным чудотворцем, быстро распространилась по всем русским землям и вскоре достигла пределов Золотой Орды.

И тут случилось непредвиденное. В 1357 году хан Джанибек прислал к великому князю Иоанну специальных послов с категорическим требованием «отпустить в Орду сего человека Божия» для исцеления своей ослепшей жены Тайдулы, в случае отказа грозя немедля разорить русскую землю огнем и мечом. Так повествует об этом событии древний летописец.

Иоанн был в полной растерянности, – ведь митрополит не знахарь и не лекарь, и уж кому, как не князю, знать, что святитель Алексей никогда не совершал никаких чудес! Как он вернет зрение ослепшей царице? А проявить непокорность и выставить против ордынцев войско означает потерпеть неминуемое поражение и отбросить Русь назад еще на много веков – не хватит пока сил сломить Орду. Но и отдать святителя на растерзание татарам не по-христиански!

В беседе с Иоанном митрополит подтвердил справедливость его опасений и смиренно признал: чудо исцеления выше его сил! Однако, не видя иного выхода, он все-таки решил ехать в Орду, уповая на милость Господа. Заверив Иоанна в готовности пожертвовать собой ради отчизны, уже немолодой Алексей, помолясь, отправился в долгий и тяжелый путь, который вполне мог оказаться путем на Голгофу!

Ордынцы приняли митрополита с почетом, но Алексей не обольщался, прекрасно понимая: он идет по лезвию бритвы и лишь стоит ему оступиться – казнь будет лютой. Но самое главное – на его родину обрушатся ужасающие несчастья.

Осмотрев больную, митрополит не потерял присутствия духа и, вернувшись в отведенные ему покои, стал усердно молиться Богу.

Спустя 700 лет после описываемых событий очень трудно делать однозначные выводы, но несомненно, что святитель Алексей обладал необычайно сильными экстрасенсорными способностями и пользовался поддержкой и благорасположением незримых сил: Создатель услышал его молитву, и чудо свершилось – ханша прозрела! Воспользовавшись подходящим моментом, Алексей проявил себя как трезвомыслящий, прагматичный политик: в благодарность за исцеление Тайдулы он начал рьяно выторговывать у хана разные льготы и поблажки не только для Московского княжества, но и для всей Руси в целом.

В Москву митрополит Алексей вернулся с триумфом, в сиянии небывалой славы, но ничуть не возгордился, а продолжал вести прежний образ жизни в неустанных заботах о просвещении мирян и благоустройстве государства. Его стараниями восстанавливались разрушенные войнами и временем монастыри и закладывались новые. Тогда монастыри играли крайне важную военную роль, являясь крепостями с гарнизонами монахов-воителей, смело встававших на пути вражеских набегов.

В трудах и заботах время летело незаметно, но тут из Орды пришла новая, страшная весть: умер хан Джанибек, благорасположением которого сумел крепко заручиться Алексей. На белом ханском войлоке мурзы подняли коварного и злобного Бердыбека. В жестокой борьбе за ханскую власть он не пожалел никого из двенадцати братьев и, расчищая себе путь к трону, многих из них убил собственной рукой! Типичный восточный деспот, он признавал лишь власть силы и первым делом потребовал от русских немедленной выплаты непомерной дани. Великий князь и митрополит прекрасно понимали: требования нового хана Золотой Орды не более чем предлог. В случае отказа или малейших признаков неповиновения Бердыбек тут же двинет на Русь тысячи тысяч степных всадников. Он возьмет значительно больше, чем требует сейчас, оставив на месте богатых городов и цветущих селений трупы и пепелища. И святитель Алексей решил ехать в Орду сам, надеясь добиться мира и спокойствия.

Это путешествие было не менее страшным, чем первое. Хан мог одним движением пальца приказать лишить митрополита жизни или начать забавляться, давая пустые обещания и затягивая время. Теперь уже никто не скажет, о чем они беседовали с глазу на глаз и как митрополиту удалось подчинить своей воле подозрительного и злобного владыку монголов. Фактически это еще одно чудо пророка, совершенное святителем Алексием: он сумел получить от хана клятвенные заверения в снижении величины дани и, как сейчас сказали бы, мирный договор с христианами.

В 1359 году не стало великого князя Иоанна Кроткого. С одобрения всех бояр митрополита избрали наставником десятилетнего Московского князя Дмитрия и временным правителем государства. По пророчеству святителя, именно Дмитрию предстояло нанести смертельный удар Орде и начать дело сплочения русских земель в единое государство! И тогда в третий раз уже пожилой Алексей отправился в проклятую Орду – он хотел вытребовать у хана ярлык на Великое княжение для малолетнего Дмитрия. Пришлось взять с собой и юного князя.

В ханской ставке умный и хитрый митрополит наглядно преподавал будущему герою – князю Дмитрию – уроки большой политики. Где подарками, где льстивыми посулами, где угрозами, а где и откровенным подкупом, он сумел добиться от хана ярлыка на Великое княжение для Московского князя и поскорее, от греха подальше, увез Дмитрия домой, помня о страшной судьбе его предка – отравленного в Орде Александра Невского.

Мудрое наставничество и политика митрополита Алексия многому научили князя Дмитрия. По мере взросления князя Алексей все чаще давал ему самостоятельно вести дела и в конце концов стал просто его советником. В это время святитель предрек: Дмитрий станет собирателем земель русских! Провидческий дар митрополита помог и признанию одного из великих русских святых – Сергия Радонежского. Алексей предвидел: имена великого князя Дмитрия и Сергия Радонежского будут навеки связаны единым подвигом во имя Руси! По сути, сам митрополит стал первым идейным вдохновителем в борьбе за централизацию России и свержение татаро-монгольского ига.

Незадолго до кончины святитель Алексей сделал новое пророчество: час близок!

Говорил он и о грядущем небывалом величии родины, и о невиданных ранее миром победах русского оружия, но... За великой давностью лет и многими историческими катаклизмами, случившимися за прошедшие семь веков, значительная часть пророчеств этого удивительного человека не дошла до нашего времени.

12 февраля (25-го по новому стилю) 1378 года святитель, чудотворец и пророк митрополит Московский Алексей скончался и был погребен в построенном им Чудовом монастыре. В сей день церковь и чтит его память.

Исцеление Тайдулы. Клеймо иконы Дионисия «Митрополит Алексей с житием». XVI в.

Все пророчества святителя Алексея Московского сбылись. Буквально через два года после его кончины русские войска, собранные князем Дмитрием Донским, наголову разбили на Куликовом поле тумыны ордынского хана Мамая, положив начало объединению России и ее окончательному освобождению от татаро-монгольского ига. На великий подвиг русских воинов и князя Дмитрия благословил святой Сергей Радонежский. С тех пор их имена в истории всегда стоят рядом. Россия одержала немало славных побед и спустя столетия стала великой мировой державой. Но нам всегда, особенно сейчас, в непростое наше время, нужно крепко помнить вещие слова отважного патриота, чудотворца и пророка святителя Алексея: «Необъятной и могучей Руси станет некого бояться, кроме... внутренних раздоров!»

Часть вторая. Загадочные изобретения и путешествия

«Железный мужик» из XVI века

Питер Дэнси – «чистый», так сказать, историк, которого больше всего занимают нравы и образы жизни людей разных эпох. Заинтересовавшись Россией, он попытался отыскать в архивах что-нибудь любопытное из нашей с вами истории. И наткнулся на письма, дневники и записки купца Йохана Вема, который, как свидетельствуют педантично проставленные даты, неоднократно бывал в России «гостем», то есть торговал с купцами и... двором самого Ивана Грозного. Во-первых, молодой исследователь нашел несколько разнесенных по времени в месяцы или даже годы дат о продаже царскому двору крупных партий книг. «А еще закуплено было книг рукописных и печатных и продано для царских хранилищ на 5 тысяч золотых гульденов».

Сумма по тем временам невероятная. Дэнси подсчитал: целая флотилия тогдашних торговых судов потребовалась для доставки груза ко двору Грозного. «Для того побиваемы были литовцы и открываемы русским царем выходы к морям на почетных для него условиях завоеванного добрососедства». Ну тут, допустим, голландец загнул, не для покупки одних только западных произведений культуры прорубали русские цари окна в Европу. Но факт остается фактом: о науках Иван Васильевич задумывался ничуть не меньше, чем об усмирении «верноподданных чад своих».

А вот «железный мужик», на воспоминания о котором Дэнси наткнулся буквально через несколько вечеров, это новость. Сначала он принял словосочетание за обычную игру слов: «Побил железный мужик, на потеху пировавшим, царского медведя, и бежал медведь от него в ранах и ссадинах»; «Железный мужик на удивление всем подносил царю чашу с вином, кланялся гостям и что-то напевал на этом невыносимом русском языке, который мне так никогда и не поддался».

Жаль, что не поддался. Наверное, сейчас нашлись бы в ином случае гораздо более подробные описания «железного мужика» и его диковинных песен. Однако и найденных строк хватило Дэнси для того, чтобы обратиться к своему другу, приятелю еще по колледжу, специалисту робототехники Стиву Леннарту. Вдвоем они не поленились перерыть Монбланы архивной пыли, найти и восстановить записи и письма современников Грозного и Вема.

Вот оно! «Железный мужик», или «железный человек», прислуживающий за столом или по дворцу не хуже, чем живой слуга, встретился в полуистлевших бумагах еще двух купцов, которые регулярно торговали с Россией и были допущены к царскому двору.

«Железный мужик» прислуживает царю за столом, подает ему при ошеломленных этим зрелищем гостях кафтан, метет метлой двор. Когда царю возразили, что вещь эта не искусством мастера сотворенная, царь сначала осерчал. Но выпив кубок мальвазии, кликнул трех людей мастерового вида, одетых по-боярски, и что-то им приказал. Те открыли спрятанные под одежей железного мужика крышки, в нем оказались шестерни и пружины, двигавшие руки, ноги и голову. Гости с перепугу протрезвели, а русский царь прихвастнул, будто такие слуги были на Руси еще века два-три назад».

Интересно упоминание о том, что «железный мужик» служил за царским столом только в жаркую солнечную погоду. Прочитав такое у Вема с Леннартом, журналист обра-

тился за комментарием к специалисту, кандидату технических наук, научному сотруднику Института металлов и металловедения Генриху Добровольскому.

– Думаю, Дэнси с Леннартом слегка фантазируют, приписывая дворцовым мастерам Грозного умение создавать чуть ли не солнечные батареи. Все, по-моему, проще. Если прикинуть уровень развития техники того времени, любовь богатых людей к заводным шкатулкам, механическим «музыкальным ящикам», то можно выстроить следующую версию.

Неизвестно достоверны ли сведения о «железном мужике» Ивана Грозного

«Железный мужик» приводился в действие механическим двигателем, основным элементом которого была биметаллическая пружина. Наука располагает доказательствами того, что в принципе проблему биметаллических пластин решили на практике еще химики. На солнце пружина быстрее разогревалась, и этот несомненный прообраз современного робота «не ленился» и поворачивался быстрее. Как были запрограммированы команды?

Это вопрос намного сложнее. В общем-то, и систему «управления на расстоянии», путем включения набора определенных шестерней уровень тогдашней техники решить позволял. Куранты ведь, между прочим, исправно начали отбивать положенное время еще до Грозного.

Д. Ларину удалось разыскать свидетельства того, что дальние предки современного робота (музыкальный ящик сложной конструкции, механическая пианола и т.д. работают по абсолютно аналогичному принципу) создавались здесь, у нас, а не завозились издалека. Ныне иноземная блоха, подкованная Левшой, превратилась из легенды в факт истории. «Железный мужик» был, скорее всего, конструкцией сложной, но по миниатюрной технике исполнения уступал – был он «пальцев на пять выше нормального человека и поворачивался резче, чем это делали бы мы».

Вы видели, кстати, как поворачиваются промышленные роботы – стальные машины-руки, используемые, например, при сварочных работах или окраске автомобильных кузовов? Совершенно верно! Несколько резче, чем их создатели. На мой взгляд, запись из бумаг,

найденных Дэнси и Леннартом, свидетельствует: древние русские мастера собрали фантастический для своего времени промышленный робот со специфическими задачами. А что приводился он в действие не нынешними источниками энергии... Тем выше заслуга умельцев.

Индоокеанская экспедиция Петра I¹²

Победный для России Ништадтский мирный договор положил конец Северной войне. Несколько ранее закончилась война за испанское наследство. Однако политической гармонией в Европе, как говорится, и не пахло. Причин для этого было много, но главными являлись колониальные противоречия великих держав. Суть их можно изложить следующим образом.

Обширные колонии Испании и Португалии возбуждали лютую зависть во многих столицах. Более того, особые права пиренейских держав на заокеанские земли, дарованные им еще папой Александром VI, прочие европейские державы (прежде всего Англия, Голландия, Франция) решительно не признавали. И дело было не в отсутствии подходящих юридических аргументов, а в очевидной неспособности пиренейских держав удержать все то, что открыли и завоевали Колумб, Васко да Гама, Кортес, Писарро, Магеллан, Альбукерке и др.

Кровопролитная война за раздел колоний продолжалась многие десятилетия, по существу, без всяких перемирий. Когда мир заключали правительства, борьбу продолжали пираты. А те, кто стоял у кормила государственной власти, нередко помогали им (естественно, неофициально). Весьма показательными для той эпохи были ситуации, когда испанский посол, заявляя решительный протест английскому монарху по поводу грабежа, учиненного его подданными в испанских владениях, в ответ слышал клятвенные уверения в том, что этот прискорбный инцидент – следствие деяний преступных элементов, стоящих вне закона. Что же касается виновника дипломатического конфликта, то он не забывал отсчитать своему августейшему покровителю и сообщнику его долю добычи. И уж само собой разумеется, королевской полиции «никак не удавалось» напасть на след дерзкого пирата, хотя награбленное им испанское добро продавалось на лондонских рынках совершенно открыто.

Особенность пиратской тактики заключается еще и в том, что «джентльмены удачи» не были привязаны к базам снабжения. Их корабли могли месяцами находиться в море и годами не заходить в портовые города. Проблема боеприпасов и продовольствия решалась за счет грабежа или торговли (имелись у пиратов свои торговые агенты). А когда возникала необходимость отремонтировать корабль (очистить днище от обрастаний), или реализовать награбленное, или просто отвести душу в кабаке, к услугам рыцарей черного флага были портовые города в английских колониях. Само собой разумеется, что последние входили в порт не под черным, а под государственным флагом. И если за ними не водились грешки (грабеж подданных его величества), власти «не замечали их».

Если же у какого-нибудь «джентльмена», как говорится, рыльце было в пуху и визит в Саванну или в Бостон оказывался чреват крупными неприятностями со стороны королевских шерифов, он мог воспользоваться известной ему укромной бухтой на одном из островов Антильского архипелага. Там можно было и корабль отремонтировать, и с нужными людьми встретиться. А такие встречи являлись очень желательными, ведь для расширения дела (для нападения на конвой и на прибрежные города) требовалось объединение усилий – создание пиратских эскадр.

К тому же очень полезно было получить информацию об обстановке на театре морских действий (узнать, где можно пожить, а где и голову потерять). И наконец, следовало знать, где действуют коллеги, чтобы не мешать им и не создавать пиратской усобицы.

Одним словом, «джентльмены удачи» стремились упорядочить свой промысел, и процесс этот временами приобретал некоторые черты государственных отношений. В районах

¹² По материалам А. Чекулова.

наибольшей активности европейских пиратов возникали их корпорации. Последние имели свои законы (узаконенные обычаи), выборных предводителей, а также связи с европейскими негоциантами и правительствами.

Судя по всему, подобные пиратские объединения, например «Береговое братство», и породили слухи о пиратских государствах. Россияне узнали об одной из таких «держав» вскоре после окончания Северной войны, причем информация эта способствовала организации одной секретной экспедиции. Именно о ней и пойдет речь.

Начнем с исторической справки. В 1506 году португальский мореплаватель Лорензон Альмендого открыл в Индийском океане гигантский остров. Он назвал его Сен-Лоран и нанес на карту. Соотечественники Альмендого в те времена бредили сокровищами Индии и не проявили интереса к его открытию, зато им заинтересовались в Париже. Сен-Лоран был переименован в Дофинов остров и объявлен собственностью французской короны, затем французы начали превращать новую колонию в тропическую плантацию и базу на морских коммуникациях, связывающих Европу с Индией.

Что же касается аборигенов, то их безжалостно сгоняли с земли и превращали в рабов, а смиренные слуги божьи в рясах католических монахов обращали в истинную веру темнокожих язычников.

И плантаторы и миссионеры действовали с великим рвением. Первые обращали жизнь туземцев в ад, а вторые обещали им рай на небесах.

Такая ситуация имела место до 1670 года, когда лютая ненависть к белым угнетателям и горький опыт прошлых выступлений против них позволили туземцам создать единый фронт и достаточно мощные силы. Они уничтожили французских захватчиков, после чего европейское проникновение на остров, получивший к тому времени название Мадагаскар, было временно приостановлено. Точнее говоря, европейское присутствие на острове сохранилось в виде пиратских баз в укромных бухтах восточного побережья.

Об этих индоокеанских пиратских «малинах» россияне были в общем-то наслышаны. Однако в конце 1723 года царь Петр I узнал на сей счет нечто совершенно новое. Оказалось, что на Мадагаскаре существует пиратское королевство. Автором сенсации был вице-адмирал Вильстер. Бывший шведский подданный, эстонец по национальности, он объявился в Ревеле и заявил, что не является врагом России и имеет важное государственное дело к ее царю. Аудиенцию у Петра I он получил, после чего в Ревеле началась срочная подготовка к какому-то не просто секретному, а сверхсекретному вояжу. Лишь крайне ограниченный круг лиц знал, куда, когда, под чьим командованием и с какой целью фрегаты «Амстердам Галет» и «Декрон де Ливдеа» выйдут в море. В начале декабря того же года оба корабля подняли якоря и покинули Ревель. Однако штормовые повреждения, полученные в районе балтийских проливов, заставили их вернуться. Экспедиция была сначала отложена, а затем и вовсе отменена.

Со временем пелена секретности, скрывавшая это предприятие, спала, но некоторые его детали так и остались невыясненными, хотя прожект, которым Вильстер ухитрился было соблазнить Петра I, неоднократно привлекал внимание историков. Одним из них был некто И. Зейдель. В 1867 году он опубликовал в журнале «Морской сборник» статью, в которой весьма путано изложил ход событий и еще более путано их подоплеку.

Согласно описанию Зейделя, в начале XVIII века в Стокгольме была получена петиция от индоокеанских пиратов шведского происхождения. Они испрашивали у властей амнистии и права на возвращение на родину. Король Карл XII с готовностью простил своих многогрешных подданных, а наследовавшая ему королева Ульрика подтвердила решение брата.

Решение это объяснялось, конечно, не христианским милосердием, а надеждой на то, что раскаявшиеся грешники вернутся на родину не с пустыми руками. Для шведской казны, истощенной войной, пиратская добыча (ее казенная доля) была бы даром небес. Однако

никаких последствий высочайшее милосердие не породило, так как индоокеанские пираты в Стокгольме не объявились. Зато там возник прожект создания шведской колонии на острове Мадагаскар. Из числа шведских подданных к нему были причастны командор Ульрих, вице-адмирал Вильстер и штатный секретарь министерства иностранных дел фон Гепкен.

Морган решил обратиться к шведам. Учитывая ограниченные возможности шведской казны, опустошенной Северной войной, он предложил на свои средства снарядить 30 кораблей. Шведское же участие в предприятии предлагалось ограничить одним или двумя кораблями. Для большей убедительности Морган разыскал среди своих коллег (бывших подчиненных) две или три дюжины шведов и убедил их подписаться под прошением с просьбой о помиловании.

В Стокгольме сложилось впечатление, что на Мадагаскаре есть соотечественники, которые могут быть опорой в деле освоения острова. А тут еще Морган заявил, что европейские пираты на Мадагаскаре и тамошние аборигены желают стать шведскими подданными. Все это сочеталось с обещаниями сказочных прибылей, и неудивительно, что королевские министры не устояли перед соблазном.

Затем прожект был утвержден в высочайших инстанциях, но к его реализации удалось приступить лишь в 1721 году, после окончания Северной войны. Доля государственного участия в предприятии была при этом увеличена. Общее руководство всем предприятием возлагалось на капитана-командора шведского флота Карла Ульриха.

Специальная секретная инструкция предписывала ему организацию четкого взаимодействия с эскадрой Моргана, а так как последний находился в Лондоне, то Ульрих должен был отправиться туда инкогнито для установления негласного контакта с английским пиратом. Затем ему надлежало следовать на Мадагаскар для создания там колонии и приведения в шведское подданство тамошнего населения.

Таким образом, в прожекте, адресованном Петру I, имела место мистификация, и автором ее был, очевидно, Вильстер. Во всяком случае, то, что он предлагал россиянам, являлось вариантом прожекта, предложенного шведам от лица Моргана. Разница была в некоторых деталях. Причем объяснений на этот счет господин Вильстер не представил. В частности, на Мадагаскаре обнаружилось некое королевство. Владыка его искал европейского покровителя, роль которого господин-прожектер и предлагал русскому царю.

Надо сказать, что Петр заинтересовался прожектом Вильстера, в частности, он пожелал ознакомиться с деталями шведской экспедиции на Мадагаскар. Тогда Вильстер посоветовал царю подкупить штатного секретаря министерства иностранных дел Швеции фон Гепкена, что, судя по всему, и было сделано – секретная инструкция командору Ульриху попала в руки Петра I. Ознакомившись с ее содержанием, он принял решение отправить в Индийский океан экспедицию, однако круг ее задач был расширен.

Во-первых, Вильстер должен был передать письмо Петра мадагаскарскому владыке и договориться с ним об установлении дипломатических и торговых отношений между двумя странами. Планировалась также организация мадагаскарской миссии в Петербург, желательно во главе с самим королем.

Во-вторых, Вильстер должен был следовать из Мадагаскара в Индию (в Бенгалию), дабы передать послание Петра I Великому Моголу, а также договориться об установлении дипломатических и торговых отношений между Индией и Россией.

Петр I был заинтересован в выходе в Индийский океан

Ясно, что Петр I планировал экспедицию в Индийский океан не для колониальных захватов, а для расширения дипломатических и экономических контактов своей державы со странами Востока. А для того чтобы европейские недруги не ставили препоны задуманному, царь принял меры по обеспечению секретности. Прежде всего, вице-адмирал Вильстер, хотя и был назначен начальником экспедиции, никакого участия в ее подготовке не принимал. Более того, его препроводили в Рогервик (впоследствии Балтийский порт), где до самого начала плавания он жил в доме коменданта в строжайшей изоляции, на положении узника.

С другой стороны, вся переписка, связанная с экспедицией, велась в походной канцелярии командующего русским флотом генерал-адмирала Ф.М. Апраксина (без привлечения сотрудников Адмиралтейств-коллегий и Коллегии иностранных дел). Таким образом, был сужен круг лиц, знающих детали предприятия. Кроме того, даже в секретных документах было сказано: «Следовать в назначенное вам место», т.е. пункт прибытия не доверялся бумаге.

Предписывалось также избегать оживленных морских дорог (идти не Ла-Маншем, а вокруг Англии, и не под военным флагом, а под торговым). В случае же острой необходимости зайти в какой-либо заграничный порт (когда скрыть военное назначение кораблей будет невозможно) и поднять военный флаг, но не адмиральский, а капитанский. И наконец, командир одного из фрегатов капитан Мясной и помощник Вильстера капитан-поручик Киселев получили особые инструкции. Они являлись копиями инструкции, полученной Вильстером, но тот об этом ничего не знал.

Отсюда можно заключить, что Петр I, хотя и называл Вильстера «честным и высокоповеренным флагманом», стопроцентного доверия к бывшему шведскому подданному не испытывал. Негласный надзор за его деятельностью он поручил русским офицерам, а инструкции всем троим вручил в запечатанном виде. Вскрыть же их они должны были только в Северном море, когда всякая возможность разглашения секрета будет утеряна. Согласитесь, что меры обеспечения секретности русской Индо-океанской экспедиции были неплохо продуманы!

Когда эскадра Вильстера вернулась в Ревель, царь был огорчен, но от своего решения не отказался. Корабли экспедиции по просьбе Вильстера были заменены фрегатами «Принц

Евгений» и «Крюйсер». Однако в навигации 1724 года они плавали уже совершенно с другими целями, т.е. экспедиция была отменена.

Чем же объясняются причины отказа от экспедиции в Индийский океан?

Видимо, для русского флота в петровскую эпоху подобный вояж был слишком сложен: Россия не имела необходимых для этого людей и кораблей. Таково мнение видного историографа русского флота Ф.Ф. Веселаго. Он считал, что «техническая сторона юного флота находилась далеко не в таком состоянии, при котором возможно было осуществление подобного колоссального предприятия. Кроме того, неудаче способствовал и дурной выбор судов и страшная спешность их приготовления».

Тот факт, что Вильстер после возвращения в Ревель просил Петра I заменить корабли его эскадры, подтверждает мысль Веселаго об ошибке в выборе кораблей (в спешке). Но ссылка его на техническую слабость русского флота как на причину срыва экспедиции выглядит все же неубедительно. В техническом отношении русский флот в последние годы царствования Петра стоял достаточно высоко. Во Франции, например, обсуждался вопрос о возможности закупки в России военных кораблей. Английские специалисты также давали высокую оценку продукции русских верфей. И наконец, профессиональная подготовка русских моряков соответствовала требованиям мореплавания той эпохи. Правда, опыта дальних плаваний россияне не имели, но под андреевским флагом служило немало опытных иностранцев, т.е. известные трудности с кадрами все же не смогли сорвать экспедицию.

Истинные препятствия заключались в другом. Начнем с того, что на Мадагаскаре в то время не существовало никакого государства, а тем более короля из европейцев. Следовательно, устанавливать дипломатические отношения было не с кем. Русская коммерция на острове также была невозможной. Европейские пираты имели своих клиентов, да и возможность контактов с ними была очень проблематичной.

Что же касается аборигенов, то французы надолго привили им ненависть ко всем белым. К тому же они вряд ли смогли бы представить для обмена что-либо достойное внимания (даже если бы россиянам и удалось вступить с ними в контакт). И, наконец, всякое проникновение русских купцов на Мадагаскар вызвало бы противодействие европейских колониальных держав (прежде всего Франции). Дело в том, что от мысли овладеть Мадагаскаром французы не отказались. Они обосновались поблизости, на Сейшельских островах, и, без всякого сомнения, русское начинание вызвало бы у них активное противодействие. Не менее враждебной была бы реакция Англии. Ведь англо-русские отношения в те времена были далеко не дружественными.

Таким образом, вся мадагаскарская часть проекта не что иное, как следствие дезинформации. Что же касается автора этой затеи, то трудно давать ему категорическую характеристику. Возможно, Вильстер – провокатор, посланный в Россию с целью втянуть ее в конфликт с колониальными державами Европы. Возможно, он простодушный и малоосведомленный моряк, стремившийся протолкнуть, хотя бы и нечистыми методами, проект, в целесообразность и реальность которого искренне верил.

А теперь перейдем к индийской части Индоокеанской экспедиции Петра I. После крестовых походов состоятельные западноевропейцы возымели страсть к восточным пряностям, а также к предметам роскоши, которые производились большей частью в Индии. В течение нескольких веков держалась мода на индийские ткани, причем цена на них была такова, что даже в XVIII веке английские фабриканты требовали введения запретительных пошлин на ввоз в страну продукции индийских кустарей. Перед изделиями индийских ювелиров блекли творения самого Бенвенуто Челлини.

Индийские товары со временем стали неременной принадлежностью рынков Европы, и торговля ими сделала процветающим не одно коммерческое предприятие. Однако все это будет позже, а поначалу товары из Индии поступали к европейцам в ограниченном количе-

стве, пройдя через многие руки. И, разумеется, каждая из них урывала для себя часть конечной цены товара.

К концу XV века европейская торговля с Индией еще более осложнилась. Турки, захватившие Северную Африку, стали брать с купцов поистине грабительские пошлины, а корсаров развелось так много и они настолько преуспели в своем ремесле, что мореплавание на востоке Средиземноморья нередко вообще прекращалось. Одним словом, возникла острая необходимость найти какой-либо иной путь в Индию.

Морской путь в заманчивую Индию первыми проложили португальцы (разумеется, им пришлось при этом углублять свои географические познания). В 1498 году экспедиция Васко да Гамы достигла индийского города Каликута, после чего настала пора расцвета португальской колониальной империи – страны смелых мореходов, предприимчивых купцов и колонизаторов. На первых порах португальцы мирно торговали. Однако поведение их резко изменилось, когда они создали в Индии свои фактории и уяснили, что богатейшая страна не имеет армии и флота, способных защитить ее. Более того, само понятие «империя Великого Могола» было в то время весьма эфемерно, ибо единого государства на территории Индостана не существовало.

Стоит ли удивляться тому, что сравнительно небольшие отряды португальцев закреплялись в ключевых районах Индостана, где вели торговлю, весьма похожую на грабеж. Однако маленькая Португалия, в экономике которой ведущее место принадлежало торговле, а не промышленности, не смогла сохранить свою монополию на индийскую торговлю. В XVII веке у берегов Индостана начали появляться корабли других европейских держав, а в XVIII веке борьбу за ключевые позиции в этой стране вели между собой уже Англия и Франция. Португалия сохранила к тому времени лишь крохи своих былых владений.

А теперь вернемся к теме повествования – к идее Петра I наладить политико-экономические контакты России с Индией. Как вытекает из вышесказанного, попытка реализации такого замысла встретила бы активное противодействие со стороны правящих кругов Лондона, Парижа, Лиссабона. Более того, есть основания предполагать, что дело могло дойти до применения оружия. Добавьте к этому пиратов различных рас и национальностей, европейскую конкуренцию на индийских рынках, а также непомерные транспортные расходы, и бесперспективность морской русско-индийской торговли станет очевидной.

Как видим, замысел экспедиции был нереален с политической и экономической точек зрения. И Петр I со временем осознал это. В немалой степени изменению царских планов способствовала информация, полученная из зарубежных источников. Так, в 1724 году в Ревеле объявился вышеупомянутый командор Ульрих (как и Вильстер, он решил сменить подданство). О своей службе под шведскими знаменами командор рассказал весьма подробно. Поведал он, в частности, об экспедиции на Мадагаскар в 1722 году и о ее бесславном завершении.

Судя по всему, рассказ Ульриха повлиял на решение Петра I. Вот, пожалуй, и все, что известно о планах русской экспедиции в Индийский океан в первой половине XVIII века.

«Летательная машина» Франца Леппиха¹³

В «Петербургской газете» от 26 августа 1912 года, посвященной столетней годовщине битвы под Бородином, была опубликована заметка с детективным названием «Тайная подготовка к уничтожению армии Наполеона при помощи «летучей машины»». Автор – известный в то время деятель авиации в России генерал-лейтенант Александр Матвеевич Кованько, командовавший с 1910 года Офицерской воздухоплавательной школой в столице. В публикации утверждается, что некий немецкий изобретатель Леппих предложил Александру I построить управляемую «летательную машину», чтобы, сбрасывая с нее взрывчатые вещества, уничтожить наполеоновскую армию. Утверждалось также, что государь это предложение принял, и с весны 1812 года под Москвой началось секретное строительство такого устройства.

Москва, август 1812 года

Неудачей началась для России война с Наполеоном, за два месяца захватившим огромные и в стратегическом отношении важные территории. 7 августа пал Смоленск. Французы все ближе подходили к Москве, где началась настоящая паника. По данным генерал-губернатора графа Ростопчина, ежедневно в глубь страны отъезжало свыше 1300 бричек, карет и колясок с бежавшими горожанами. Русские войска не могли сдержать натиск французов. В этих условиях оставалось лишь делать ободряющие москвичей заявления. 22 августа Ростопчин выпустил объявление: «Здесь мне поручено было от государя сделать большой шар, на котором 50 человек полетят куда захотят по ветру и против ветра. А что от него будет, узнаете и порадуетесь. Завтра или послезавтра будет маленький шар для пробы. Я вам заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это от злодея, а он сделан к его вреду и гибели».

Объявление не открыло тайну «летательной машины», создаваемой по всем правилам конспирации, и не ободрило москвичей, вызвав у них только естественное любопытство и недоумение.

Как известно, в 1783 году братья Монгольфье поднялись на шаре, наполненном нагретым воздухом. В том же году взлетел и шар профессора Шарля, заполненный водородом. Началась эра полетов, которые, однако, большей частью имели не научный, а развлекательный характер. В условиях непрерывного ведения войн французы стали подумывать об использовании достижений воздухоплавания в военных целях. В Париже были даже сформированы два отряда боевых аэронавтов. Однако, в связи с неудачей военного применения шаров у немецкого города Майнца, Наполеон решил отказаться от специальных разработок и потерял к ним интерес.

С Наполеоном не сложилось

Перед самой войной 1812 года в Германии заявил о себе изобретатель военных летательных аппаратов Франц Леппих. Он родился в 1775 году во Франконии. В детстве из-за неуспеваемости был выгнан из школы. Но оказалось, что у него был природный талант изобретателя.

¹³ По материалам Р. Николаева

Достижения французов в области воздухоплавания натолкнули Леппиха на мысль о создании большой «летательной машины», бомбометание с которой могло нанести существенный урон противнику. Такой дорогостоящий аппарат он, естественно, не мог построить без солидной финансовой поддержки. Ему казалось, что Наполеон, со своими военными амбициями, должен без колебаний ухватиться за реализацию предлагаемого проекта и использовать его в своих далекоидущих целях. Однако темпераментный корсиканец, не вникая глубоко в суть проекта, не только указал изобретателю на дверь, но и вообще выдворил его из Франции.

Через некоторое время, когда до Наполеона дошли слухи, что Леппих все же продолжает работу над своим проектом и добился кое-каких успехов, он изменил свое необдуманное решение, велел схватить изобретателя и под конвоем доставить в Париж.

Однако Леппих возненавидел Наполеона и поклялся во что бы то ни стало ему отомстить.

Весной 1812 года он обратился к русскому посланнику при Штутгартском дворе с предложением своих услуг правительству России на предмет создания «летательной машины». Посланнику это предложение показалось важным, и он сообщил о нем государю. Известие о механике Леппихе и его изобретении было тайно доставлено фельдъегерем в Петербург Александру I, который без раздумий дал указание немедленно, с соблюдением всех правил конспирации, привезти механика и его рабочих в Россию.

В середине мая фельдъегерь доставил Леппиха в Москву с собственноручным письмом государя Московскому губернатору Обрезкову, в котором тому поручалось тайно разместить строителей в окрестностях города и снабдить всеми средствами для производства работ.

В связи с предстоящим назначением графа Ростопчина московским генерал-губернатором Обрезков передал ему под большим секретом все дела и бумаги, касавшиеся строительства. Леппих для большей конспирации получил псевдоним Шмидта, под которым и жил до момента выезда из России.

Все «хозяйство» Леппиха было размещено в селе Воронцово в шести верстах от Москвы по Калужской дороге. Чтобы исключить контакты рабочих-строителей с жителями ближайших селений, место, где создавалась «летательная машина», находилось под постоянной охраной шести солдат во главе с полицейским унтер-офицером.

Работа шла без сбоев. Но со временем требования у Леппиха стали расти, особенно по поставкам материалов. Так, он потребовал специальную инструментальную сталь. Кроме того, оказалось, что для изготовления машины ему нужно свыше 5000 аршин (3560 метров) плотной тафты. Эту ткань вынуждены были изготавливать в течение двух недель буквально все работники фабрики купца Куприянова. Такой необыкновенно большой и срочный заказ пришлось прикрывать легендой об изготовлении пластырей для военного ведомства. Требовавшиеся изобретателю материалы были не только дефицитными, но и весьма дорогими. Тафта, например, стоила 20 000 рублей. Купорос для получения газа обошелся в 50 000 рублей. На такую же сумму была поставлена инструментальная сталь.

По указанию государя Ростопчин чуть не ежедневно отправлял депеши в Петербург с пространными донесениями. Из них следовало, что 100 человек рабочих ежедневно трудились по 17 часов в сутки, и дело приближалось к завершению.

Воздушные шары находили и военное применение

В условиях военных неудач на фронтах Александр I, естественно, был весьма заинтересован в срочном окончании работ и в боевом запуске «летательной машины». Ожидалось, что все работы по строительству «летательной машины» завершатся к 15 августа. К этому сроку была подготовлена в полном составе команда для управления машиной и производства бомбометания. В Воронцово завезли в качестве авиационных бомб ящики с взрывчатым веществом, предназначенные для сбрасывания на французский военный штаб. Намеченный срок приближался, но окончанию строительства машины не было видно и конца. Тогда Леппих, чтобы хоть как-то выйти из создавшегося затруднительного положения, придумал запустить маленький экспериментальный шар, который, по словам изобретателя, должен был подтвердить правильность проекта «летательной машины» и осуществимость ее боевого полета.

В канун опыта, задуманного Леппихом, Ростопчин выпустил обращение к жителям Москвы и уведомил государя о предстоящем 23 августа пуске. Однако в тот день шар не взлетел, как и в последующие дни. Любопытство горожан, возбужденное объявлением Ростопчина, стало потихоньку угасать, а несостоявшееся обещание – забываться. Скоро молва о Бездушном шаре перестала будоражить умы граждан. Через два дня произошло жестокое Бородинское сражение, и Москва оказалась под угрозой захвата. Не время было думать о запуске какого-то воздушного шарика.

Крах проекта

Ростопчин, выполняя волю Александра I, продолжал заботиться о судьбе изобретения Леппиха, пока не убедился в полной его несостоятельности. 29 августа он писал Александру: «С прискорбием извещаю Ваше Величество о неудаче Леппиха. Он построил шар, в котором должны были находиться 5 человек, и назначил час, когда он должен был подняться. Но вот прошло 5 дней, а ничего не готово. Шар не поднимал и двух человек. Большая машина не готова, и, кажется, нет надежды на успех, которого ожидали от этого предприятия. Леппих – сумасшедший шарлатан».

Из-за подхода наполеоновской армии к Москве, создававшаяся в Воронцове «летательная машина» с лодкой-гондолой, а также все рабочие-строители были отправлены в Нижний Новгород. Несмотря на весьма печальные результаты задуманного предприятия, Ростопчин по желанию Александра в сентябре 1812 года отправил изобретателя Леппиха в Петербург.

Казалось бы, что вследствие полного разгрома французской армии и выдворения ее из России, надобность в дальнейших работах над дорогостоящим детищем Леппиха должна была отпасть. Но из архивных материалов следует, что еще два года в окрестностях Ораниенбаума под Петербургом продолжалась работа по созданию «летательной машины», однако все старания по ее запуску были тщетны.

Секретная книга Ивана Кулибина¹⁴

В архиве механика-самоучки Ивана Петровича Кулибина (1735—1818) хранится около двух тысяч чертежей оптических и физико-химических приборов, машин, мостов, судов, зданий. Есть и так называемая «Секретная книга», где дано подробное описание вечного двигателя, сопряженного с устройством для взвешивания находящихся в «скорбных путях оставления мира души». Прочитав эту книгу русского гения, его современница, президент Российской Академии наук Е.Р. Дашкова, вышла из себя, молвив: «Упражнения в делах противуестественных, странных опытов оттого им таятся, что многие ученые почитают сии нелепости за невозможные, смеются и ругаются над тем, кто в сих изысканиях дерзает упражняться».

Кулибин был глубоко верующим человеком. Неудивительно потому его искреннее желание, как он выразился, сухою практикою подсластить православие, дабы все признали, какую часть от тленного тела составляет вечная душа. И механик в этом безнадежном деле преуспел. Во всяком случае, мы не можем не верить врачу, лексикографу, этнографу, почетному академику Петербургской Академии наук, автору знаменитого Толкового словаря живого великорусского языка Владимиру Ивановичу Далю (1801—1872), живо интересовавшемуся тайнами гроба роковыми, и после наблюдения в действии световых весов Кулибина оставившего в дневнике такую запись: «Долгий спор разрешился в пользу умника не от времени – Кулибина. На площадку, поддерживаемую дюжиной тончайших пружин, поместили умирающего, вес которого предварительно определили гиревыми, весьма точными весами. Агония началась. Луч света, прошедши сквозь сфокусированные линзы, встал на оптической шкале. Все увидели, как отходящий не плавно, а рывками утратил около 30 граммов изначального собственного веса. Некоторые видели и серую дымку, приняв ее за душу умершего. Я того не видел, но отдаю должное изобретателю, много лет назад проделывавшему при жизни своей многочисленные такие опыты».

Позже Даль в письме астроному С.С. Стаднюку заметил: «Сопереживая предсмертным терзаниям Пушкина, я понял – вот здесь и надо изучать опытную мудрость, философию жизни, здесь, где душа рвется из тела. Увиденное здесь, не найдешь ни в толстых книгах, ни на шатких кафедрах».

Итак, Кулибин первым в России доказал существование души. В Великобритании его эксперимент повторил, используя прецизионные весы, Артур Конан Дойл. В 30-е годы минувшего столетия аналогичные опыты были проведены в США, Германии, Швейцарии, Франции, Польше. Разброс в весе душ оказался значительным – от 30 до 37 граммов.

¹⁴ По материалам А. Володева.

Иван Кулибин первым измерил вес души

Современные достижения в оптике и электронике наконец-то позволили выполнить взвешивание души, претендующее на истинные значения. Американский физик Нэйтан Шуберг сконструировал кровать-платформу, снабженную демпферными устройствами, помещенными в вязкую среду – глицерин. Платформа снабжена лазерными источниками света, уголковыми отражателями, изотопными опорными генераторами отсчета времени, электронными шкалами, отображающими микроскопические колебания веса. Это сложное устройство, «перенося» с их согласия в мир иной обреченных больных, хоть и выполнили печальную миссию, однако позволили прийти к выводу – все человеческие души подвержены колебаниям веса от 2,53 до 8,36 грамма. Причем души женщин гораздо тяжелее душ мужчин.

– С чем связана эта привилегия, пока не знаю, – говорит Шуберг, – но фотоснимки, сделанные в инфракрасных частотах, показали, что души женщин существенно плотнее и идеально повторяют, в отличие от мужских, очертание прижизненных тел.

Воодушевившись успехами Нэйтана Шуберга, французский физиолог и врач Антуан Бриан вознамерился зафиксировать исход души из тела, так сказать, в динамике, добившись того, что кинокамеры включались синхронно с разрядами коронного электричества. Человеком, давшим согласие на участие в этом эксперименте, который газеты поспешили назвать безнравственным, была обреченная, стремительно угасающая жена ученого. Камеры и токоразрядники автоматически включались с интервалами в 0,01, 5, 10, 15 минут с момента смерти. Затем с интервалами в час, три, девять часов. В начале опыта на пленке просматривалось желтоватое облачко, как бы поглаживающее остывающее тело и связанное с теменем покойной полупрозрачной нитью. Спустя 10 минут оно уже, зависнув под потолком комнаты, очень походило на вырезанную из желтой бумаги, вибрирующую фигуру человека. Минуту девять часов. Комнату наполнили золотистые «снежинки», постепенно растворяющиеся в воздухе. Но вот и они исчезли. Однако случилось невообразимое. Когда с усопшей сняли одежду, то на правом ее плече увидели уменьшенный до размера почтовой открытки рисунок интерьера комнаты с реанимационной аппаратурой и медперсоналом.

Вскоре рисунок на плече покойной начал бледнеть. На третий день исчез полностью. Похоронив жену, Бриан еще полтора месяца не убирал фотокамеры и токоразрядники из опустевшей комнаты. Они продолжали работать, включаясь каждые три часа. Что это дало?

То, что на киноплёнке после проявки появились подвижные эллипсы красного, пурпурного и белого цветов, сформировавшие радужные шары на девятый и сороковой день после кончины женщины. Бриан сделал вывод: «Соблюдены универсальные уложения христианской веры. Энергия души продемонстрировала разумные всплески в соответствии с божественными канонами, после чего фотоплёнка уже не показала ничего необычного».

В мае 1994 года австралийский метеоролог Юрий Смыслов стал свидетелем исхода души его сестры Юлии. Вот что он рассказал корреспонденту газеты «Уикли Канберра ньюс»:

– Когда Юлию отпевали, в часовню проникла шаровая молния. Все мы, родственники, стоящие у гроба, буквально онемели, увидев, что огненный, величиной с теннисный, шарик на несколько секунд прилип ко лбу почившей, после чего, с громким хлопком взорвавшись, исчез. Из переносицы сестры выстрелил тоненький серебристый лучик, закрутился спиралью и преобразился в серую кляксу, отдаленно напоминающую тело человека в натуральную величину. Это, я полагаю, и была душа покойной... Вернувшись домой, я обнаружил на подоконнике гостиной тщательно отполированный кусок льда. Он был размерами и конфигурацией как страусиное яйцо. А на нем – синий рисунок: живое лицо Юлии, окруженное пунктирными кольцами оранжевого цвета. Что же, получается, души обладают свойством не только покидать бездыханные тела, но и отпечатываться портретно на посторонних предметах, к тому же естественного и искусственного происхождения?!»

Всякий гений – провидец. Иван Кулибин, которому, по слухам, в собственной усадьбе в Нижегородской губернии удалось решить неразрешимую проблему вечного двигателя, на заключительной странице Секретной тетради сделал пометку: «Самодвижущаяся машина без вечно живой человеческой души мертва. В нас, вне нас нет ничего мертвого, все живет, все деятельно, вездесуще. Посему заставить души упокоенных трудиться можно и должно. Отклик труд их находит повсеместно, и там, где мы созерцаем кажущееся нам фокусничеством, то по хронометру бытийному отмеряется и распахнется для нас в грядущем, не очень далеко».

Может, уже распахнулось? Во всяком случае, Нэйтан Шуберг не стоит на месте. Сплотив вокруг себя физиков-единомышленников, он пытается записывать на компьютерные носители информации эмоциональные и интеллектуальные составляющие душ усопших, отслеживая посмертные метаморфозы нашего бессмертного начала.

Таинственные лучи инженера Филиппова¹⁵

В ночь с 11 на 12 июня 1903 года сорокапятилетний петербургский ученый-химик Михаил Михайлович Филиппов был найден мертвым в своей лаборатории, помещавшейся в его же квартире, в доме № 37 по улице Жуковского. Ученый лежал без сюртука на полу ничком. Ссадины на лице свидетельствовали о том, что он упал, будто подкошенный, не успев даже выставить руки.

Полиция, впрочем, отнеслась к происшествию без видимого интереса, как-то спустя рукава. Полицейский врач, наскоро осмотрев покойного, сделал скоропалительный вывод, что смерть наступила из-за перенапряжения организма.

«Апоплексический удар», – безапелляционно заметил эскулап и подмахнул полицейский протокол, в котором, среди прочего, говорилось, что последнее время ученый много работал, случалось, просиживал в своей лаборатории и ночи напролет. Следователь забрал все бумаги ученого, в том числе рукопись книги, которая должна была стать его 301-й публикацией, и позволил похоронить покойного.

Между тем все обстояло далеко не так просто, как хотела показать полиция. Загадочной смертью ученого заинтересовалась пресса. И не только потому, что видела в Михаиле Михайловиче собрата по цеху: кроме всего прочего, Филиппов был также основателем, издателем и редактором журнала «Научное обозрение», выходившего с 1894 года, и в котором считали за честь сотрудничать химики Д.И. Менделеев и Н.Н. Бекетов, психиатр и психолог В.М. Бехтерев, астроном С.П. Глазенап и другие видные ученые того времени.

Редакция газеты «Санкт-Петербургские ведомости» получила тем временем письмо М.М. Филиппова, датированное 11 июня 1903 года – то есть оно было написано и отправлено как раз накануне той трагической ночи. Автор его писал, что с юношеских лет раздумывал, как остановить войны, сделать их невозможными. «Как ни удивительно, – сообщал Филиппов, – но на днях мною сделано открытие, практическая разработка которого фактически упразднит войну. Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна на расстояние тысяч километров... Но при таком ведении войны на расстояниях, мною указанных, война фактически становится безумием и должна быть упразднена. Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук».

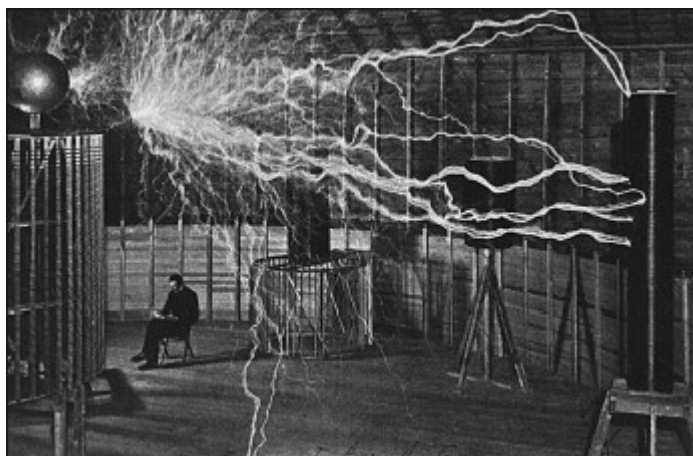
Друг Филиппова, профессор А.С. Трачевский, дал интервью «Санкт-Петербургским ведомостям», в котором, в частности, сказал: «Мне, как историку, Михаил Михайлович мог рассказать о своем замысле лишь в общих чертах. Когда я напомнил ему о разнице между теорией и практикой, он твердо сказал: «Проверено, были опыты, и еще сделаю». Сущность секрета Филиппов изложил мне приблизительно, как в письме в редакцию. Он не раз повторил, ударяя рукой по столу: «Это так просто, притом дешево! Удивительно, как до сих пор не догадались». Помнится, Михаил Михайлович прибавил, что к этой проблеме подбирались в Америке, но совсем иным и неудачным способом».

Счел своим долгом выступить в печати и Дмитрий Иванович Менделеев, который отметил, что «идеи М.М. Филиппова вполне могут выдержать научную критику». А в беседе с Трачевским великий химик выразился и еще более определенно: «В основной идее Филиппова нет ничего фантастического: волна взрыва доступна передаче, как волна света и звука».

И хотя правительство отнеслось ко всем этим публикациям весьма прохладно, газетчики не успокоились и продолжали раскопки. Так, московская газета «Русское слово» со временем выяснила, что изобретатель довольно часто ездил в Ригу, где еще в 1900 году «в при-

¹⁵ По материалам С. Зигуненко

существовании некоторых специалистов производил опыты взрывания объектов на расстоянии». А возвратившись в Петербург, рассказывал, что чрезвычайно доволен результатами опытов.

Никола Тесла, как и Филиппов, искал способы передачи энергии на расстояние

Когда же корреспонденты газеты попытались разыскать препараты и аппаратуру из лаборатории Филиппова, изъятые при обыске Петербургским охранным отделением, а также его бумаги, в том числе рукопись книги, оказалось, что все бесследно исчезло, причем при содействии членов царской семьи и самого императора Николая II.

Дело стало еще более интригующим, когда выяснилось, что изъятая рукопись называлась «Революция посредством науки, или Конец войнам». Причем она не была чисто теоретическим сочинением. Филиппов писал друзьям – а его письма, должно быть, вскрывали и читали в тайной полиции, – что он сделал удивительное открытие. Похоже, он в самом деле нашел способ воспроизводить с помощью направленного пучка коротких радиоволн действие взрыва.

«Я могу воспроизвести пучком коротких волн всю силу взрыва, – писал он в одном из найденных писем. – Взрывная волна полностью передается вдоль несущей электромагнитной волны, и таким образом заряд динамита, взорванный в Москве, может передать свое воздействие в Константинополь. Прделанные мной эксперименты показывают, что этот феномен можно вызывать на расстоянии в несколько тысяч километров. Применение такого оружия в революции приведет к тому, что народы восстанут, и войны сделаются совершенно невозможными».

Но, может, все высказывания Филиппова – не более, чем научная фантастика? Давайте попробуем разобраться...

Прежде чем входить в подробности дела, сообщим кое-какие сведения о самом Филиппове. Да, Михаил Михайлович был неплохим литератором. Когда в 1889 году он выпустил роман «Осажденный Севастополь», Толстой и Горький восхищались им в один голос. Да, он обладал недюжинным воображением, умом и талантом. Он сумел, например, оценить по достоинству работу Константина Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» и напечатал ее в своем «Научном обозрении» – первом, кстати, в России научно-популярном журнале. Так что если бы не Филиппов, о Циолковском, возможно, никто никогда бы и не узнал – засох бы калужский учитель в своей глуши. Получается, что в какой-то мере именно Михаилу Михайловичу мы обязаны первым спутником и современной космонавтикой.

Кроме того, Филиппов перевел на французский язык и тем самым дал всему миру возможность познакомиться с главным трудом Менделеева – «Основами химии», где сформулирован его знаменитый закон и дана периодическая система элементов.

Словом, как видите, легкомысленным фантастом Филиппов не был. Кроме того, он был убежденным марксистом и, несмотря на опасность, которой себя подвергал, говорил об этом открыто. Так, 19 ноября 1900 года Л.Н. Толстой записал в своем дневнике: «Я спорил о марксизме с Филипповым; он говорил очень убедительно».

Есть также основания считать, что именно ему принадлежит знаменитая формула: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны», подхваченная первым руководителем Советского государства.

Вот каков был этот человек: научный популяризатор, крупный писатель, математик, экономист, химик, экспериментатор, теоретик связей между наукой и идеологией марксизма, убежденный революционер, находившийся под полицейским надзором со времени убийства императора Александра II! Понятное дело, столь крупную фигуру не упускал из вида и Николай II. Не стоит забывать, что данные события происходили перед Первой мировой войной.

Известно также, что немцы старательно работали над лучевым оружием с начала века. Причем, не получив надлежащих результатов при кайзере, продолжали свои изыскания при фюрере, вплоть до самого окончания Второй мировой войны (см. подробности в «Технике – молодежи», № 9 за 1997 г.). К счастью, немецкие специалисты не смогли воспользоваться наследием Филиппова.

Велись подобные работы и за океаном. Вспомните намек Михаила Михайловича о том, что к данной проблеме «подбирались в Америке, но совсем иным и неудачным способом». По всей вероятности, здесь имелись в виду исследования и эксперименты Николы Теслы, которые он проводил в своей лаборатории в Колорадо-Спрингс. Примерно в те же годы он продемонстрировал возможность зажигания электрической гирлянды без подключения ее к электрической сети и носился с идеей «всемирного телеграфа». Башню этой установки, которая, по идее, должна была решить проблему передачи электроэнергии без проводов на любое расстояние, даже начали было строить. Однако грянула Первая мировая война, и строительство свернули...

Об идеях Теслы и Филиппова вспомнили лишь в 1960-х годах, уже после Второй мировой войны, когда вовсю развернулись работы с лазерами. А в 1970-е годы, насколько известно, в США прошла успешные испытания так называемая аргоновая бомба.

Принцип ее действия таков: при взрыве заряда динамита или другой взрывчатки, помещенной в кварцевом цилиндре, сжимается газообразный аргон, и тот начинает интенсивно светиться. Эта световая энергия концентрируется в лазерный пучок и передается на большое расстояние.

Таким образом удалось поджечь алюминиевую модель самолета на высоте 1000 м. Говорят, сейчас самолетам запрещено летать над некоторыми регионами Соединенных Штатов, где проводятся подобные эксперименты. Во время эпохи «звездных войн» предполагалось, что подобное оружие можно будет размещать на ракетах и использовать его для поражения других ракет, так как оно будет представлять собой эффективное средство защиты даже против многоступенчатых ракет-носителей для водородной бомбы.

Стало быть, идея Филиппова, пусть в урезанном виде, была в самом деле осуществлена.

Профессор, конечно, не знал лазера, но он изучал ультракороткие волны длиной около миллиметра, которые получал с помощью искрового генератора. Он опубликовал несколько работ на эту тему. Даже сегодня свойства таких волн до конца не изучены, и Филиппов вполне мог найти способ преобразования энергии взрыва в узкий пучок ультракоротких волн.

Как именно он хотел преобразовать ударную акустическую волну взрыва в микроволновое излучение, неплохо было бы выяснить. Глядишь, и пригодилось бы современным изобретателям...

Кому-то, быть может, покажется нереальным, что ученый в одиночку совершил такое важное открытие, теперь полностью утраченное. Но против этого возражения есть множество доводов.

Прежде всего, Филиппов не был в полном смысле слова ученым-одиночкой. Он поддерживал отношения с самыми крупными деятелями науки всего мира, читал все научные журналы, был одарен энциклопедическим умом, мог работать на стыке многих наук и синтезировать их результаты. К тому же, несмотря на все то, что рассказывают о неопенимой роли коллективов ученых, никто еще не опроверг того факта, что открытия делаются все-таки одиночками.

И потом, он работал в то время, когда изучение сверхвысоких частот только начиналось, а первопроходцы часто видят неоткрытые еще области лучше, чем те, кто приходит им на смену.

Известный французский популяризатор науки Жак Бержье вообще был убежден, что убийство М.М. Филиппова осуществлено царской охранкой по прямому указанию инициатора Гаагской конвенции о законах и обычаях войны Николая II, который тем самым не только изничтожил опасного революционера, но и спас мир, нашедшийся на краю гибели...

«Если бы Филиппов успел обнародовать свой метод, его, несомненно, довели бы до совершенства и использовали в Первой мировой войне, — пишет Бержье. — И все крупные города Европы, а возможно, и Америки были бы разрушены. А войны 1939—1945 гг.? Неужели Гитлер, вооруженный методом Филиппова, не уничтожил бы полностью Англию, а американцы — Японию? Как бы нам не пришлось дать утвердительный ответ на все эти вопросы... И не исключено, что император Николай II, которого все дружно осудили, должен быть причислен к спасителям человечества»...

Что произойдет, если сегодня кто-нибудь сумеет воспользоваться методом Филиппова для передачи на расстояние энергии взрыва атомной и водородной бомбы? Скорее всего, такие работы привели бы к апокалипсису и полному уничтожению мира.

Подобная точка зрения, идет ли речь об изобретении Филиппова или других изобретениях, распространяется все шире. Современная наука признает, что она стала слишком опасной.

«...Следовало бы прекратить и сотрудничество ученых с революционерами, какой бы они ни были политической окраски. Представьте себе группу людей, недовольных существующим режимом, которые подкладывали бы взрывчатку не под двери домов, а взрывали бы с помощью метода Филиппова Елисейский дворец или Матиньон! — подчеркивает Бержье. — Изобретение Филиппова, воспользуются ли им военные или революционеры, относится, на мой взгляд, к числу тех, которые могут привести к полному истреблению цивилизации. Открытия такого рода должны находиться под строжайшим контролем».

Впрочем, подобным изобретениям вполне можно найти мирное применение. Горький в свое время опубликовал запись своего разговора с Филипповым. Больше всего писателя поразила возможность передачи энергии на расстояние, что позволило бы эффективно индустриализировать те страны, которые в том нуждаются. И ни словом не обмолвился о возможности применения открытия Филиппова в военных целях.

Гленн Сиборг, председатель Комиссии по атомной энергии США, также упоминал, что с помощью энергии пучка, передаваемого с неба, можно очень быстро провести индустриализацию в развивающейся стране, причем без всякого загрязнения окружающей среды.

Филиппов, как уже говорилось, был одновременно и ученым, открытым научному миру, и революционером. И он, скорее всего, обнародовал бы свое открытие, наивно полагая, будто народы, получив от него оружие невиданных возможностей, сметут с лица земли королей и тиранов и благодаря марксизму установят повсюду мир.

Сегодня мы стали все-таки умнее. Работы над той же аргоновой бомбой, над лучевым оружием, слухи о которых время от времени циркулируют в открытой печати, по всей вероятности, ведутся в обстановке строжайшей секретности, находятся под должным контролем. Тем не менее опасения, что ученые способны взорвать мир, остаются. Известный английский астрофизик Фред Хойл однажды написал по этому поводу: «Я убежден в том, что какие-нибудь пять строчек – не более того – способны уничтожить цивилизацию».

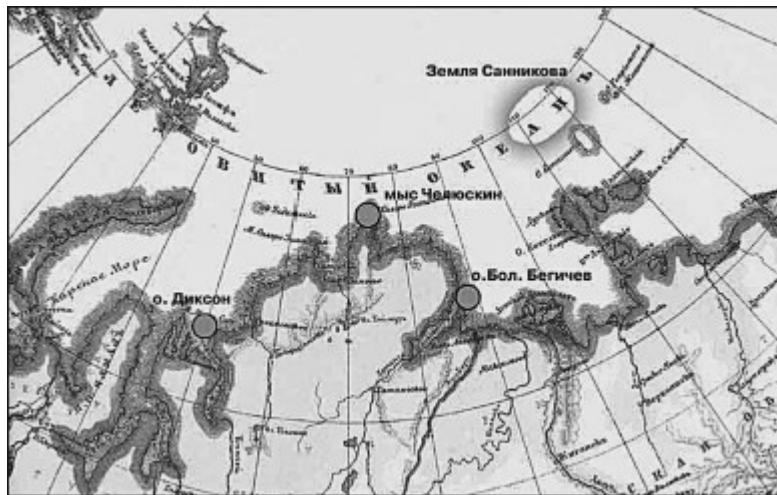
Хойл, несомненно, осведомлен во всем, что касается современной науки и что она может натворить. Мы с вами живем во времена, когда в домашней мастерской можно изготовить водородную бомбу, когда некоторые уже производят у себя дома ЛСД или еще более опасный наркотик фенилциклидин. Где-то хранятся уже вирусы и микробы, способные возбудить болезни, по сравнению с которыми даже рак со СПИДом покажутся чем-то вроде кори с гриппом...

Можно также представить себе письменный стол, в ящике которого пока заперта рукопись, о которой говорил Фред Хойл. Будем надеяться, что она останется там навсегда.

В поисках земель, которых не было¹⁶

В предисловии к своему научно-фантастическому роману «Земля Санникова» академик и писатель В.А. Обручев в 30-х годах XX века написал: «Эта земля существовала, может быть, более ста лет назад, как показали наблюдения Санникова и Толля, но не так давно исчезла». Появляющихся, а затем исчезающих земель и островов в Северном Ледовитом океане было немало (Земля Джиллесса, Земля Бредли, Земли Андреева и Макарова), но ни одна из них не породила такого множества легенд и не позвала в путь столько исследователей. Впервые о таинственном острове сообщил в 1811 году добывавший песка на северных берегах Новосибирских островов зверопромышленник Яков Санников, опытный полярный путешественник, ранее открывший острова Столбовой и Фаддеевский. Он высказал мнение о существовании «обширной земли» к северу от острова Котельного. По словам охотника, над морем поднимались «высокие каменные горы».

Другим свидетельством в пользу существования обширных земель на севере стали многочисленные наблюдения за перелетными птицами – полярными гусями и прочими, весной улетающими дальше на север, а осенью возвращающимися с потомством. Так как птицы не могли обитать в ледяной пустыне, то высказывались предположения, что расположенная на севере земля Санникова богата и плодородна, и птицы летят именно туда. Однако возникал очевидный вопрос: как севернее пустынного побережья Евразии могут располагаться плодородные земли?

Предполагаемое нахождение Земли Санникова

А еще раньше, в 1800 и 1805 году, Санников стал первооткрывателем островов Столбового и Фаддеевского. Впервые он увидел «свою» землю весной 1809 года на северо-востоке от северного побережья острова Новая Сибирь. Снарядив собачью упряжку, он проехал в сторону загадочного материка около 25 верст, но дальнейший путь ему преградила полынья, простиравшаяся до горизонта. Год спустя Санников опять увидел таинственную землю с северного берега острова Фаддеевского. На первый взгляд до нее было около 45 верст. Но добраться туда снова помешала широкая полынья. Третий раз полюбоваться на «свою»

¹⁶ По материалам В. Корякина.

землю Санникову удалось в июне того же года с северного мыса острова Котельный. И опять вода преградила ему путь.

Желание ступить на неизведанный материк было столь велико, что Санников написал в Петербург прошение об организации экспедиции на поиски открытой им земли и просил разрешения участвовать в ней. Но это прошение осталось без ответа – началась Отечественная война 1812 года. Лишь спустя десять лет Русское Адмиралтейство снарядило такую экспедицию. Но в указанном районе не удалось найти никаких следов неизвестной земли.

Умирая, Санников завещал довольно крупную сумму денег тому, кто первым ступит на его землю. Своим душеприказчиком он назначил приятеля и компаньона, твердо обещавшего выполнить его волю. Но когда компаньон узнал мнение официальных властей, что Санников видел не землю, а просто крупный айсберг, который затем отдрейфовал по течению, он присвоил завещанную сумму.

В истории поисков земли Санникова наступил длительный перерыв до 1886 года, когда русский геолог Э. Толль, участник экспедиции А. Бунге на Новосибирские острова, вновь увидел ее с того же самого места, где ее в последний раз видел Санников. Неизвестная земля на севере-северо-востоке от острова была видна столь отчетливо, что Толль по профилю гор попытался определить ее геологическое строение. В последующие годы Толль планировал провести собственную поисковую экспедицию. Попытать счастья вместе с ним решились астроном Фридрих Георгиевич Зееберг и якуты-каюры Василий Горохов и Николай Дьяконов. Для передвижения по дрейфующим льдам решено было использовать собачьи упряжки и легкую байдарку. В начале июня 1902 года отправились они в сторону острова Беннетта. Больше их никто не видел.

Свидетельство Толля вновь возбудило интерес к загадочной земле. Внук бывшего компаньона Якова Санникова решил восстановить доброе имя своего деда и организовал новую экспедицию. Возглавил ее народоволец И. Башкирцев. Но денег на предприятие у них было крайне мало. На данную сумму удалось зафрахтовать не приспособленную для плавания во льдах старую рыболовную шхуну с паровой машиной мощностью всего 50 лошадиных сил. Экспедиция готовилась втайне от общественности – «спонсору» очень не хотелось в случае чего раскошелиться на поисковые мероприятия. И даже дата и место выхода в рейс шхуны «Святая Мария» до сих пор остаются неизвестными. Письмо Башкирцева жене, написанное перед отплытием, так и не дошло до адресата. Но руководитель экспедиции успел подстраховаться и еще одно письмо передал оставшемуся на берегу товарищу. Лишь через два года оно дошло до Петербурга, и жена Башкирцева передала его копию в Русское Географическое общество. Что же касается «Святой Марии», то вмерзшее в лед судно нашли в районе Новосибирских островов лишь в 1950-х годах. Но на шхуне не оказалось ни останков людей, ни каких-либо документов, способных пролить свет на судьбу экипажа. Уникальный снимок найденной шхуны был помещен в газете «Искатели приключений», единственный номер которой был выпущен в виде приложения к журналу «Терминатор» в 1993 году.

В 1937 году советский ледокол «Садко» во время своего дрейфа прошел возле предполагаемого острова и с юга, и с востока, и с севера, но ничего, кроме океанских льдов, не обнаружил. По просьбе академика В.А. Обручева в тот же район были посланы самолеты арктической авиации. Однако, несмотря на все усилия, и эти поиски дали отрицательный результат. По мнению ряда исследователей, Земля Санникова была разрушена морем и исчезла, подобно островам Меркурия и Диомиды.

Известная экспедиция на «Таймыре» и «Вайгаче» в 1912—1913 годах Землю Санникова также не нашла, а дальнейшим поискам опять помешала война. Искали ее наши известные полярные летчики, в частности, И. Черевичный и флаг-штурман В. Аккуратов во второй половине 1930-х годов, и вновь поиск был прерван войной. Известный гидролог В. Степанов выдвинул предположение, что Земля Санникова состояла из ископаемого льда, который

при потеплении в Арктике растаял. Но тогда должно было остаться каменное основание. И действительно, промеры в районе предполагаемого материка выявили обширную область глубин всего в несколько метров. Теперь это место называется банкой Санникова.

Полярный летчик И. Черевичный сказал однажды: «Миф-то миф, а все-таки оставил Яков Санников след на земле. Сам он, конечно, в своем открытии ошибся тогда, но многих потом повел на поиски, в странствия».

И все же не исключено, что Земля Санникова в том или ином виде существовала, поскольку известно, что с потеплением Арктики отдельные острова, сложенные вечной мерзлотой, буквально растаяли – так произошло с островами Василевский и Семеновский, располагавшимися в прошлом неподалеку. Возможность подобного варианта не исключена и по составу грунта на морском дне – там, где в прошлом Яков Санников видел таинственную сушу. Земля Санникова не желала уходить из памяти поколений исследователей, что подтверждают следующие сюжеты.

Земля полярников острова Генриетты

Зимовщики с новой полярной станции словно приняли эстафету от участников высокоширотной экспедиции Самойловича. Начальник станции Л.Ф. Муханов, совсем не новичок в Арктике, 12 октября 1937 года записал в дневнике: «Прямое освещение северо-востока позволило увидеть контуры неизвестной земли, вытянутой с запада на восток, с двумя куполообразными возвышенностями на западе и значительным понижением к востоку. Мною, а через некоторое время т. Леоновым были сделаны зарисовки острова». Два рисунка, занесенные в вахтенный журнал, имеют между собой полное сходство.

Весной 1938 года самолет ледовой разведки обнаружил в районе, указанном зимовщиками, гигантский столовый айсберг (один из так называемых дрейфующих ледяных островов), в западной части которого действительно отчетливо просматривались два ледяных купола. Тем и закончилось «открытие», вызвавшее переполох в маленьком коллективе полярной станции, когда полярники лишний раз убедились в обманчивости арктической природы.

Земля «Геодезии сержанта Андреева»

В 1763 году в походе по Медвежьим островам вблизи дельты Колымы этот служивый с острова Четырехстолбовый обнаружил, что восточнее «синь синее или какая чернь, а что такое, земля или полое море, о том обстоятельно донести не можно». Начальство Андреева на следующий год отправило сержанта в очередной поход, результатом которого стало сообщение: «Увидали остров весьма мал, гор, стоячего лесу на нем невидимо, а в длину так например быть имеет 80 верст». Потом эту землю в Восточно-Сибирском море искали русские путешественники Геденшторм в 1810-м, Анжу и Врангель в 1821—1823-м, корабли Б.А. Вилькицкого в 1913-м и даже экспедиция О.Ю. Шмидта на «Челюскине» в 1933 году – все с одинаковым результатом...

Земля шхуны «Крестьянка»

История открытия этой земли в навигацию 1934 года на севере Чукотского моря (там, где, по В.А. Обручеву, находился вход в таинственную Плутонию) самая краткая – есть лишь сообщение по радио одновременно с информацией о высадке на берег какого-то скалистого и гористого острова. И, несомненно, самая запутанная, потому что, с одной стороны, наши

моряки собственными подошвами убедились в характере суши, а с другой – в указанных координатах позднее никакой суши обнаружено не было. И трагическая – ибо при возвращении «Крестьянка» попала в шторм и пропала без вести. Похоже, что экипаж «Крестьянки», штурман которой неверно определил координаты «открытия», высаживался на берега острова Геральд – ближайшей суши. Такое случалось и ранее.

Земля Оскара и Петермана

Она была якобы обнаружена австрийским полярным исследователем Юлиусом Пайером во время маршрутов по открытой его экспедицией Земле Франца-Иосифа. В своем дневнике 12 апреля 1874 года, находясь в самой северной точке архипелага на мысе Флигели, он отметил: «...вид голубых гор далеко на север. Это была та самая страна, которую Орел (один из участников экспедиции) заметил еще вчера, но контуры ее выступали на этот раз с большой ясностью. Я назвал ее Землей Петермана (в честь известного немецкого географа-теоретика)... Другую землю, усмотренную нами на северо-западе, я назвал Землей короля Оскара». Эти два массива суши на протяжении десятилетий внушали участникам последующих экспедиций массу несбывшихся надежд. Так, Нансен, повернув к ближайшей суше после неудачной попытки достичь полюса, 20 мая 1895 года записал в дневнике: «Должны бы уже достигнуть Земли Петермана, если она там, где предполагал Пайер». Позднее экспедиция герцога Абрुццкого из Италии и нашего Г.Я. Седова намеревались использовать эту сушу как последний плацдарм для похода к Северному полюсу. Не получилось... Во время дрейфа «Святой Анны» в 1914 году штурман В.И. Альбанов был удивлен, когда «астрономические определения марта и первых чисел апреля давали наши места как раз на этих сушах и в то же время только бесконечные ледяные поля по-старому окружали нас».

Земля Гилеса (Джиллиса), самая старая

Она дольше всех занимала мысли географов и приводила в ярость и отчаяние штурманов промысловых судов, охотившихся на морского зверя в водах Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа, с тех пор как голландский китобой Гилес (Джиллис в английских источниках) летом 1707 года увидел высокие обрывистые берега неизвестной суши. Не имея возможности из-за льдов высадиться на ее берега, он тем не менее зарисовал ее очертания и нанес на свою карту. В плавание 1899 года на ледоколе «Ермак» адмирал С.О. Макаров отметил примерно в тех же координатах признаки суши: «2 (14) августа... астрономом Кудрявцевым замечен был гористый берег. Как только остановились, то взяли пеленги и стали зарисовывать, но оказалось, что форма гор меняется... Если это и в самом деле берег, то он виден вследствие рефракции... 3 (15) августа. В 1 час ночи выходил смотреть открытый вечером берег... Видели ли мы действительно землю? Думаю, что да, но поручиться за это невозможно». Макаров полагал, что он видел совсем другую сушу, чем Гилес, – поэтому иногда эти земли на исторических картах показываются под разными названиями.

Эту призрачную сушу в 20—30-х годах XX века последовательно видели в 1925 году с английского парусника «Айленд» (капитан Фрэнк Уорсли), с борта ледокола «Красин» во время поисков пропавших без вести участников полета на дирижабле «Италия» в 1928 году и, наконец, в рейсе нашего первого научно-исследовательского судна «Персей» в 1934 году. Проблема с этой призрачной сушей больше двух веков держала в состоянии напряжения поколение исследователей, не поддаваясь удовлетворительному решению. Поэтому, когда после полетов летчика М.С. Бабушкина летом 1935 года последние иллюзии в отношении Земли Гилеса исчезли, похоже, все вздохнуло с облегчением – наконец-то...

Земля президента

Эту предполагаемую землю видели в 1871 году участники экспедиции Чарльза Френсиса Холла на судне «Полярис», когда оно, миновав систему проливов, разделяющих остров Элсмира с запада и Гренландию с востока, практически оказалось в акватории моря Линкольна. Однако из-за смерти Холла в самом начале зимовки 1871—1872 годов персонал экспедиции занимался собственным спасением – ему было попросту не до открытий. Тем не менее, когда англичане из экспедиции Джорджа Нэрса в 1876 году предприняли неудачную попытку достижения Северного полюса, стало ясно, что Земля Президента – это такой же арктический миф, как и описанные ранее, но с более короткой историей.

Земля Кинана

Хотя достоверных сведений об обстоятельствах ее открытия в море Бофорта в литературных источниках найти не удалось (скорее всего, ее видели американские китобои), присутствие на некоторых старых картах требует учесть эту проблематичную землю в нашем перечне. Окончательно отсутствие здесь суши было доказано после полетов самолетов в этой части Арктики.

Земля Так-Пука

Названа так по имени эскимоса, историю которого американский полярник Коре Родаль (норвежец по происхождению) описал следующим образом: «В сентябре 1931 года эскимос Так-Пук высадился, как он считал, на остров в море Бофорта; длина острова была около полумили, поверхность его была слегка холмистой, с небольшими озерцами пресной воды. Наивысшая точка находилась на 13—17 метров выше уровня моря. Полеты над предполагаемым местом нахождения этого острова не подтвердили его существования; по-видимому, это был дрейфующий ледяной остров, хотя эскимос утверждал, что видел на нем траву и мох». Работая сам на подобных ледяных образованиях, Родаль поставил под сомнение присутствие растительности, однако позднейшие исследования подтвердили такую возможность.

Три последних «суши» в перечне проблематичных земель связаны с походами американцев к Северному полюсу.

Земля Крокера

Весной 1906 года, после неудачного похода к полюсу, Пири решил убедиться в реальности открытий своего соперника норвежца Отто Свердруп, для чего предпринял маршрут вдоль северного побережья острова Элсмира, где обнаружил полосу льда, бронирующую эти берега практически на всем протяжении, – в отличие от обычного морского припая здешняя ледяная поверхность отличалась волнистым рельефом наподобие стиральной доски. (Спустя полвека данная особенность ледового рельефа облегчила решение одной из загадок Арктики.) Интересно, что в тексте своей книги-отчета он нигде не употребляет топоним «Земля Крокера» (в честь одного из своих спонсоров), но все же поместил ее на карте. Он дал следующее описание своему «открытию»: «На горизонте я мог рассмотреть несколько отчетливых снежных вершин острова, расположенного на северо-западе. Сердце мое готово было выскочить из груди от досады, когда я думал о бесконечных милях льда, отделяющих меня от

земли. Мысленно я уже бродил по ее берегам, взбирался на вершины, хотя знал, что радость эта выпадет на долю кого-то другого». Не выпала – последующим поисковикам (включая сподвижника Пири Дональда Мак-Миллана в 1914 году) досталось лишь разочарование...

Земля Брэдли

Два года спустя примерно в тех же местах побывал другой американец, Фредерик А. Кук, который в своем исходе к полюсу описал увиденное так: «Мы видели эту землю настолько плохо, что так и не смогли определить, состояла ли она из островов или это обширный цельный массив. Это едва видимое побережье напоминает остров Хейберга характерными горами и долинами. Я оценил высоту ближайшего побережья примерно в тысячу фунтов, и мне казалось, что оно покрыто льдами. Я написал на карте название – Земля Брэдли (также в честь спонсора экспедиции. – *В.К.*)». Интересно, что при возвращении Кук не увидел чего-либо подобного, как, впрочем, и многие другие полярные исследователи в аналогичных случаях.

Земля Гарриса

Обработывая наблюдения последней экспедиции Пири 1908—1909 годов, американский гидрограф Р. Гарри пришел к выводу, что правильному развитию приливов в Арктике мешает расположенный где-то в высоких широтах солидный массив суши. Подобное открытие вызвало у ученых и особенно у государственных мужей небывалый интерес, поскольку речь шла примерно о двух миллионах квадратных километров суши, потерявшихся где-то вдали от королей и президентов в недоступных ледяных просторах. Возникал вопрос – а не являются ли открытия экспедиций Вилькицкого и Стефанссона в 1913—1916 годах лишь окраинами этого гигантского острова? Россия срочно заявила в ноте 1916 года свои права на острова и земли вплоть до полюса, которые уже открыты и будут открыты между меридианами Берингова пролива и полуострова Рыбачий.

По-видимому, с этим теоретическим «открытием на кончике пера» связаны первые попытки полетов в Центральную Арктику, предпринятые норвежцем Амундсеном в 1925 и 1926 годах, американцами Ричардом Бердом в 1926-м и Хьюбертом Уилкинсом в 1928-м, помимо полета итальянца Умберто Нобиле в том же 1928 году по заданию фашистского диктатора Бенито Муссолини, мечтавшего запечатлеть свое имя на карте Арктики.

Ледяные острова

К 30-м годам XX века стало ясно, что в отношении целого ряда мнимых открытий так называемых проблематичных земель виновато несовершенство человеческого глаза. Действительно, помимо особых атмосферных явлений, в первую очередь рефракции, кроме снега и льда в Арктике нет ничего, что способствовало бы сопоставлению с объектами, размеры которых известны, – именно на этом и основана способность человека зрительно определять расстояния и оценивать глубину открывшегося обзора. Не говоря уж об отсутствии теней в условиях так называемой белой мглы. Все перечисленные особенности не раз ставили полярника как в опасное, так нередко и в смешное положение, когда он мог принять песца за белого медведя и порой, что хуже, наоборот.

Однако в середине XX века появился еще один повод, чтобы пересмотреть наше отношение к ряду событий в Арктике. Как известно, в это время высокие широты стали ареной жестокой холодной войны, когда советские и американские полярники вели свои исследо-

вания в глубокой тайне друг от друга. По многим направлениям благодаря своей ледовой разведке еще с довоенных времен мы опережали нашего вероятного противника, и теперь американцы бросились вдогон, поскольку имели преимущество в дальней авиации и обладали большим опытом в использовании радара.

Пока мы высаживали многочисленные научные отряды в приполюсном районе для изучения гидрологии и дна Северного Ледовитого океана в экспедициях «Север», американцев больше интересовали сами льды, особенно необычные ледовые образования, время от времени появлявшиеся на экранах радаров стратегических бомбардировщиков Б-29, регулярно летавших в район Северного полюса с метеоразведкой (и не только) с аэродромов Аляски. Первое событие такого рода летом 1946 года Родаль описал следующими словами: «Во время обычного планового полета через Северный полярный бассейн с авиабазы Ледд на Аляске 14 августа менее чем в трехстах милях севернее мыса Барроу на 76 градусов 10 минут северной широты и 160 градусов 10 минут западной долготы на экране радиолокационной станции внезапно появился огромных размеров сердцевидной формы остров площадью приблизительно 200 кв. миль. Ночью командир самолета послал об этом срочное донесение в Вашингтон.

Вначале этому острову было дано обозначение Т-Х (цель икс), а позднее он стал известен под названием «ледяной остров Т-1».

При первом его обнаружении полагали, что это остров материкового происхождения (то есть обычная суша. – *В.К.*), так как ответный импульс, получаемый на экране радиолокационной станции, был похож на тот, что получали обычно от земли. Когда при следующих наблюдениях его местоположение изменилось, стало очевидно, что остров перемещается и поэтому не может быть материковым островом. Во время ясной погоды было видно, что ледяной остров Т-Х является айсбергом с ровной поверхностью, который свободно дрейфует в Северном Ледовитом океане».

Разумеется, наши летчики видели подобные ледяные образования, но, поскольку они свободно сажали свои машины на дрейфующие льды океана, подобное открытие не имело для нас такого значения, как для американцев, интересовавшихся огромными айсбергами в качестве непотопляемых авианосцев.

Облеты дрейфующих ледяных островов на малых высотах показали, что их поверхность отличается характерной системой параллельных валов и ложбин, в летнее время заполненных талыми водами. Это был великолепный дешифровочный признак при изучении аэрофотоснимков. Одновременно американцы установили то, что уже было известно советским исследователям по результатам дрейфа секретной советской станции СП-2 под руководством Михаила Михайловича Сомова: система дрейфа в этой части Северного Ледовитого океана – по часовой стрелке, что было предсказано еще в 1908 году участником русской экспедиции по поискам Земли Санникова Александром Васильевичем Колчаком. Тем не менее оставалась еще одна загадка происхождения гигантов, но пробил и ее час...

При изучении накопленных ранее материалов внимание американских и канадских полярников привлек аэрофотоснимок, сделанный еще в 1947 году на побережье острова Эллеф Рингнес – там на ледниковой кайме вдоль побережья была обнаружена такая же система валов и ложбин, что и на известных дрейфующих ледяных островах. Стали просматривать отчеты прежних путешественников – оказалось, что аналогичные формы ледяной поверхности уже описывали Кук, Пири и некоторые другие для северного побережья острова Элсмira. Не оставалось ничего другого, как выслать самолет для аэрофотосъемки в указанный район, где положение кромки шельфового ледника островов – тайна их происхождения и одновременно загадка некоторых проблематичных земель была окончательно разгадана, на что понадобилось всего два с половиной столетия.

Магнитолет профессора Вейнберга¹⁷

Мы привыкли к мысли, что необыкновенные поезда на магнитной подвеске – изобретение последних десятилетий. На самом же деле идея магнитолета родилась давно, без малого сто лет назад.

Неожиданное изобретение

Профессор Вейнберг был ученым-энциклопедистом. Он закончил Петербургский университет и стал физиком. В тридцать шесть лет защитил докторскую диссертацию, уехал в Сибирь и целых пятнадцать лет (с 1909 года) руководил кафедрой физики Томского технологического института. Именно в Томске Вейнберг и начал разрабатывать свой удивительный проект сверхскоростного транспорта.

Он понимал, что для достижения больших скоростей необходимо избавиться от сопротивления среды, в которой движется транспорт, и от силы трения о путь. Но как это сделать? Простейший и всем знакомый опыт с соленоидом, втягивающим железный сердечник внутрь катушки, натолкнул томского ученого на важное изобретение. «Этот опыт, – писал Борис Петрович, – навел меня на мысль об идеальном безвоздушном электрическом пути, по своему принципу совершенно отличном от привычных способов сообщения».

В то время, в 1910 году, он еще не знал, что похожая идея пришла в голову и другому изобретателю, работавшему в США, – инженеру, французу по происхождению Эмилю Башлэ. Лишь четыре года спустя Башлэ приехал в Лондон и продемонстрировал модель своего «летающего вагона» английским ученым, инженерам и даже членам парламента. С того времени печать всего мира заговорила о сенсационном изобретении.

Полет в магнитной трубе

Эмиль Башлэ в своем проекте приподнял бесколесный вагон над дорогой, используя явление так называемого электродинамического отталкивания. Для этого вдоль всего пути под полотном дороги предполагалось установить катушки электромагнитов переменного тока. Тогда вагон, имеющий дно из немагнитного материала, например алюминия, воспарит на весьма незначительную высоту. Но и ее будет вполне достаточно для избавления от контакта с дорогой.

Для поступательного движения вагона изобретатель предлагал применить тянущий пропеллер либо соленоиды в виде множества колец, смонтированных вдоль пути, в которые вагон втягивался бы подобно железному сердечнику. Башлэ рассчитывал получить таким образом скорость до 500 километров в час!

¹⁷ По материалам Г. Черненко.

Идея магнитоплана постепенно превращается в реальность

В дороге, которую предлагал Борис Петрович Вейнберг, вагоны тоже не нуждались в рельсах. Как и в проекте Башлэ, они летели, поддерживаемые на весу магнитными силами. Более того, русский физик пошел дальше француза, решив устранить также сопротивление среды. Движение вагонов, согласно проекту, происходило в трубе, из которой специальные насосы непрерывно выкачивали воздух.

С внешней стороны трубы на определенном расстоянии друг от друга устанавливались мощные электромагниты. Их назначение – притягивать вагоны, не позволяя им падать. Как только вагон приближался к магниту, последний выключался. Силой веса вагон начинал опускаться, однако его тут же подхватывал следующий электромагнит. В итоге вагоны двигались бы по слегка волнистой траектории, не касаясь стенок трубы.

Вагоны-капсулы

Вагоны Вейнберг задумывал одноместными в виде сигарообразных герметически закрытых капсул длиной два с половиной метра. Пассажир должен был лежать в такой капсуле на мягкой подстилке. В вагоне предусматривались аппараты, поглощающие углекислоту, запас кислорода для дыхания и электрическое освещение.

Скорость движения намечалась колоссальная – 800, а то и 1000 километров в час! Такая скорость позволила бы за 10—11 часов пересечь всю Россию, например, с запада на восток и за 45 минут доехать от Петербурга до Москвы.

Для запуска вагонов в трубу планировалось использовать соленоидные устройства, гигантские катушки длиной около трех километров (такая большая длина вызывалась необходимостью снизить перегрузку при наборе скорости). Вагоны с пассажирами накапливались в особой, плотно закрытой камере. Затем целой обоймой они подвозились к пусковому устройству и один за другим «выстреливались» в трубу-туннель. В минуту – до 12 вагонов-капсул, то есть с промежутком в пять секунд. За сутки, таким образом, могли бы отправиться в путь более 17 тысяч вагонов! Завершающий участок тоже задумывался в виде длинного соленоида, однако уже не разгонного, а тормозящего.

В 1911 году в физической лаборатории Томского технологического института Вейнберг построил большую модель своего электромагнитного пути. Он представлял собой шестиметровое кольцо, собранное из отрезков медной трубы диаметром 25 сантиметров.

Модель вагона весила около 10 килограммов. «Выстреленный» в трубу при помощи пускового соленоида вагончик легко подхватывался электромагнитами и продолжал полет, не касаясь стенок кольцевого «туннеля».

«Нет, это не утопия»

Три года Борис Петрович испытывал модель своей дороги. При этом воздух из трубы не откачивался. Во-первых, из-за недостатка средств, а во-вторых, при сравнительно небольшой скорости сопротивлением воздуха можно было пренебречь.

Разумеется, Вейнберг ясно сознавал колоссальную трудность исполнения проекта в натуральную величину. А потому им были предусмотрены и упрощенные варианты дороги. Изобретатель был готов, например, поступиться вакуумом в трубе и, следовательно, снизить скорость движения. Готов был допустить, чтобы вагоны катились на колесах с едва заметным трением по «потолку» или по «полу» трубы.

Весной 1914 года Борис Петрович приехал в Петербург. Вскоре появилось объявление о том, что в большой аудитории Соляного Городка, на Пантелеймоновской улице, профессор Вейнберг прочтет лекцию «Движение без трения». Сообщалось, что лекция будет сопровождаться показом опытов. Выступление томского профессора вызвало небывалый интерес петербуржцев. В зале, как говорится, негде было яблоку упасть. «Не могу забыть того ошеломляющего впечатления, – вспоминал писатель и популяризатор науки Я. Перельман, – какое произвел на холодную петербургскую публику этот смелый и оригинальный проект. Поезда, несущиеся в пустоте, без трения, как планеты в мировом эфире. Разве это не утопия? Но нет – проект реален при всей своей необычности. Он технически неуязвим».

Быстрее звука!

В разгар Первой мировой войны Борис Петрович был откомандирован в США в качестве «старшего артиллерийского приемщика». Он и здесь остался изобретателем, начав совершенствовать производство взрывателей артиллерийских снарядов. В Россию профессор-изобретатель возвратился после Февральской революции. Как выдающегося геофизика, Вейнберга хорошо знали в научных кругах, и в 1924 году ему предложили пост директора Главной геофизической обсерватории в Ленинграде.

В год начала Великой Отечественной войны Вейнбергу исполнилось 70 лет. Уезжать из блокированного Ленинграда изобретатель отказался и продолжал работать над новыми изобретениями. 18 апреля 1942 года от крайнего истощения он умер.

Лишь много лет спустя начались опыты с поездами, в которых нашли отзвук проекты Эмиля Башлэ и Бориса Вейнберга. Поезда на магнитной подушке, пока все еще экспериментальные, создаются в Японии, Германии, США, Англии, Канаде. Скорость их существенно ниже, чем у электромагнитного вагона Вейнберга, – до 500 километров в час. Понятно, дорога томского профессора была рассчитана на движение в вакууме. Но и эта его идея уже подхвачена. Американский инженер Роберт Солтер разработал проект поезда с магнитным подвесом «Планетрон», который будет мчаться в безвоздушном туннеле со скоростью более девяти тысяч километров в час!

Очередная разгадка тунгусского чуда¹⁸

Про Тунгусский метеорит написаны уже тома. Каких только объяснений его феномена не предлагали! Пожалуй, наиболее фантастическая гипотеза принадлежит писателю-фантасту Александру Казанцеву, некогда предположившему, что над тунгусской тайгой потерпел катастрофу инопланетный космический корабль. Однако именно она, по словам профессора Ф. Нагатина, получила серьезные фактические подтверждения.

Доказательства нашлись в тайге в 700 км от эпицентра взрыва. На них случайно наткнулась геологическая партия под руководством Георгия Колодина, которая вела разведку недр в бассейне реки Вилюй.

Для очередного привала исследователи выбрали на первый взгляд вполне обычную поляну на берегу безымянной речушки. Однако когда радист попытался выйти на связь с базой, то обнаружили, что на той же волне в наушники лезут непонятные сигналы. Причем такой силы, что пробиться сквозь них радисту так и не удалось.

Примитивная пеленгация показала, что источник радиопомех находится где-то неподалеку. Попытка выйти на него чуть не закончилась обвалом в самом буквальном смысле этого слова. В склоне обрыва, уходящего к реке, обнаружилось отверстие – что-то вроде входа в пещеру, наполовину заваленное песком.

В районе падения Тунгусского метеорита

Раскопав лаз, геологи обнаружили целую анфиладу довольно просторных помещений. Первые из них были пусты – лишь кое-где виднелись обломки каких-то костей и непонятный мусор. Но по мере углубления в непонятную пещеру стали попадаться помещения, в которых находились довольно странные предметы – какие-то металлические тумбы, шкафы, ящики...

Миновав беспрепятственно полтора десятка отсеков, импровизированная экспедиция уперлась в стену – точнее, в наглухо закрытую дверь, сбоку которой виднелось некое подобие пульта. Попытка открыть ее успехом не увенчалась. И тут один из геологов заметил, что по сторонам от дверного проема тянутся окна. Даже не окна, а просто прозрачные участки

¹⁸ По материалам С. Зигуненко.

стены. В освещенном пространстве за ними можно было различить длинный ряд серебристых прямоугольников.

«Зал саркофагов», как окрестили его геологи, уходил в темноту. Кто-то посветил вблизи окна и в то же мгновение вскрикнул от неожиданности. Чуть ли не в метре за «стеклом» валялись три существа невысокого роста, фигурами отдаленно похожие на человека. У одного из них, лежавшего навзничь, на месте головы виднелось выпуклое блестящее устройство. Все поспешили покинуть это мрачное и жуткое подземелье.

Появление на берегах таежной речки странного подземного сооружения, полагал профессор Ф. Нагатин, напрямую связано с тунгусской катастрофой. Гипотетический звездолет, войдя в атмосферу Земли, стал падать в западном направлении. Если учесть, что корабль был пилотируемым, то в нем, безусловно, была спроектирована спасательная капсула.

За несколько мгновений до тунгусского взрыва – а он, как известно, произошел еще в воздухе – экипаж автоматически катапультировался. Учитывая траекторию падения – почти строго с востока на запад, корабль пролетал как раз над районом реки Вилуй. Поэтому находка в этих местах не противоречит известным науке фактам.

Капсула, отделившаяся от основной части, на большой скорости врезалась в землю и ушла в грунт, оставив за собой проход в виде пещеры. По-видимому, от удара корпус в наиболее слабых местах разрушился. Образовавшиеся дыры позволили посторонним беспрепятственно проникать внутрь. Однако в уцелевших, наглухо задраенных отсеках теплится инопланетная жизнь, о чем красноречиво свидетельствуют сигналы «маяка», запеленгованные рацией. Не исключено, что они предназначены служить ориентирами для инопланетных спасателей. Продолжают функционировать аварийные энергетические установки, поддерживая членов экипажа в анабиозе. Сколько будет длиться такое состояние, неизвестно. Если не придет помощь извне, вероятно, целую вечность.

До российских геологов на остатки корабля набредали охотники. Они первыми заметили, что люди после длительного пребывания в загадочном подземелье начинают болеть, многие умирают. Отчего? Возможно, виной всему радиация, исходящая от аварийных ядерных энергоустановок. А может, в округе пиратствуют иноземные вирусы и микробы... Во всяком случае, местные жители прозвали это место «Елюю Черкечех», что в переводе с якутского значит Долина Смерти.

Уфологи Ю. Михайловский и А. Тугелев из поселка Чернышевский (Якутия) путем опроса бывалых охотников собрали по крупицам сведения, касающиеся странной находки. Если верить легендам, лет где-то 100 назад, а может, и много раньше, на северо-западе Якутии произошла космическая катастрофа, связанная, по всей вероятности, с близким прохождением кометы, поскольку сопровождалась обильными песчано-грязевыми дождями и мощным потоком ледяных «игл».

Но вместе с ними упали и еще какие-то объекты, быть может, даже искусственного происхождения. Угодив на мари и болота, они на протяжении десятилетий один за другим взрывались и каждый раз являли собой настоящее стихийное бедствие, после чего окрестности надолго оставались безжизненными.

Потом поднималась буйная молодая поросль, привлекающая зверя. А где зверь – там и охотник. Действительно, кочевники постепенно обживали эти места... Однако взрывы повторялись. И так раз за разом.

Когда же все вдруг прекратилось, Долина Смерти, за которой прочно закрепилась дурная слава, по-прежнему оставалась довольно безлюдной: ведь где гарантия того, что наступившее затишье – не просто более длительная пауза?

В 1990 году «Немецкая волна» передала любопытное сообщение. Когда 40 лет назад на северо-западе Якутии начались ядерные испытания, одно из них по мощности оказалось несравнимо ни с каким другим (20—30 Мт вместо «расчетных» 10 кт!). Его зарегистри-

ровали все сейсмические станции мира. Причина столь существенного расхождения так и осталась неизвестной. Предполагали, правда, что в летном режиме испытали компактную водородную бомбу небывалой по тем временам мощности, однако эксперты выяснили, что подобное устройство в СССР разработали позже.

Однако если это не водородная бомба, то не взорвался ли один из тех давних объектов, для которого испытательный взрыв стал подходящим детонатором? Кто знает, сколько их еще таится в здешних местах.

А они есть – во всяком случае, если верить слухам. Вот характерный эпизод. Как-то охотник, блуждая в засушливый период по тайге, попытался добыть льда из булгуныха – ледовой линзы, сверху обычно прикрытой землей. Начав копать, под тонким слоем почвы обнаружил не лед, а красноватую металлическую поверхность очень большого, уходящего в мерзлоту купола. Ему стало не по себе, и он поспешил удалиться. Другой подобный случай: обнаружился то ли край, то ли выступ сантиметров в десять толщиной; на этот раз охотник просто не стал дальше копать – ему нужен был лед. Булгуных, по его словам, был с метр высотой и около 5—6 м в диаметре.

Рядом с рекой Олгуйдах видели вонзившуюся в землю гладкую металлическую полусферу красноватого цвета и с таким ровным краем, что «режет ноготь». Толщина ее стенки – около 2 см. Стоит она накренившись, так что под нее можно въехать верхом на олене. Ее обнаружил в 1936 году геолог, но в послевоенное время следы затерялись. В 1979 году ее попыталась отыскать небольшая археологическая экспедиция из Якутска. Проводник – старый охотник, в молодости неоднократно видевший сооружение, – не смог ничего вспомнить, поскольку, по его словам, местность сильно изменилась. Так они и уехали ни с чем.

Здесь проходит древний эвенский кочевой путь – от Бодайбо до Анныбара и далее, до побережья. Вплоть до 1936 года в тех местах торговал купец Савинов, а когда он отошел от дел, жители их постепенно покинули. Наконец, престарелый купец и его внучка Зина тоже решили переехать в Сюльдюкар. Где-то в районе междуречья Хэлдьюз дед привел ее к небольшой, слегка приплюснутой красноватой «арке», где за винтообразным проходом оказалось много металлических комнат, в которых они и заночевали. Как уверял дед, даже в самые сильные морозы в них тепло, словно летом. Об этом припоминали и другие старожилы еще в послевоенные годы. Сейчас же на том месте огромный насыпной холм, в нескольких местах обнесенный крашеными камнями и обозначенный знаком радиоактивности.

«Нам довелось познакомиться со старым охотником-эвенком, предки которого кочевали по этим местам не одну сотню лет, – сообщают уфологи. – Кое-что он слышал и о взрывах: будто сначала из-под земли вырывается до самого неба огненный столб вместе с облаками пыли, затем пыль сгущается в плотную тучу, сквозь которую виден только ослепительный огненный шар. Это сопровождается ужасным гулом и пронзительным свистом, и после нескольких громов подряд следует ослепительная вспышка, буквально испепеляющая все вокруг, раздается оглушительный взрыв, и в радиусе более 100 км валятся деревья, рушатся и трескаются скалы!.. Потом становится очень темно и холодно, так что гаснут даже пожары, а обугленные ветки покрываются инеем».

Еще он рассказал, что где-то в районе междуречий Нюргун Боотурв и Атаратак из земли выглядывает «шибко большая» трехгранная железная острога, а на междуречье Хэлдьюгир есть железная нора, и в ней лежат «худые черные одноглазые люди в железных одеждах», а невдалеке по урочищу Тонг Дуурайэ протекает ручей Оттоамох, где находятся «три хохочущие бездны», в которых все исчезает бесследно.

В заключение отметим, что до сих пор еще никто не предпринимал серьезных попыток найти и обследовать хотя бы один из странных объектов, поскольку данная местность

обширна даже по якутским масштабам и на редкость труднопроходима – сплошные завалы, мари, болота...

Лишь благодаря случаю геологическая партия Г. Колодина не только нашла, но и достаточно обстоятельно описала обнаруженную «пещеру».

Последнее плавание «Геркулеса»

Северные русские экспедиции 1912 года под руководством В.А. Русанова, Г.Л. Брусилова, Г.Я. Седова, несмотря на всю свою трагичность и незавершенность, внесли значительный научный вклад в изучение Арктики. Но в отличие от частных экспедиций Г.Я. Седова и Г.Л. Брусилова экспедиция Владимира Александровича Русанова на Шпицберген была официальной, организованной с одобрения правительства и на казенные средства. Основной целью ее было исследование угольных богатств Шпицбергена и подготовка там русского предприятия...

Русанов родился в 1875 году в городе Орле в купеческой семье. Отец его умер, когда Русанов был еще ребенком. Мать Русанова, несмотря на материальные затруднения, решила дать сыну хорошее образование и устроила его в лучшее в городе учебное заведение – классическую гимназию. Однако учился он плохо.

Живой ум и непосредственность Русанова были не в ладах с сухими и догматическими методами преподавания казенной школы. Он увлекался чтением книг, описывающих приключения и путешествия, загородными прогулками, с которых возвращался с карманами, полными всевозможных камней – его первыми «геологическими коллекциями».

В.А. Русанов. Фото 1900-х гг.

Весной 1897 года Русанов поступил вольнослушателем на естественный факультет Киевского университета. Учеба его продолжалась недолго: замеченный в студенческих беспорядках, он был лишен права посещать лекции и выслан в Орел. С того времени полиция постоянно преследовала Русанова. 4 сентября его арестовали по делу «Рабочего Союза».

В мае 1901 года на основании «высочайшего постановления» его высылают на два года в город Усть-Усольск Вологодской губернии. В Усть-Усольске Русанов поступил статистиком в земскую управу. Эта работа, помимо средств к существованию, позволила ему исследовать огромный и почти неизученный Печорский край.

Стремясь закончить свое образование, Русанов настойчиво хлопотал о разрешении выехать за границу. Осенью 1903 года он уехал в Париж, где поступил в Сорбоннский университет на естественное отделение.

Блестящее окончание теоретического курса в 1907 году дало ему право на защиту докторской диссертации. Стремясь принести пользу своей родине, Русанов решил собрать материал для диссертации на Новой Земле, геология которой была почти не изучена, а полезные ископаемые не разведаны.

Весной 1907 года В.А. Русанов возвратился в Россию. Когда Русанов прибыл в Архангельск, он, к своему удивлению, встретил со стороны местных властей всяческое содействие в подготовке экспедиции на Новую Землю. Объяснялось это тем, что на Новой Земле безнаказанно хозяйничали норвежцы, и архангельский губернатор видел в экспедиции Русанова одну из мер, направленных против браконьерства.

В Архангельске к Русанову присоединился студент-зоолог Харьковского университета Л.А. Молчанов, с которым он в середине июля и прибыл на рейсовом пароходе к западному устью пролива Маточкин Шар. Отсюда в сопровождении проводника-ненца они на обычном ненецком карбасе совершили плавание по проливу до Карского моря и обратно.

Исследования Русанова на Новой Земле, проведенные им самостоятельно и по собственной инициативе, получили высокую оценку профессоров Сорбонны. Поэтому, когда весной 1908 года для французской экспедиции на Новую Землю потребовался геолог, из многих кандидатов единодушно был избран Русанов. Он с радостью принял это предложение, позволявшее ему продолжить свои исследования по геологии Новой Земли. Русанов с тремя участниками экспедиции направился на пароходе в становище Маточкин Шар, затем на ненецком карбасе прошел проливом в Карское море и поднялся вдоль берега к северу до залива Незнаемого. Обследуя этот залив, Русанов сделал интересное открытие: на небольшом полуострове он обнаружил неизвестные до этого ископаемые организмы.

Продолжая свое путешествие, Русанов совершил первый в истории сухопутный поход по Новой Земле, он пересек ее от залива Незнаемого до бухты Крестовой на западной стороне острова. Следует отметить, что Баренцева моря достиг лишь один Русанов, остальные путешественники, не выдержав трудностей пути, отстали.

В сентябре экспедиция закончила работы, и Русанов прибыл в Архангельск, написав затем научный отчет о своих исследованиях в 1907 и 1908 годах.

Эта экспедиция принесла Русанову славу талантливого геолога и смелого исследователя. Поэтому, когда архангельские власти стали готовить экспедицию на Новую Землю, они пригласили Русанова принять в ней участие в качестве геолога. Официально возглавлял ее Ю.В. Крамер, фактически же экспедиция работала по программе, составленной Русановым, и под его руководством. 9 июля пароход высадил Русанова и его спутников в Крестовой губе, где была организована главная база экспедиции.

Погода не благоприятствовала исследованиям. Кроме того, при разгрузке парохода Русанов сильно повредил ногу. Однако, невзирая на все это, он ежедневно уходил в глубь острова. На острове было обнаружено много полезных ископаемых, в числе их такие, как каменный уголь, мрамор, диабаз и аспидный камень.

Русанов, справедливо предполагая, что Новая Земля должна со временем стать одной из узловых баз, обслуживающих Северный морской путь, считал необходимым выяснить условия плавания вдоль западного побережья острова, которое, по его мнению, явится составной частью трансарктической трассы. С этой целью вместе с двумя проводниками он совершил смелый переход по морю на утлой шлюпке от губы Крестовой до полуострова Адмиралтейства. Осенью, вернувшись в Архангельск, он выступил с рядом лекций, докладов и статей, привлечших внимание общественности к Арктике. Особенно его беспокоила судьба Новой Земли. «Печальная картина на русской земле, – писал Русанов. – Там, где некогда в течение столетий промышляли наши русские отважные поморы, теперь спокойно живут и легко богатеют норвежцы».

Весной 1910 года его опять пригласили в Новоземельскую экспедицию, но на этот раз уже в качестве ее начальника. Поглощенный проблемами Северного морского пути, Русанов в статье «Возможно ли срочное судоходство между Архангельском и Сибирью через Ледовитый океан?» изложил план сквозного плавания. «До сих пор, – писал он, – с непоколебимым и непонятным упорством стараются пройти в Сибирь... возможно южнее: через Югорский Шар, через Карские Ворота, в более редких случаях через Маточкин Шар. Я предлагаю как раз обратное. Я предлагаю огигать Новую Землю как можно севернее...»

Ниже он продолжает: «Нужно иметь в виду, что направление течений северной части Новой Земли до сих пор остается необследованным и что мои предположения на этот счет являются гипотетическими. Вот почему выяснение этого капитального вопроса, по моему мнению, должно составить самую главную задачу Новоземельской экспедиции в 1910 году. Эта экспедиция должна будет окончательно выяснить вопрос о том, насколько удобен предлагаемый мною торговый путь в Сибирь».

Судно экспедиции «Дмитрий Солунский» под командой известного полярного капитана Г.И. Поспелова 12 июля покинуло Архангельск, имея на борту пять научных работников и десять человек экипажа.

20 июля «Дмитрий Солунский» благополучно достиг западного устья Маточкина Шара, где на судно был взят ненец Илья Вылка, прекрасный знаток полярных льдов, оказавший Русанову неоценимую помощь в предыдущей экспедиции. 16 августа судно достигло крайней северной точки Новой Земли – мыса Желания, обогнув который встретило плавающий лед.

По мере продвижения «Дмитрия Солунского» на юг кромка сплошных льдов, вытянутая с северо-востока на юго-запад, все больше приближалась к берегу и у Ледяной гавани сомкнулась с ним, преградив дальнейший путь. Попытки обогнуть лед с северо-востока окончились безуспешно, и вечером 19 августа судно вернулось к мысу Желания, где встали на якорь и решили выждать изменения ледовой обстановки.

Разыгравшийся ночью шторм пригнал массы льда из Баренцева моря, и к утру «Дмитрий Солунский» оказался в ледяном плену. Ледяные поля, непрерывно торосясь, наступали на судно и ежеминутно грозили раздавить его. Используя небольшие то открывавшиеся, то закрывавшиеся разводья, тянувшиеся под берегом, «Дмитрий Солунский» стал пробиваться на восток. Вскоре разводья стали увеличиваться и превратились в широкий прибрежный канал, открывавший путь на юг. Через двенадцать дней судно подошло к восточному входу в Маточкин Шар, а 31 августа вошло в Баренцево море, совершив таким образом обход всего северного острова Новой Земли.

Это выдающееся плавание принесло Русанову заслуженную славу.

Произведенные экспедицией исследования намного превосходили все сделанное в этом районе до нее, значительно расширили познания Новой Земли и гидрологического режима омывающих ее вод.

К этому времени относится публикация одного из наиболее значительных трудов Русанова, скромно озаглавленного «К вопросу о Северном морском пути».

Зиму Русанов опять проводит в Париже, усиленно работая над докторской диссертацией, а летом 1911 года в четвертый раз отправляется на Новую Землю. В этой экспедиции на парусно-моторной яхте «Полярная», водоизмещением всего пять тонн, он наконец совершает плавание вокруг южного острова Новой Земли. Экспедиция на «Полярной» главное внимание уделила гидрографическим и метеорологическим исследованиям. Особенно много было сделано для изучения поверхностных течений Баренцева и Карского морей.

Затем Русанов был назначен начальником экспедиции на Шпицберген. Его путешествия, не знавшие неудач, и всевозраставший авторитет служили лучшей гарантией успеха экспедиции.

Эта экспедиция была, по сравнению с двумя другими, хорошо оснащена, в Норвегии для нее закупили парусно-моторное судно «Геркулес», в Париже – приборы и инструменты. Капитаном «Геркулеса» стал 24-летний А. С. Кучин, потомственный помор, окончивший в 1909 году с отличием и золотой медалью Архангельское торгово-мореходное училище, участник экспедиции в Антарктику Амундсена в 1910—1911 годах, проявивший большие способности в науке – он был ассистентом известного норвежского океанографа Хелланд-Хансена.

9 июля 1912 года «Геркулес» вышел из Александровска-на-Мурмане, имея на борту четырнадцать участников экспедиции.

16 июля «Геркулес» благополучно достиг острова Западный Шпицберген и вошел в залив Белзунд, находящийся на западной стороне острова. Отсюда Русанов вместе с двумя матросами пешком прошел до восточного берега Западного Шпицбергена и обратно. Этот переход, совершенный в условиях горной местности, покрытой ледником, едва не закончился гибелью Русанова: на обратном пути он провалился в ледниковую трещину и только каким-то чудом задержался на небольшом выступе на краю глубокой пропасти.

Из Бедзунда «Геркулес» перешел в Айсфиорд, а затем в Адвентбай. Обследовав все западное побережье острова, Русанов открыл богатые месторождения угля.

К началу августа экспедиция закончила выполнение официальной программы: двадцать восемь заявочных знаков, поставленных Русановым, закрепляли за Россией право на разработку угля на Шпицбергене.

Помимо того, были собраны палеонтологические, зоологические и ботанические коллекции, а во время плавания на Шпицберген и в его прибрежных водах проведены океанографические исследования.

Отправив с попутным норвежским пароходом трех человек со Шпицбергена в Россию, Русанов пошел на Новую Землю. 18 августа в Маточкином Шаре он оставил для отправки на материк телеграмму следующего содержания: «Юг Шпицбергена, остров Надежды. Окружены льдами, занимались гидрографией. Штормом отнесены южнее Маточкина Шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов». По-видимому, в телеграмме была пропущена частица не. Следует читать «Если не погибнет», что по существу и вытекает из дальнейшего текста.

Эта телеграмма, раскрывавшая план Русанова, была последним известием, полученным с «Геркулеса».

Где и при каких обстоятельствах погибла экспедиция Русанова, выяснить не удалось. Поиски ее, проведенные в 1914 и 1915 годы по инициативе Русского Географического общества, ничего не дали. Только в 1934 году на безымянном островке (сейчас остров Геркулес), находящемся близ берега Харитона Лаптева, был обнаружен столб, врытый в землю, на котором была вырублена надпись «ГЕРКУЛЕС. 1913». В том же году на другом островке (ныне остров Попова-Чукчина, по имени участников экспедиции Русанова), расположенном в шхерах Минина, были найдены остатки одежды, патроны, компас, фотоаппарат, охотничий нож и другие вещи, принадлежавшие участникам экспедиции на «Геркулесе».

После тщательных поисков неподалеку от этих предметов была найдена мореходная книжка матроса «Геркулеса» А.С. Чукчина и серебряные часы с инициалами В.Г. Попова, тоже матроса «Геркулеса», и справка, выданная на его имя.

Судя по этим находкам, можно предполагать, что крайне неблагоприятные ледовые условия в 1912 году принудили «Геркулес» к зимовке где-то в районе северной части Новой Земли, а в следующем году Русанов, видимо, достиг Северной Земли. В пользу такого предположения говорят также следы чьей-то стоянки, обнаруженные в 1947 году в заливе Ахма-

това на северо-восточном побережье острова Большевик (Северная Земля). По всей вероятности, это следы экспедиции Русанова.

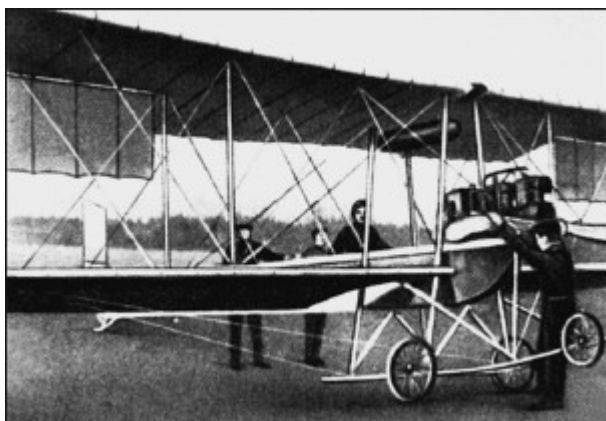
Безвременно погибший Владимир Александрович Русанов оставил неизгладимый след в истории исследования Арктики.

Его именем названы залив на восточном побережье Новой Земли, полуостров на южном побережье, пролив между островом и этим побережьем, бухта на том же побережье, промысловое становище в этой бухте и гора на побережье залива.

Пропавшая рукопись инженера Гаккеля¹⁹

В истории авиации есть имена создателей летательных аппаратов, способствовавших дальнейшему развитию авиации, давших много плодотворных идей, но в силу обстоятельств так и не вошедших в первый ряд корифеев. Таким человеком являлся один из первых авиаконструкторов и летчиков, инженер-электрик Яков Модестович Гаккель, построивший первые аэропланы в самый начальный период авиации, в 1909—1912 годы, когда наука аэродинамика еще была в самом зародыше...

В те годы многотрудных поисков авиационной конструкторской мысли Яков Модестович сумел дать много интересных конструктивных решений. Он построил девять самолетов, из которых семь показали выдающиеся для своего времени результаты.

Один из самолетов Я.М. Гаккеля

Я.М. Гаккель родился в 1874 году в Иркутске, в семье военного инженера. Среднее образование получил в реальном училище, высшее – в Петербургском электротехническом институте.

В 1905 году он участвовал в строительстве станций и подстанций петербургского трамвая и одновременно преподавал в электротехническом институте. Заинтересовавшись авиацией, он в собственной мастерской в начале 1908 года вместе с братом приступил к постройке своего первого самолета, остов которого был из бамбука, широко используемого в те времена для постройки летательных аппаратов.

Аэроплан торжественно доставили на Коломязжский ипподром. Во время запуска от выхлопа в карбюраторе загорелось нижнее крыло, которое быстро погасили, но аэроплан к полетам был уже непригоден.

Гаккель немедленно приступил к постройке второго аэроплана. Это был уже бимоноплан, то есть аппарат, имевший две связанные между собой поверхности. Подобная схема несколько позже была разработана Луи Бреге, и он с гордостью показывал ее на Реймской авиационной неделе во Франции.

Крылья аэроплана «Гаккель-II» имели размах 11,5 м, двигатель Анзани, прочное шасси из четырех стальных труб составляло «кабан», к которому крепились расчалки для крыльев. Шасси имело резиновые амортизаторы и два дополнительных колесика, предохранявших аэроплан от капотирования. Вес самолета был 560 кг. Но и он не смог подняться в воздух и был перестроен в следующий тип.

¹⁹ По материалам Л. Вяткина.

«Гаккель-III» имел ряд конструктивных новшеств. Фюзеляж был расчалочный, лонжероны из сосновых брусков, ибо конструктор понял, что бамбук не технологичен. На расчалки пошли стальные струны от рояля. Фюзеляж обшит полотном. От боковых ударов предохраняли пружины, надетые на ось с обеих сторон колес.

Аэроплан был закончен в мае 1910 года, а 24 мая комиссия Всероссийского аэроклуба официально зарегистрировала первый полет по прямой на расстояние 200 м.

Однако двигатель, как и у Блерио, быстро перегревался, и Гаккель принимается за постройку следующего, тем более что летчик Ф.В. Булгаков, недавний студент, летавший ранее только в качестве пассажира, при посадке слегка зацепился за дерево.

«Гаккель-IV» имел больший размах, на нем стоял более мощный двигатель «Аргус» в 100 л.с. На нем Булгаков совершил несколько успешных полетов. Однако у Гаккеля в голове созрели новые технические идеи, и он принялся за переделку и этого аппарата.

Видимо, конструктор решил сам научиться летать, поэтому, удлив фюзеляж на 0,6 м, он поставил еще одно сиденье и дублирующее управление. Маслорадиатор конструктор убрал под двигатель. Аэроплан был устойчив в полете, легок в управлении, и Гаккель быстро освоил на нем «искусство летания». Вскоре состоялось его знакомство с пилотом Г.В. Алехновичем. В августе 1911 года он участвовал в перелете Петербург – Царское Село и обратно, выиграв приз Всероссийского аэроклуба.

В программу I конкурса военных аэропланов, помимо других условий, входили взлет и посадка на невспаханное поле. Два его конкурента – бипланы «Дукс» и «Лебедев», сделанные по типу «фарманов», – каждый раз ломали шасси, и только эластичное и хорошо разработанное конструктивно шасси Гаккеля выдержало!

Пилотируемый Алехновичем, аэроплан Гаккеля достиг скорости 92 км/ч, на высоту 500 м с пассажиром он поднимался за 9 минут! Такая скороподъемность по тем временам была фантастической!

За 8000 руб. аэроплан купило Военное министерство для Гатчинской авиационной школы. Алехнович перегнал его в Гатчину, где его приняли и поставили в ангар. Но самолету не суждено было состоять на вооружении русской армии, механики позабыли в морозный день слить воду из радиатора, вода, замерзнув, разорвала рубашку мотора. Перспективный, пригодный для военных целей аэроплан оказался «на приколе»...

Весной 1912 года Гаккель направил на II Международную выставку воздухоплавания в Москве свой новый аэроплан «Гаккель-VIII» и получил за него от Московского общества воздухоплавания Большую Золотую медаль. По окончании выставки Г.В. Алехнович установил на этом аэроплане «русский рекорд высоты», равный 1350 м, а также совершил полеты безлунной ночью, приземляясь на поле, освещаемом горящим бензином. После чего Алехнович выполнил ряд публичных полетов над восторженной толпой зрителей в Курске, Смоленске, Вязьме, Гомеле. Такой серьезный успех аэропланов Гаккеля вызвал зависть у многих его конкурентов.

Следующим оригинальным самолетом был «Гаккель-IX», первый в мире подкосный моноплан. Многие летчики жаловались на плохой обзор и тесные кабины на иностранных аэропланах. Гаккель, будучи сам неплохим пилотом и разделяя их мнение, попытался обеспечить хороший обзор вверх и в стороны, что особенно важно для боевых аэропланов, для чего в крыле были вырезаны отверстия и вырезы в задней его кромке.

Оба его аэроплана «Гаккель-VIII» и «Гаккель-IX» участвовали в конкурсе, и многие специалисты предрекали несомненную победу конструктору. Но произошло непредвиденное. Еще недавно хорошо отрегулированные и доработанные самим Гаккелем моторы на обоих аэропланах вдруг, как по команде, стали давать перебои в воздухе и запускаться с большим трудом. Аэропланы как будто подменили.

Причина выяснилась много позже. Механик Гаккеля, нанятый на время соревнований, оказался подкупленным летчиком конкурирующего завода «ДУКС» А.М. Габер-Влынским, который в нужный момент подливал серную кислоту в рубашки двигателей, чем выводил их из строя.

Призов Гаккель не получил. Все деньги были израсходованы. 5 декабря 1912 года в морозную ветреную ночь «от невыясненной причины» загорелся ангар, в котором оба красавца-самолета мгновенно сгорели.

Гаккель пережил сильнейший стресс и разочарование. Кое-как расплатившись с долгами, он объявил друзьям, что оставляет авиацию, на которую было потрачено столько сил и средств. Он стал читать студентам лекции по электротехнике и занялся проектированием трамваев и тепловозов.

В 1914 году морское ведомство заинтересовалось гидросамолетом Гаккеля, построенным еще до 1912 года («Гаккель-V»), и начало вести переговоры с Русско-Балтийским заводом в Риге о постройке головной серии таких аэропланов для нужд флота. Однако начавшаяся Первая мировая война спутала все планы.

Для развития авиационной отрасли в России Яков Модестович составляет проект основания акционерного «Общества русских летательных аппаратов» (ОРЛА) и одновременно разрабатывает конструкцию военного самолета, способного нести бомбы.

Это был триплан с четырьмя двигателями, расположенными в фюзеляже, что уменьшало лобовое сопротивление и давало удобный доступ к ним во время полета. Они вращали два больших винта, вынесенных на крылья. Конструкция была оригинальной, имела много новых решений, но и здесь дело застопорилось: с началом войны заводы спешно выполняли правительственный заказ по строительству самолетов И.И. Сикорского «Илья Муромец», уже хорошо себя зарекомендовавший в рекордных полетах, что признавал и сам Гаккель.

Впоследствии, в 1922 году, был построен 10-местный триплан «КОМТА», напоминавший самолет Гаккеля, однако из-за роста скоростей подобная схема уже устарела.

И вновь Яков Модестович вынужден был оставить авиацию и найти применение своим техническим познаниям и таланту в других областях техники. «Авиационная фортуна почему-то норовит повернуться ко мне спиной», – грустно улыбаясь, говорил он сыну, советовавшему ему вновь приняться за аэропланы.

По проекту Гаккеля в СССР был построен один из первых в мире мощных тепловозов (735 кВт), чем сделан весомый вклад в экономику страны.

Правда, в 1922 году он предложил основать акционерное общество по производству и эксплуатации самолетов на пассажирских авиатрассах. Под эту идею он тщательно разработал проект трехмоторного пассажирского самолета «Гаккель-Х», но комиссия Главвоздухфлота проект отклонила, сославшись на трудности его реализации, на что Гаккель возразил: «Имея весьма скромную мастерскую, я на свои деньги смог построить девять аэропланов, а вы не в состоянии произвести на свет в собственном государстве ни одной машины»...

Незадолго до кончины он писал М.В. Водопьянову: «Кончая свой жизненный путь и подводя итоги к 40-летнему юбилею моей инженерной деятельности, я больше всего сожалею, что забросил самолетостроение».

На его рабочем столе стояла старинная бронзовая лампа с выключателем – «пупочкой», которую он любил. При свете этой лампы он иногда чертил новые эскизные проекты самолетов, удивительно изящных по очертаниям. После чего, глубоко вздохнув, прятал их в ящик стола. Умер он в возрасте 71 года в 1945 году. Чертежи его оригинальных проектов бесследно исчезли...

Но рукописи и чертежи не горят.

Так можно сказать, перефразируя слова булгаковского Воланда. Удалось разыскать чудом сохранившиеся чертежи проекта пассажирского самолета «Гаккель-Х». Тем самым

представилась редкая возможность изучить и оценить как саму конструкцию, так и проследить ход мысли талантливого конструктора.

«Предлагаемый тип самолета – биплан – разработан после рассмотрения ряда вариантов. Мы остановились на нем вследствие выяснившихся преимуществ перед другими, – писал Я. М. Гаккель в пояснительной записке. – Основу самолета составляет рыбовидное тело (фюзеляж) с закрытой кабиной для 15 пассажиров. Перед пассажирской кабиной расположено помещение пилота и механика... В носовой части самолета установлен центральный мотор. Два других подвешены симметрично по обеим сторонам, на высоте центрального мотора, между крыльями.

Расстояние между осями боковых моторов составляет 5 м, они снабжены толкающими пропеллерами».

Далее следует обоснование первого несомненного преимущества перед всеми прочими нового самолета: оно заключается в том, что Гаккель сумел превратить боковые двигатели в силовые стойки, поддерживающие крылья.

Он пишет: «Конструкция, поддерживающая боковые моторы, является вместе с тем связью между крыльями биплана. Таким образом, свободно-несущие крылья начинаются лишь от моторов, и при размерах крыльев в 22 метра свободные крылья получились бы длиной по 8,5 м».

Гаккель поясняет, что такая конструктивная находка позволила уменьшить поперечное сечение крыльев, увеличить их жесткость, уменьшить вибрацию крыльев в полете, менять их установочный угол и противодействовать короблению.

«Это соединение является новой, оригинальной конструкцией, которую мы называем «двойной кронштейн»... На двух страницах он приводит расчеты и схемы, подтверждающие преимущества «двойного кронштейна» и размеры главных частей самолета: размах крыльев – 22 м, расстояние между крыльями – 2,1 м, наибольшая толщина – 0,5 м, площадь крыльев – 105 м², установочный угол нижнего крыла – 5 градусов, площадь стабилизатора – 8 м², площадь киля – 3,5 м², длина самолета – 15 м, высота – 4,2 м.

Крылья Гаккель намеревался обшить 5-миллиметровой ольховой фанерой, все другие части – 3-миллиметровой. Интересно, что для уменьшения вредного сопротивления он подробно описал технологию обработки обшивки: фанера полируется, покрывается вареной олифой, после высыхания крепится латунными шурупами, затем шпаклюется, зачищаются стыки, затем самолет окрашивается два раза масляной краской и наконец покрывается масляным лаком. (Эта часть описания, вероятно, будет интересна модельщикам).

Под полом кабины пилота и механика Гаккель поместил бензиновые баки емкостью в 1360 литров и масляные баки. Обзор из кабины пилота был хороший.

Как видим, самолет Гаккеля был достаточно комфортабелен для 1922 года, когда он проектировался, по сравнению с другими, обслуживаемыми авиалинии Франции, Италии и Англии. Самолет мог выполнять 8-часовой полет со скоростью 160 км/ч.

Двигатели должны были стоять двух типов: Роллс-Ройс впереди с тянущим винтом мощностью 360 л.с. и БМВ мощностью 185 л.с. с суммарной тягой 828 кг. Общий вес самолета составлял 4500 кг. Полезный груз – 1400 кг.

Далее Гаккель пишет, что, хотя труды профессора Н.Е. Жуковского, А.Г. Эффеля и Г.А. Ботезата дают возможность определить расчетную максимальную скорость его самолета, он тем не менее путем сравнения характеристик с самолетами Фоккера, Юнкерса, Дорнье и Кертиса вычисляет наиболее вероятную максимальную скорость «Гаккеля-Х», равную 203 км/ч. После чего он заключает:

«Отсюда видим, что расчет сделан нами не только осторожно, но с таким запасом, что можно ожидать от проектируемого нами самолета выполнения более тяжелых заданий, чем поставленные нами себе вначале. Профессор Я. Гаккель, 15 июля 1922 года».

Остается в очередной раз выразить сожаление, что столь совершенный по конструкции и замыслу, комфортабельный и быстроходный «воздушный корабль» не был построен.

Любопытно, что через пятнадцать лет «передовой самолет» чуть не погубил конструктора и он чудом избежал судьбы авиаконструкторов Калинина, Туполева, Королева, Мясищева, Бартини, Ивенсена и многих других, которые в годы репрессий были или расстреляны, или заключены в тюрьмы, лагеря и «шарашки».

Как рассказывал Гаккель, в середине тридцатых годов германская фирма «Юнкерс» построила трехмоторный самолет, напоминавший самолет Гаккеля. НКВД нашел это сходство подозрительным, и конструктору было предъявлено обвинение в «продаже немцам своего самолета». В его квартире был произведен тщательный обыск. Гаккеля несколько раз вызывали на допрос «с пристрастием».

– Почему вы перестали строить самолеты и занялись тепловозами? – спросил следователь, видимо, надеясь обвинить его в еще одной «продаже врагу».

– Видите ли, – не спеша начал Гаккель, – товарищу Ленину понравился мой проект тепловоза, и он просил начать их строительство. Это было в июле 1921 года. В сентябре я нашел на Балтийском судостроительном заводе в Петрограде дизель Веккерса мощностью 1000 л. с. с подводной лодки «Лебедь», а в феврале вместе со сметой передал чертежи Госплану. Ленин дал указание Глебу Максимилиановичу Кржижановскому ассигновать необходимые средства. Я был назначен заведующим бюро при Технологическом институте и в мое распоряжение выделили четыре завода, включая «Красный путиловец». И тепловоз «Щ эл I» был построен и много лет водил груженные составы. Так из «авиатора» я стал «железнодорожником», – закончил свои показания Гаккель.

Внимательно слушавший Гаккеля следователь задал еще несколько вопросов и затем предложил все сказанное изложить письменно. Показания Гаккеля были тщательно проверены и уточнены у Кржижановского, и его оставили в покое.

Правда, после того ему несколько раз предлагали перейти работать в авиационные конструкторские бюро, но Гаккелю не хотелось работать в «режимных КБ», и он под благовидным предлогом (стране нужны были тепловозы) отказывался.

Чертежи своего «десятого аэроплана» он, уже тяжело больной, передал П.Д. Дую, навестившему его в Ленинграде, как и саму рукопись и все расчеты.

– Извините, что могу дать вам только «синьку». Подлинник арестован НКВД и, естественно, сгинул, – слабым голосом сказал Гаккель.

Он намеревался передать для публикации и другие свои разработки – быстроходного глиссера, учебно-спортивного самолета «Гаккель-ХI», авиетки «Муха», гидросамолета, – но они случайно попали в другие руки и пропали бесследно...

Однажды на торжественном заседании в Технологическом институте, посвященном празднованию 1 мая, его избрали в почетный президиум, перечислили его заслуги перед отечеством и назвали «Дедалом русской авиации». На что не без юмора он отвечал, что едва ли его можно считать старше «отца русской авиации Н.Е. Жуковского», но тем не менее он всегда жалел, что будучи занят в других областях техники, не имел возможности отдать авиационной работе достаточное количество энергии и времени.

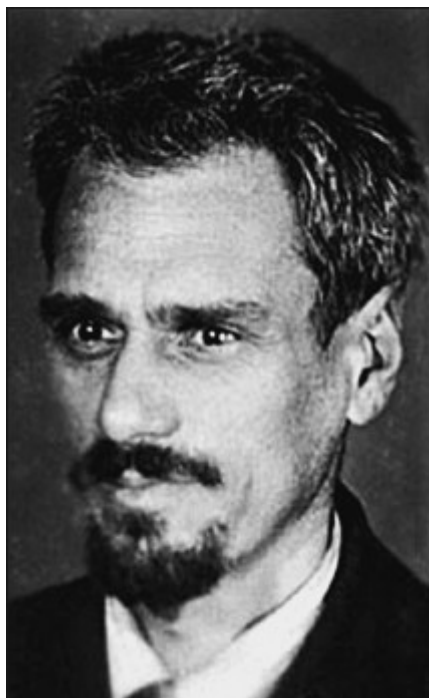
Здоровье Гаккеля было сильно подорвано во время блокады Ленинграда. В 1945 году Яков Модестович Гаккель умер. За его гробом шли близкие, профессора институтов и студенты на алых подушках несли его орден Трудового Красного знамени и медали.

Секретная жизнь после смерти

«Когда ранним мартовским утром 1968 года с взволнованно бьющимся сердцем я следил за стартом ракеты, уносившей корабль «Аполлон-9» к Луне, я думал в этот момент о русском – Юрии Кондратюке, разработавшем трассу, по которой предстояло лететь трем нашим астронавтам». Таково признание одного из ведущих американских специалистов по космонавтике Джона Хуболта.

Действительно, самая выгодная трасса полета на Луну была рассчитана в России. Она помогла американцам быстрее начать их лунные экспедиции и сэкономить миллиарды долларов. Но Хуболт не знал подлинного имени человека, открывшего американцам дорогу к Луне, поскольку звали его не Юрий Кондратюк, а Александр Шаргей!

Александр Игнатьевич Шаргей родился в Полтаве в 1897 году. Один из учителей гимназии, в которой учился Шаргей, утверждал, что он обладал удивительными способностями в математике и в других точных науках.

А.И. Шаргей

В жизни Александра произошел решительный поворот после того, как в 1914 году он прочел роман немецкого писателя Б. Келлермана «Туннель» о строительстве туннеля, соединившего берега Америки и Европы! Дерзкий замысел поразил Александра Шаргея. Ему захотелось самому разработать какой-нибудь грандиозный проект, например, пробурить шахту до самого центра Земли и затем использовать тепло земных недр! Или осуществить полет к иным планетам.

Мысль о сверхглубокой шахте Шаргей вскоре оставил, но идея межпланетных путешествий все больше и больше увлекала его. Он не знал ученых, которые тоже думали бы об этом. Не знал о Циолковском, уже наметившем и рассчитавшем планы покорения космического пространства.

Окончив гимназию, Александр Шаргей поступил в Петроградский политехнический институт, но проучился там недолго. Шла Первая мировая война, и Шаргея после краткосрочной школы прапорщиков отправили на Закавказский фронт.

К весне 1918 года старая русская армия распалась. Прапорщик Шаргей возвращался домой и где-то на Кубани нарвался на белогвардейский патруль. Его задержали и опять отправили в армию, теперь уже в Белую.

При первом же удобном случае Шаргей бежал. Ему удалось добраться до Киева, где хозяйничали денikinские войска. По объявленной мобилизации Александр снова попал в Белую армию, правда, вскоре ему опять удалось бежать.

Шаргей поселился в украинском городке Смела. В 1920 году перебрался в местечко Малая Виска, но жил в постоянной тревоге. В любой момент его могли арестовать как бывшего белогвардейца.

Родственники советовали Александру Игнатьевичу изменить имя и фамилию. В это время в Киеве умер от туберкулеза совершенно незнакомый ему человек – Георгий Васильевич Кондратюк. Друзья сумели достать метрическое свидетельство покойного и переслали его в Малую Виску. Шаргей исправил имя Георгий на Юрий и весной 1920 года превратился в Юрия Васильевича Кондратюка, родившегося в городе Луцке в 1900 году. Под этим новым именем Шаргей и вошел в историю мировой космонавтики.

У новоявленного Кондратюка уже лежал на столе труд о космонавтике с замечательным названием «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Работа пестрела математическими формулами и расчетами. Надо было обладать удивительным талантом, чтобы самоучкой овладеть сложным математическим аппаратом и тонкостями механики. В этом труде Юрий Кондратюк на десятилетия предугадал развитие мировой космонавтики. Он дал схему «челнока» – крылатого космического корабля, предсказал, что при первом полете на Луну экипаж будет состоять из трех человек, двое из них опустятся на лунную поверхность, а третий останется ждать в корабле на орбите Луны. Так и случилось!

А жить он продолжал в тревоге. И однажды, измучившись, решил покинуть Россию и нелегально перебраться через кордон в Германию. Его задержали на подходе к польской границе и этапом отправили назад.

О своих космических трудах Кондратюк никому не говорил, но теперь решил показать их ученым и отослал в Москву. Они попали к известному ученому-аэродинамику В.П. Ветчинкину, который рекомендовал опубликовать их.

Между тем техническая мысль Кондратюка не знала покоя. В Сибири и на Алтае по его проектам были построены огромные зернохранилища. Одно из них, получившее название «Мастодонт», было самым большим в мире деревянным сооружением. В Новосибирске зимой 1929 года вышла в свет его книга «Завоевание межпланетных пространств». Книга была издана на средства автора тиражом две тысячи экземпляров. Именно из нее американцы и узнали, как надо лететь к Луне!

Но вскоре Юрия Васильевича арестовали как вредителя. Его приговорили к трем годам лагерей. Однако решение «суда» было пересмотрено, лагерь заменили ссылкой и работой в проектно-конструкторском бюро ОГПУ.

Находясь в заключении, Кондратюк узнал, что в Москве объявлен конкурс на лучший проект мощной ветроэлектрической станции. Инициатором конкурса был нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Юрий Васильевич за два месяца разработал проект. Он был одобрен, а Кондратюк при содействии Орджоникидзе обрел свободу. Его башню высотой 165 метров с двумя огромными пропеллерами планировалось построить в Крыму на горе Ай-Петри.

В один из приездов Кондратюка в Москву, в 1933 году, произошло важное событие – он встретился с С.П. Королевым, будущим Главным конструктором космических кораблей.

А вот гигантская ветроэлектрическая станция фактически осталась на бумаге. Помешала ее сооружению смерть Орджоникидзе в феврале 1937 года. Но Кондратюк еще несколько лет продолжал заниматься ветроэнергетикой. Война застала его в Москве, где он вступил в народное ополчение.

3 октября 1941 года считается днем гибели Кондратюка в бою. Но после войны, при изучении фашистских архивов, обнаружились документы, якобы свидетельствующие о работе Ю.В. Кондратюка у немецкого ракетчика Вернера фон Брауна на ракетной базе в Пенемюнде. Значит, Кондратюк не погиб, а попал в плен? Ответ на вопрос затрудняется тем, что будто бы у Кондратюка объявился двойник, правда, оказавшийся профаном в космонавтике. Как бы то ни было, этот факт биографии гениального самоучки, если даже он действительно имел место, не должен затуманить облик человека, прославившего вместе с другими нашими учеными русскую космическую мысль.

Машина времени – утраченное открытие²⁰

Иван Большаков, молодой рабочий воронежского завода имени Коминтерна, весной 1941 года изобрел транспортер совершенно новой конструкции.

Имея всего лишь начальное образование, Иван проявлял исключительный интерес к технике и постоянно пытался усовершенствовать все, с чем ему доводилось сталкиваться.

На счету Большакова уже было несколько полезных усовершенствований, к нему присматривались, руководство завода настойчиво советовало идти на рабфак, но Иван не торопился, хотя и понимал необходимость учебы. Жена и годовалый ребенок требовали средств, а какие средства у рабфаковца?

Транспортер Большаков поначалу думал сделать магнитный. Обычная лента, приводимая в движение механической силой, казалась ему нелепостью и анахронизмом в век электричества. Коэффициент полезного действия имевшихся транспортеров едва ли больше десяти процентов, а порою скатывался и к одному. Ну а если вместо ленты, валиков, ремней применить магнитное поле? Тогда энергия будет расходоваться только на перемещение детали, не станет шума и пыли, экономятся материалы, идущие на сооружения транспортеров. А еще – станет красивее! Детали бесшумно перемещаются по цеху, чистота, культура! Стремление к чистоте и культуре у живущего в рабочем бараке Большакова было непреодолимым.

В деле изобретательском, как и в иных делах, порой случается: шел в комнату, попал в другую. Подобное вышло и с транспортером Большакова. Создать равномерное магнитное поле простыми средствами не удавалось никак. Тогда он решил применить магнитную пушку: с одного рабочего места на другое детали не плыли, а перелетали, выпущенные из магнитной катапульты, и попадали в магнитный же гамак-амортизатор в месте доставки.

В 1930—1940-х годах развивалось движение рабочих-изобретателей

Работал Большаков в экспериментальной мастерской завода, разумеется, после смены. И однажды, раз за разом меняя конструкцию магнитной катапульты, Большаков получил

²⁰ По материалам С. Нафферта.

результат, превосходящий самые смелые ожидания. Деталь от «катапульты» к «гамаку» стала перемещаться мгновенно!

Разумеется, Большаков знал, что скорость распространения электромагнитных волн очень велика, но то, что скорость эта сообщится детали, представлялось невероятным. Действительно, на разгон предмета до скорости света уходило бы столько энергии, сколько ее не вырабатывали все электростанции Советского Союза. А здесь расход электричества был не больше, чем при горении сорокасвечевой лампочки.

Он попытался сфотографировать объект в момент перемещения. Ничего не вышло, но случайно во время съемок экран (лист белой бумаги, на фоне которого Большаков производил съемку) оказался на пути детали. И... деталь переместилась, а экран остался неповрежденным. Повторив опыт в разных условиях, Иван Большаков пришел к выводу, что деталь перемещается: а) мгновенно и б) в волновом виде. Зная о физике лишь из школьных пособий и научно-популярных брошюр, он сумел сделать заключение, что в его «катапulte» происходит преобразование вещества в электромагнитные колебания, а в «гамаке» – обратная трансформация.

Большаков, похоже, и не догадывался, что сделал открытие мирового значения. Он думал, что этот эффект – переход вещества в поле и обратно – известен «большой физике», а на заводе не применяется вследствие разрыва между передовой наукой и практикой.

Отладив прототип нового транспортера, Большаков продемонстрировал его заводским инженерам. Транспортер был встречен довольно прохладно. Чтобы это понять, нужно представить себе обстановку, царившую на оборонных заводах в то время. Работа велась в две смены, без выходных дней, жесткий и чрезвычайно напряженный график требовал полной отдачи и людей, и механизмов. Транспортер же Большакова не обещал ни качественного роста производительности труда, ни улучшения характеристик выпускаемой продукции. А продукцией Воронежского завода им. Коминтерна были реактивные минометы, впоследствии известные как легендарные «катюши». И без того сроки срывались, так что обстановка не располагала внедрять никем не одобренные, не прошедшие испытание нововведения. Если бы «транспортерами Большакова» начали заменять существующие, вполне надежные и приемлемые, это неизбежно привело бы к задержкам. А если бы транспортеры себя не оправдали? Вредительство! С другой стороны, давать отрицательный отзыв эксперименту тоже было чревато – в будущем подобное могло обернуться обвинением в сознательном торможении прогресса. Опять вредительство! А вредительство в предвоенные годы сулило приговор строгий и скорый.

Поэтому «транспортеру Большакова» (как и другим великим и безвестным изобретениям) предстояло пройти испытание волокитой. О нем отзывались как о любопытном предложении, но потребовали оформить соответствующим образом документы, предоставить теоретическое обоснование принципов работы, чертежи и т.д.

А в теоретическом обосновании, как и в черчении, Большаков был не силен. То есть начертить рабочую схему для себя или для другого мастера он мог, но исполнить красивый, безукоризненный чертеж – нет. У него и кульмана-то не было.

Правда, выход из ситуации все же имелся: взять в соавторы дипломированного специалиста. Но тут Большакову не повезло. Инженер Людвиг Герстнер, который и прежде неоднократно помогал Большакову, попал под репрессии. Получалось, что Иван, вольно или невольно, был связан с врагом народа, а потому и сам он стал фигурой нежелательной. Остальные инженеры шарахались от него, как от зачумленного.

К тому же с Иваном случилась странная болезнь. Руки, лицо и частично тело покрылись незаживающими язвами, стали выпадать волосы, появилась лихорадка, общая слабость, утомляемость. Первоначальный диагноз дурной болезни отвергли, реакция Вассермана спасла репутацию, но определить причину страданий воронежские медики не могли.

Наконец известный дерматолог доктор Майзель заподозрил лучевую природу язв – они выглядели чрезвычайно схожими с язвами, полученными при мощном и длительном рентгеновском облучении. Правда, Иван Большаков с рентгеновскими установками не контактировал, но картина поражения кожи была весьма характерной. При соответствующей терапии язвы стали заживать, но очень, очень медленно.

22 июня началась война. Продолжительность рабочего дня увеличилась, времени для побочных исследований не оставалось. Все-таки Большакову удалось провести пробы на рентгеновское излучение. Выяснилось, что его источником были не «катапульты» и не «гамак», а кусок стали, выполнявший роль детали, объекта перемещения. Кусок этот, массой около килограмма, засвечивал покрытую специальной эмульсией пленку, находящуюся в плотном конверте черной светонепроницаемой бумаги. Следовательно, решил Иван, в процессе преобразования вещества в поле и обратно предмет приобретает свойства радиоактивности. Открытие означало, что применять подобный транспортер на производстве невозможно, и Большаков решил отложить работу над магнитным транспортером до более спокойных времен. Установку вскоре разобрали – в обмотках электромагнитов было несколько килограммов ценнейшей меди, которая требовалась для иных целей. Война поглощала все ресурсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.